

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА
ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

ЕНОКЯН Артём Вачаганович

**ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЕЦКОЙ
РЕСПУБЛИКИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (2002-2022 гг.)**

Специальность 5.6.7.

История международных отношений и внешней политики

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., профессор

Курылев Константин Петрович

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	25
1.1. Концепция «мягкой силы» в научном дискурсе.....	26
1.2. Политика «мягкой силы» Турции в XXI в.	40
1.3. Регион Южного Кавказа в современной системе международных отношений	59
ГЛАВА 2. ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ.....	87
2.1. Геостратегические интересы Турции в Азербайджане	87
2.2. Модель «Одна нация – два государства» и ее влияние на восприятие имиджа Турции	97
2.3. Методы и инструменты политики «мягкой силы» Турции в Азербайджане	104
ГЛАВА 3. УСИЛИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ТУРЕЦКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ОТНОШЕНИИ АРМЕНИИ.	114
3.1. Армения в геополитических интересах Турции в Кавказско-каспийском регионе.	114
3.2. Турецкая «мягкая сила» в Армении	122
3.3. Образ Турции и его характеристика в Армении	132
ГЛАВА 4. «МЯГКАЯ СИЛА» ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ ГРУЗИИ ...	144
4.1. Внешнеполитические интересы Турции в Грузии.....	144
4.2. Государственные и негосударственные институты в политике «мягкой силы» Турции в Грузии	155
4.3. Восприятие и эволюция имиджа Турции в Грузии	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	177

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность темы исследования обусловлена целым рядом факторов. Современная Турция является одним из растущих центров геополитического влияния. После 2002 г. Партия справедливости и развития, приобретя в Турции статус правящей, делает значительные внешнеполитические успехи. Турция, применяя «жесткую и мягкую силу», стремится утвердиться в качестве лидера в Черноморском регионе и в Восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, на Южном Кавказе и в Центральной Азии, претендуя тем самым ведущую роль в мировой политике.

За последние два десятилетия политика «мягкой силы» Турции, которая опирается на историко-культурные и религиозные традиции, географические и экономические ресурсы, стала одним из главных направлений ее внешней политики. Важными объектами воздействия турецкой «мягкой силы» являются страны Южного Кавказа, которые после распада СССР приобрели особое геостратегическое значение в конкурентной борьбе не только региональных, но и международных сил. После 2002 г. правящая Партия справедливости и развития разработала и начала более активно применять политику мягкого воздействия в странах региона, особенно в Азербайджане и Грузии, результатом чего стало укрепление двусторонних связей государств и превращение их в стратегических союзников.

После Второй карабахской войны в 2020 г. в регионе складывается новая реальность, для понимания которой актуальным является изучение существующих подходов Турции по отношению к странам Южного Кавказа, где к традиционным реципиентам турецкого мягкого воздействия, Азербайджану и Грузии, добавляется и Армения. Таким образом, влияние Турции в регионе сопровождается успешной региональной политикой, которая с помощью политики «мягкой силы», с одной стороны, привлекает государства Южного Кавказа, с другой – принуждает их учитывать ее

политическое воздействие. Все это актуализирует тему диссертационного исследования, определяет ее научное и практическое значение.

Степень научной разработанности темы исследования. Первая группа работ включает в себя труды раскрывающие теоретико-методологические аспекты концепции «мягкой силы». Среди теоретиков данной концепции, в первую очередь, следует выделить основателя концепции Джозефа Ная и его труды¹.

В работах зарубежных исследователей А. Вувинга², С. Анхольта³, Е. Лока⁴, Р. Кокса⁵, М. Барнетт⁶, Р. Дувалл⁷, Ф. Закария⁸ рассматриваются различные аспекты политики «мягкой силы» и ее влияния на современные международные отношения. Проблематикой введения концепции в политическую науку и критикой ее применения в международных отношениях занимались зарубежные ученые Т. Холл⁹, Е. Лок¹⁰ и др., а также российские

¹ *Nye J.S.* Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167 p; *Nye J.S.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004. 206 p; *Nye J.S.* The future of power. 2011. 147 p; *Nye J.S.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. 147 p; *Nye J.S.* The Powers to Lead. Oxford University Press. 2008. 241 p.

² *Vuving A.L.* How Soft Power Works // Toronto: Soft Power and Smart Power, 2009. 19 p.

³ *Anholt S.* Soft Power // Internationale Politik 1, Januar/Februar 2014. 29. P. 48–53 p.

⁴ *Lock E.* Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. London: Routledge. 2010. P. 32–50.

⁵ *Cox R.W.* Gramsci, Hegemony and International Relations // Millennium: Journal of International Studies. Vol. 12. 1983. P. 162–175.

⁶ *Barnett M.* Power in international politics // International organization. 59. 2005. P. 39–75.

⁷ *Duval R.* Power in global governance. Cambridge University Press. 2005. 368 p.

⁸ *Zakaria F.* Why America scares the world and what to do about it // Newsweek. 2003. 24. P. 19–33.

⁹ *Hall T.* An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. 193 p.

¹⁰ *Lock E.* Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. London: Routledge. 2010. P. 32–50.

исследователи: М.В. Харкевич¹¹, Ю.П. Давыдов¹², Л.Р. Рустамов¹³, О.В. Красин¹⁴, И.А. Сафранчук¹⁵, М.А. Неймарк¹⁶, Г.Ю. Филимонов¹⁷, О.Ф. Русаков¹⁸ и др.

Изучению национальной специфики и практического применения политики «мягкой силы» посвящены работы Ю.А. Никитиной¹⁹, П.Б. Паршина²⁰, В.Д. Агеевой²¹, М.М. Лебедевой²², М.В. Харкевича²³.

Отдельные работы посвящены детальному изучению роли конкретных инструментов и ресурсов «мягкой силы» в процессе формирования привлекательности государства. Одному из факторов – высшему образованию – отводится место в трудах, таких европейских ученых, как Д. Ли²⁴, А. Войчук,

¹¹ Харкевич М.М. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2. С. 22–29.

¹² Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 1. С. 69–80.

¹³ Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии. М. МГИМО. 2016. 33 с.

¹⁴ Красина О.В. «Мягкая сила» как теоретическая конструкция и властная технология в контексте современной мировой политики // Современная гуманитарная академия М. Изд-во СГУ. 2011. 36 с.

¹⁵ Сафранчук И.А., Синегубов А.Л. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Дипломатическая служба. 2014. № 1. С. 6–10.

¹⁶ Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2016. № 1 (312). С. 31-42.

¹⁷ Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. «Мягкая сила» как форма непрямой аппликации «Национального интереса» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, №2. 2012. С. 21–30.

¹⁸ Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. Вып. 10. С. 173-192.

¹⁹ Никитина Ю.А. Российский подход к продвижению «мягкой силы» в сфере внешней политики // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 30-35.

²⁰ Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО МИД России. 2013. Вып. 1 (36). С. 37-40.

²¹ Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации. Санкт-Петербург: СПбГУ. 2016. 40 с.

²² Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2. С. 47–55.

²³ Лебедева М.М. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском обществе / М.М. Лебедева, М.В. Харкевич // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 10–13.

²⁴ Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education Globalization and Universities in China and the World. Singapore. 2018. 251 p.

М. Микаэл, М. Стормовская²⁵. Среди работ российских авторов данному вопросу были посвящены работы А.В. Торкунова²⁶, М.А. Неймарка²⁷.

Вторую группу исследований представляю труды по истории внешней политики современной Турции. В российской исторической науке центром изучения истории Турции и ее внешней политики является Институт востоковедения РАН и, в частности, сектор Турции Отдела стран Ближнего и Среднего Востока. В работах заведующего сектором Турции Н.Ю. Ульченко²⁸ основной акцент сделан на изучении современного международного положения и характера экономического развития этой страны. Н.Г. Киреев²⁹ исследует место Турции в мировой политике на рубеже XX - XXI вв., уделяя специальное внимание фактору умеренного ислама во внутренней и внешней политике государства. Экономическое сотрудничество Турции со странами СНГ находится в центре внимания Е.И. Уразовой³⁰.

Турецкое научное сообщество представило довольно обширный пласт работ, посвященных внешней политике и политике «мягкой силы» в своей стране. В этом контексте в первую очередь нужно представить фундаментальные работы по концепции ведения внешней политики бывшего

²⁵ *Wojciuk A., Maciej M., Stormowska M.* Education as a source and tool of soft power in international relations // *European Political Science*. 2015. Vol. 14. P. 298–317.

²⁶ *Торкунов А.В.* Образование как «мягкая сила» во внешней политике России // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. №4. С. 85–93.

²⁷ *Неймарк М. А.* "Мягкая сила" в мировой политике / М. А. Неймарк. 3-е издание. Москва: Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2019. 272 с.; *Никитина Ю.А.* Российский подход к продвижению «мягкой силы» в сфере внешней политики // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 2. С. 30–35.

²⁸ *Ульченко Н.Ю., Уразова Е.И.* Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. Институт востоковедения РАН. М.: 2010. 265 с.; *Ульченко Н.Ю.* Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана) / Н.Ю. Ульченко, Н.М. Мамедова. М.: Городец. 2006. 287 с.

²⁹ *Киреев Н.Г.* История Турции XX в. М.: ИВ РАН: Крафт+. 2007. 608 с.; *Киреев Н.Г.* Турция между Европой и Азией. М.: 2001. 535 с.; *Он же.* Турция: неудачи радикального исламизма и успехи умеренного // *Россия и мусульманский мир*. 2011. №3. С.108–130; *Он же.* Турция: поиск национальной стратегии евразийского сотрудничества // *Центральная Азия и Кавказ*. 2002. №1. С. 20–30; *Он же.* Турция: что в багаже у партии власти «умеренного ислама» // *Россия и мусульманский мир*. 2004. №8. С. 87–100.

³⁰ *Уразова Е.И.* Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М.: Изд. МБА. 2012. 280 с.; *Она же.* Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ. М.: 2003. 208 с.

премьер-министра Турции Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина: международное положение Турции», «Мировой кризис», «Принципы внешней политики Турции и структурирование региональной политики», «От теории к практике: разговоры о внешней политике Турции» и др.³¹ Эти работы вызывают глубокий интерес из-за концептуальной проработанности и систематизации внешнеполитических подходов, которые должны были обеспечить усиление позиций турецкой дипломатии не только на региональном, но и на международном уровнях. Это попытка автора выстроить целостную и системную картину процесса формирования основных направлений турецкой внешней политики в XXI в., которые долгие годы были определяющими для турецкого миропонимания. Его идеи оказали, возможно, решающее влияние на формирование внешней политики Турецкой Республики в начале XXI в.

В работах турецких исследователей Баскын Орана³², Хасрет Чомака³³ в контексте анализа внешней политики Турции анализируется ее место в новом миропорядке после окончания холодной войны, подчеркивается важность использования экономических, политических и культурных возможностей страны в региональной и международной политике.

Западные исследователи также проявляют большой интерес к турецкой тематике. Важными являются труды Стефана Лараби и Ангела Рабассы³⁴, в центре внимания которых - политический ислам в Турции и его влияние на внешнюю политику страны. Необходимо отметить также работы профессора Лондонского

³¹ *Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision // An assessment of 2007. Insight Turkey. 2008. 1:10. P. 77-96; Davutoğlu A. Turkey's zero-problems foreign policy. Foreign Policy. 20(5). 2010. 237 p.; Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul. Küre Yayınları, 2001. 116 p.; Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu: Ciltli. A. Davutoğlu. İstanbul. Küre Yayınları, 2009. 600 p.*

³² *Oran B. Türk Dış Politikası Cilt I: 1919-1980. İstanbul. İletişim Yayınları. 2001. 248 p.; Oran B. Türk Dış Politikası Cilt II: 1980-2001. İstanbul. İletişim Yayınları. 2001. 250 p.; Oran B. Türk Dış Politikası Cilt III: 2001-2012. İstanbul. İletişim Yayınları. 2001. 885 p.*

³³ *Hasret Ç. Dünya Jeopolitiğinde Türkiye Hiperlink. İstanbul. Hiperlink Yayınları. 2011. 628 p.*

³⁴ *Rabasa A. Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey. RAND Corporation. 2008. 113 p.*

университета Уильяма Мэтью Хэйли³⁵. В книге «Исламизм, демократия и либерализм в Турции» Уильяма Мэтью Хэйл показывает, как данные идеологемы уживаются внутри Турции и влияют на ее политику «мягкой силы». Также немаловажными являются работы Н. Данфорт³⁶, А. Муриinson³⁷, К. Маккензи³⁸.

Специальную группу представляют труды российских и зарубежных (турецких и западных) авторов, посвящённые анализу политики «мягкой силы» Турции. В.А. Аваткова³⁹ исследует внешнеполитический курс Турецкой Республики в условиях трансформации современных международных отношений, особый акцент делая на анализе политических и идейно-ценностных механизмов во внешней политике Турецкой Республики. Для исследования данной темы большое значение имеют труды Т.В. Кашириной⁴⁰, в которых автор анализирует современную систему международных отношений, определяет место в ней Турции. Также для комплексного изучения внешней политики и «мягкой силы» Турции

³⁵ Hale W., Ergun Ö. "Islamism, Democracy and Liberalism in Turkey: The Case of the AKP." // Milton Park: Routledge, 2010. P. 3-19

³⁶ Danforth N. Ideology and Pragmatism in Turkish Foreign Policy: From Atatürk to the AKP. *Turkish Policy Quarterly*. 7:3. 2008. 91 p.

³⁷ Murinson A. The strategic depth doctrine of Turkish foreign policy. *Middle Eastern Studies*. 42:6. 2006. 947 p.

³⁸ Kaitlin M. Turkish Soft Power Changes Middle East // Interview with Sedat Laçiner. *The Journal of Turkish Weekly*. 12 November 2009.

³⁹ Аватков В.А. Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // Ежегодник ИМИ. 2014. №. 2. С. 13-21; *Он же*. Внешнеполитический курс турецкой республики в рамках современной системы международных отношений. М.: МИД РФ. 2020. 227 с.; *Он же*. Внешнеполитические идеологемы Турции // *Обозреватель*. 2013. №6 (281). С. 73–89; Аватков В.А., Иванова Н.А. Россия и Турция: противостояние идеологий // *Свободная мысль*. 2012. №9 10(1635). С. 187-196; Аватков В.А. Неосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // *Свободная мысль*. 2014. С. 71–78; *Он же*. Тюркский мир и тюркские организации // *Мировая политика*. 2018. № 2. С. 11–25.

⁴⁰ Каширина Т.В., Аватков В.А. Тенденции развития современных международных отношений // Научно-аналитический журнал *Обозреватель-Observer*. 2017. №. 11 (334). С. 5-15; Каширина Т.В., Останин-Головня В.Д., Аватков В.А. Эволюция политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции: сходства и различия // *Новая и новейшая история*. 2022. № 6. С. 167-179. DOI 10.31857/S013038640020806-4. EDN AIMUMW; Каширина Т.В., Аватков В.А. Турция: внутренние и внешние угрозы // Научно-аналитический журнал *Обозреватель-Observer*. 2019. №. 9 (356). С. 69-77.

научный интерес представляют работы таких авторов, как В.А. Надеин-Раевский⁴¹, А.Д. Васильев⁴², П.В. Шлыков⁴³, Б.М. Поцхверия⁴⁴, Н.А. Дьякова⁴⁵, И.И. Иванова⁴⁶, А.А. Сотниченко⁴⁷, И.А. Свистунова⁴⁸, И.И. Стародубцев⁴⁹ и др.

В исследованиях турецкого ученого, государственного деятеля и дипломата Ибрагима Калына⁵⁰ главным образом изучается дипломатия мягкого воздействия как инструмента внешней политики Турции, который, по мнению автора, основывается на историческом и культурном наследии Турции. Внутриполитические изменения являются главными темами трудов Ахмета Озтурка⁵¹, который, говоря о тенденциях последних лет, выделяет авторитарность и ослабление политики «мягкой силы» в Турции.

При написании диссертации также были использованы труды других турецких исследователей: Йегин Мехмет⁵², Халук Карадаг⁵³, Тайяр Ары⁵⁴,

⁴¹ *Надеин-Раевский В.А.* Пантюркизм: идеология, история, политика // М.: 2017. С. 175; *Он же.* Турция, Россия и тюркоязычные народы после распада СССР // *Мировая экономика и международные отношения.* 1994. №4. С. 39–51.

⁴² *Васильев А.Д.* Россияведение в Турции // *Материалы «круглого стола» Российско-турецкие отношения: 2002- 2012 гг.* М.: МГИМО Университет. 2013. С. 35–38.

⁴³ *Шлыков П.В.* Турция: новая роль в современном мире. М.: ЦСА РАН. 2012. 76 с.

⁴⁴ *Поцхверия Б.М.* Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М.: Наука. 1976. 314 с.

⁴⁵ *Дьякова Н.А.* Пограничные, территориально-этнические проблемы среднеазиатских государств СНГ и европейская стабильность. Ин-т США и Канады РАН. М.: 1998. 56 с.

⁴⁶ *Иванова И.И.* Динамика развития отношений: Турция и Южный Кавказ в XXI в., Политическая трансформация на мусульманском востоке: опыт Турции и других стран. М.: Труды Института востоковедения РАН/ Вып. 20, ИВРАН, 2019. 240 с.; *Она же.* Турция и республики Средней Азии. Постконфронтационная модель международных отношений и Азия. М.: 1992. 120 с.

⁴⁷ *Сотниченко А.А.* Особенности модернизации Турции. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2009. 47 с.

⁴⁸ *Свистунова И.И.* Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // *Проблемы национальной стратегии.* 2012. № 4. С. 45–61.

⁴⁹ *Стародубцев И.И.* Трансформирующаяся Турция. М. Институт Ближнего Востока. 2011. 256 с.

⁵⁰ *Kalin İ.* Soft Power and Public Diplomacy in Turkey // *Perceptions: Journal of International Affairs.* 2011. 16(3). P. 5–23.

⁵¹ *Ozturk A.E.* Islam and foreign policy: Turkey's ambivalent religious soft power in the authoritarian turn. *Religions:* 12.1. 2021. 38 p.

⁵² *Özdal H., Dinçer O.B., Yegin M.* Mülakatlarla Türk Dış Politikası Cilt 2. Ankara. USAK Yayınları. 2010. 271 p.

⁵³ *Karadağ H.* Kamu Diplomasisi: Uluslararası İlişkilerde Yeni Bir Boyut. İstanbul. Nobel. 2012. 294 p.

⁵⁴ *Tayyar A.* Yükselen Güç. Türkiye-ABD ilişkileri ve Ortadoğu. Bursa. MKM. 2010. 348 p.

Кадыр Санчак⁵⁵, Кемал Киришчи⁵⁶, Сенем Чевик⁵⁷, в которых раскрываются турецкие подходы к политике «мягкой силы» и ее применению в дипломатии.

Отдельной группой можно выделить труды российских и зарубежных авторов, посвященные исследованию региональных процессов на Южном Кавказе. Среди работ российских ученых по изучению Южного Кавказа особое внимание следует уделить исследованиям К.С. Гаджиева⁵⁸, С.А. Семедова⁵⁹, С.М. Маркедонова⁶⁰, К.П. Курылева⁶¹, в которых авторы анализируют региональную ситуацию на Южном Кавказе, политические и экономические процессы с участием региональных и внерегиональных акторов. Региональным процессам на Южном Кавказе также посвящены труды

⁵⁵ *Sancak K.* Uluslararası ilişkilerde güç kavramı ve yumuşak güç. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık. 2016. 156 p.

⁵⁶ *Kemal K.* Turkey's Foreign Policy in Turbulent Times. Chaillot Paper: No.92. 2006. 50 p.

⁵⁷ *Cevik B.S.* Turkey's Public Diplomacy. London. Palgrave Macmillan. 2015. 264 p.

⁵⁸ *Гаджиев К.С.* Геополитика. М.: 1997. 382 с.; *Он же.* Геополитика Кавказа. М.: 2003. 464 с.; *Он же.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: 2010. 531 с.; *Он же.* «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня, завтра. М.: 2010. 344 с.; *Он же.* О некоторых тенденциях в современном мире в геополитическом измерении // Геополитический журнал. 2015. № 4(11). С. 15-23; *Он же.* Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 130–146.

⁵⁹ *Семедов С.А.* Россия в современном международном сотрудничестве // Актуальные вопросы современной инновационной экономики. 2015. № 11. С. 7–14; *Он же.* Современная геополитическая ситуация на Кавказе. М.: 2008. 236 с.; *Он же.* Основные аспекты современной политики Турции на Кавказе // Вестник МГУ. 2008. №2. С. 39–52; *Он же.* Современная геополитическая ситуация на Кавказе. М. 2008. 98 с.

⁶⁰ *Маркедонов С.М.* «Контракт века» - фундамент азербайджанской внешней политики [Электронный ресурс] // Политком.ру. 2012. 20 сентября. URL: <https://politcom.ru/14546.html> (дата обращения: 26.17.2022); *Он же.* Кавказские геополитические веса России [Электронный ресурс] // Мемориал. 2010. 6 сентября. URL: <https://politcom.ru/10675.html> (дата обращения: 08.07.2022); *Он же.* Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности Кавказского региона [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijsko-tureczkie-otnosheniya-i-problemy-bezopasnosti-kavkazskogo-regiona/> (дата обращения: 11.12.2022).

⁶¹ *Курылев К.П.* и др. Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №. 3. С. 108–118.

А.Г. Арешева⁶², В.Н. Панина⁶³, Е.В. Бахревского⁶⁴, В.В. Дегоева⁶⁵, К.Е. Мещерякова⁶⁶, Е. Письменной⁶⁷, С.С. Жильцова⁶⁸, Е.М. Савичевой⁶⁹. Из зарубежных исследователей нужно отметить работы Т. Германа⁷⁰, П.Г. Дарабади⁷¹, Г. Демояна⁷², Т. Де Вааля⁷³, А.Г. Егиазаряна⁷⁴, С. Корнелла⁷⁵, Б. Коппитерса⁷⁶,

⁶² *Арешев А.Г.* Закавказский «треугольник» - с четырьмя углами? [Электронный ресурс]. Ноев Ковчег. 2019. № 7. 318 с. URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2019-07/6635.html> (дата обращения: 10.11.2022); *Захаров В.А., Арешев А.Г.* Кавказ после 08.08.08: старые игроки в новой расстановке сил. М.: 2010. 272 с.; *Захаров В.А., Арешев А.Г.* Расширение НАТО в государства Закавказья: этапы, намерения, результаты // Хроника Событий. Монография. М.: 2008.

⁶³ *Панин В.Н.* Система региональной безопасности на Кавказе // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 12. С. 220–225; *Он же.* Современное состояние геополитического процесса на Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М.: 2008. С. 53–59; *Панин В.Н., Затонский Ю.И.* Современная политика США на Кавказе // Вестник ПГЛУ. 2006. №1. С. 58–62.

⁶⁴ *Бахревский Е.В.* Историческая память и образы русско-турецкой войны // Культурное наследие России. 2017. № 3. С. 42–51; *Он же.* Концепции «Единого Кавказа» и проблемы региональной политики // Проблемы национальной стратегии. 2012. С. 90–108.

⁶⁵ *Дегоев В.В.* Чтоб не пропасть поодиночке: Кавказ и Большая Европа: реалии против соблазнов // Дружба народов. 2005. № 3. С. 183–189; *Он же.* Кавказ в XX в. итоги, уроки, намеки истории // Россия XXI. 2017. № 6. С. 6–31.

⁶⁶ *Мещеряков К.Е.* Внешняя политика России на Южном Кавказе: проблемы и тенденция развития, пути модернизации с целью повышения эффективности. СПб: 2012. 242 с.

⁶⁷ *Письменная Е.* Социально-экономическое развитие и демографический потенциал стран Южного Кавказа в новых геополитических условиях / Е. Письменная, С. Рязанцев. О. Пичков, А. Лукьянец // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20. Выпуск 4. С. 61–69.

⁶⁸ *Жильцов С.С., Савичева Е.М.* Региональная безопасность на Южном Кавказе: энергетическая составляющая // Проблемы постсоветского пространства, 2021. Т. 8. №. 3. С. 331–340.

⁶⁹ *Савичева Е.М.* Израильско-азербайджанские отношения в контексте геополитической ситуации на Южном Кавказе // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность. 2022. С. 443–451.

⁷⁰ *German T.* Regional cooperation in the South Caucasus: Good neighbors or distant relatives?. Routledge. 2012. 208 p.

⁷¹ *Дарабади П.Г.* Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века. М.: Весь Мир. 2010. 216 с.

⁷² *Демоян Г.* Внешняя политика Турции и Карабахский конфликт. Е.: 2013. 492 с.

⁷³ *Waal T.De.* The Caucasus: an Introduction // Oxford University Press. 2018. 2nd edition. 312 p.

⁷⁴ *Егиазарян А.Г.* Грузия: структурные проблемы экономики и турецкая экономическая экспансия (1994–2007 гг.). Ереван: 2007. 86 с.

⁷⁵ *Cornell S.* Us Engagement in the Caucasus: Changing Gears // Helsinki Monitor. 2005. No2. P. 111–119; *Cornell S., Starr F., Tsereteli M.A.* Western Strategy for the South Caucasus. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 2015. 60 p.

⁷⁶ *Konpiterc B., Legbold P.* Государственность и Безопасность: Грузия после «революции роз». Интердиалект+. 2005. 476 с.

В. Кауфмана⁷⁷, А. Коэна⁷⁸, И.М. Мурадяна⁷⁹, А. Петерсена⁸⁰, Р. Сафрастян⁸¹, Ш. Хантера⁸².

Таким образом, диссертантом был изучен большой корпус работ по внешней политике Турции, ее составной части – концепции «мягкой силы», ее становлению и применению на Южном Кавказе. Тем не менее, несмотря на наличие значительной научной литературы, проблематика, связанная с фактором «мягкой силы» во внешней политике Турции на Южном Кавказе, не получила комплексного освещения и остается не до конца изученной.

Объектом исследования является политика «мягкой силы» Турции на Южном Кавказе.

Предмет исследования – концептуальные основы, методы, инструменты реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике Турции в регионе Южного Кавказа.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей использования концепции «мягкой силы» во внешней политике Турции в отношении государств Южного Кавказа с 2002-2022 гг.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

– определить теоретико-методологическую основу данного исследования и выявить значимость концепции «мягкой силы» в системе современных международных отношений;

⁷⁷ Kaufmann W. A European Path for Abkhazia: Yesterday's Pipe Dreams? // *Caucasus Analytical Digest*. 2009. No 7. P. 2–6.

⁷⁸ Коэн А. США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений // *Центральная Азия и Кавказ*. 2000. №2. С. 32–38.

⁷⁹ Мурадян И.М. Региональные проблемы турецко-американских отношений. Ереван: Антарес. 2004. 200 с.

⁸⁰ Petersen A. Eurasia's Shifting Geopolitical Tectonic Plates. Global, perspective, local theaters. Lexington Books. 2017. 260 p.

⁸¹ Сафрастян Р. Армяно-турецкие отношения: попытка теоретической интерпретации с позиций реалистической школы. Ориентиры внешней политики Армении. Ереван: 2002. 47 с.; *Он же*. Россия и Турция на Южном Кавказе: геостратегическое перемирие? // 21-ый век. Норавак. 2005. №4(10). С. 34–46.

⁸² Hunter Sh. The New Geopolitics of the South Caucasus: Prospects for Regional Cooperation and Conflict Resolution. Georgetown University. 2017. 304 p.

- установить концептуальную и институциональную базу внешнеполитического курса Турецкой Республики и выявить в нем фактор «мягкой силы»;
- раскрыть региональное и международное значение Южного Кавказа в целом и для Турции, в частности;
- выявить совпадение интересов и уровень разногласий Турции со странами региона;
- определить особенности реализации «мягкой силы» Турции в отношении стран Южного Кавказа;
- исследовать эволюцию имиджа Турции в странах Южного Кавказа и степень влияния на него политики «мягкой силы».

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2002 г. по 2022 г. *Нижняя хронологическая граница* исследования обусловлена приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития. *Верхняя граница определяется 2022 г.*, когда в связи с окончанием Второй карабахской войны и особым характером отношений, сложившихся между Азербайджаном и Арменией, Турция начала продвигать идею нового регионального порядка на Южном Кавказе.

Источниковая база исследования. В диссертации были использованы опубликованные источники на русском, английском, турецком, азербайджанском, армянском языках, среди которых можно выделить несколько видов: нормативно-законодательные документы, делопроизводственные материалы, статистические и публицистические документы.

В первую группу источников входят *нормативно-законодательные* документы, которые представляют официальную повестку турецкой внешней политики. Особо важными считаются нормативные акты и внутренние документы, повлиявшие на развитие и трансформацию турецкой внешней политики и определяющие функционирование внешнеполитических

институтов. В их числе: Конституция Турецкой Республики 2017 г.⁸³, Закон о Министерстве иностранных дел 2013 г.⁸⁴, положения о внешней политике министерства иностранных дел⁸⁵, законы парламента страны⁸⁶, международные и двусторонние договора⁸⁷, конституции Армении 2005 г.⁸⁸, Грузии 1995 г.⁸⁹ и Азербайджана 1995 г.⁹⁰ и т.д.

Вторую группу составили *делопроизводственные источники*, такие как: 10-й национальный план развития 2013 г.⁹¹, стратегический план 2015-2019 гг.

⁸³ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası [Электронный ресурс] // Türkiye Büyük Millet Meclisi Başkanlığı. 2017. URL: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2017.pdf (дата обращения: 04.04.2022)

⁸⁴ Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. 2013. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013>. (дата обращения: 08.02.2022)

⁸⁵ Davutoğlu, Ahmet. 2009. "Principles of Turkish Foreign Policy," Address by H.E. Foreign Minister of Republic of Turkey Ahmet Davutoğlu at the SETA Foundation on December 8. Retrieved from URL: <http://www.setav.org/ups/dosya/14808.pdf>; Dış Politika. Genel Görünüm // T.C. Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa> (дата обращения: 08.02.2022); Bakanlık Açıklamaları, Genel Gelişmeler // T.C. Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/aciklamalargenel.tr.mfa> (дата обращения: 12.01.2022); Davutoğlu A. 2011 yılına girerken dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/data/dispolitika/2011_butce_tasarisi (дата обращения: 08.02.2022); Davutoğlu A. 2013 yılına girerken dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2013 (дата обращения: 08.02.2022); Davutoğlu A. 2014 yılına girerken dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2014.pdf (дата обращения: 08.02.2022); Çavuşoğlu M. 2015 yılına girerken dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2015.pdf (дата обращения: 08.02.2022); Çavuşoğlu M. 2016 yılı başında dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2017-yili-basinda-dispolitikamiz.pdf (дата обращения: 12.12.2021);

⁸⁶ TBMM. Genel Kurul Tutanakları. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tbmm.gov.tr/tutanak/tutanaklar.htm> (дата обращения: 08.02.2022);

⁸⁷ Trabzon Declaration Of The Ministers Of Foreign Affairs Of The Republic Of Azerbaijan, Georgia And The Republic Of Turkey [Электронный ресурс] // 08.06.2012. Trabzon. URL: <https://mfa.gov.ge/getattachment/MainNav/ForeignPolicy/BilateralRelations/Trabzon-Declaration.pdf.aspx> (Дата обращения 12.02.2022)

⁸⁸ Конституция Республики Армения 5 июля 1995 (с изм. и доп. от 27 ноября 2005 г.) // Сайт президента Армении. 2005. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 14.02.2022).

⁸⁹ Конституция Грузии 1995 г. [Электронный ресурс] // Законодательный вестник Грузии. <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 23.04.2022).

⁹⁰ Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası 1995 г. // E-QANUN. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-qanun.az/framework/897> (дата обращения: 23.04.2022).

⁹¹ Onuncu Kalkınma planı // 2014-2018 T.C. Kalkınma Bakanlığı. Ankara 2013 [Электронный ресурс]. URL:

Министерства энергетики и природных ресурсов Турции⁹², отчеты министерства иностранных дел Турции о внешнеполитической деятельности⁹³, издание Министерства иностранных дел Турции о внешней политике Турецкой Республики⁹⁴, правительственные программы⁹⁵ и др.

<http://kkp.tarim.gov.tr/sp/Onuncu%20Kalk%C4%B1nma%20Plan%C4%B1%282014-2018%29.pdf> (дата обращения: 23.04.2022).

⁹² 2015-2019 Stratejik planı // Т.С. Enerji ve Tabii kaynaklar bakanlığı [Электронный ресурс]. URL: https://sp.enerji.gov.tr/ETKB_2015_2019_Stratejik_Planı.pdf (дата обращения: 23.04.2022).

⁹³ Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2011 yılı faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2011faaliyetraporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022); Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2012 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/bakanlik/2012-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022); Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2014 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2014-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022); Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2015 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2015-faaliyet-raporu_.pdf (дата обращения: 12.02.2022); Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2016 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2016-yili-idare-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022); Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2017 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2017-yili-idare-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022); Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2018 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2018-yili-idare-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022); Sorumluluk ve Vizyon 2014 yılına girerken Türk Dış Politikası. [Электронный ресурс]. URL: <http://sam.gov.tr/tr/wpcontent/uploads/2013/12/sorumlulukvevizyon-2014.pdf> (дата обращения: 12.02.2022);

⁹⁴ 2020 Yılına Girerken Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dii Politikası [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2020-yilina-girerken-girisimci-veinsani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения: 12.02.2022)

⁹⁵ Genel Kurul Görüşmeleri. Cilt 10. (1999). [Электронный ресурс]. URL: https://www.tbmm.gov.tr/yayinlar/hukümetler/hukümetler_cilt_10.pdf (дата обращения: 08.02.2022).; Türkiye Büyük Müllet Meclisi. 58. Hükümet Programı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tbmm.gov.tr/hukümetler/HP58.htm> (дата обращения: 08.02.2022); Türkiye Büyük Müllet Meclisi. 59.

Hükümet Programı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tbmm.gov.tr/hukümetler/HP59.htm> (дата обращения: 22.11.2018); Türkiye Büyük Müllet Meclisi 60. Hükümet Programı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tbmm.gov.tr/hukümetler/HP60.htm> (дата обращения: 08.02.2022); Türkiye Büyük Müllet Meclisi.61. Hükümet Programı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.basbakanlik.gov.tr/Forms/pgGovProgramme.aspx> (дата обращения: 08.02.2022); Hükümetler-programları ve Genel Kurul Görüşmeleri. Cilt 10. (11 Ocak 1999 -). [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.tbmm.gov.tr/yayinlar/hukümetler/hukümetler_cilt_10.pdf (дата обращения: 08.02.2022); Türkiye Büyük Müllet Meclisi. 58. Hükümet Programı. [Электронный ресурс].

В качестве источников третьей группы были использованы материалы Института статистики о данных турецкого экспорта и импорта⁹⁶, статистика министерства культуры и туризма о количестве туристов, прибывших в Турцию, и культурных мероприятиях, проведенных за рубежом, данные Министерства экономики и казначейства о количестве и объеме прямых иностранных инвестиций и количестве турецких инвестиционных программ на Южном Кавказе⁹⁷, опросы среди населения Армении, Грузии и Турции⁹⁸, статистические данные об этнографическом составе, экономическом развитии стран⁹⁹.

URL: <http://www.tbmm.gov.tr/hukümetler/HP58.htm> (дата обращения: 08.02.2022); Türkiye Büyük Müllet Meclisi. 59.

Hükümet Programı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tbmm.gov.tr/hukümetler/HP59.htm> (дата

обращения: 22.11.2021); Türkiye Büyük Müllet Meclisi 60. Hükümet Programı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tbmm.gov.tr/hukümetler/HP60.htm> (дата обращения: 08.02.2022);

Türkiye Büyük Müllet Meclisi.61. Hükümet Programı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.basbakanlik.gov.tr/Forms/pgGovProgramme.aspx> (дата обращения: 08.02.2022).

⁹⁶ Ülkelere Göre Yıllık İhracat (En Çok İhracat Yapılan 20 ülke) // Türkiye İstatistik Kurumu. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=1545 (дата

обращения: 08.02.2022); Ülkelere Göre Yıllık İthalat (En Çok İthalat Yapılan 20 ülke) // Türkiye İstatistik Kurumu. [Электронный ресурс]. URL:

www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=1546 (дата обращения: 08.02.2022); Turizm İstatistikleri. TÜİK. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1072 (дата обращения: 08.02.2022)

⁹⁷ T.C. Ekonomi Bakanlığı. 2017 yılı faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: https://ticaret.gov.tr/data/5b921e6113b87613646656b4/faaliyet_raporu.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

⁹⁸ Public Opinion Survey: Residents of Armenia. 2021. International Republican Institute [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-surveyresidents-of-armenia/> (дата обращения: 11.04.2022).;

Ինչպես են ՀՀ քաղաքացիները վերաբերվում Թուրքիայի հետ հարաբերություններին. ամերիկյան IRI կազմակերպությունը հարցում է անցկացրել [Электронный ресурс] //

168.am. 03.02.2022 URL: <https://168.am/2022/02/03/1647023.html> (дата обращения: 11.04.2022);

«GALLUP International»: 54.6% жителей Еревана против открытия армяно-турецкой границы. [Электронный ресурс] // Armeniatoday. 11. 02. 2022. URL: <https://armeniatoday.news/yerevan-ru/424382/> (дата обращения: 11.04.2022).

⁹⁹ Регион Южный Кавказ: Общая численность населения по странам с 2012 по 2022 год (млн. жителей). IMF. (October 12, 2021). Statista [Graph]. URL: <https://www.statista.com/statistics/980364/total-population-of-the-caucasus-countries/> (дата

обращения: 24. 02. 2022.); Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения в странах Южного Кавказа (с 2012 по 2022 г., в долларах США). IMF. (October 12, 2021).

Statista. <https://www.statista.com/statistics/980443/gross-domestic-product-gdp-per-capita-in-the-caucasus-countries/> (дата обращения: 24. 02. 2022.)

Четвертую группу составляют *публицистические источники*, к которым относятся речи, заявления, обращения и интервью официальных лиц, в частности президентов¹⁰⁰ А. Гюля, Р.Т. Эрдогана, Р.С. Кочаряна, И.Г. Алиева, М.Н. Саакашвили, премьер-министров¹⁰¹ А. Давутоглу, Н.В. Пашиняна и министров иностранных дел¹⁰² А. Гюля, А. Давутоглу, А. Мирзояна Турции и стран Южного Кавказа.

Источники для написания данной работы, представленные на турецком, русском, армянском, азербайджанском и английском языках, обширны и репрезентативны, что позволяет автору осуществить полноценное исследование и объективно изучить особенности фактора «мягкой силы» во внешней политике Турции на Южном Кавказе.

¹⁰⁰ Gül, Abdullah, 2009. “Turkish Foreign Policy in the New Era”, Lecture at USAK, 16 December;

Ответ Кочаряна Эрдогану. [Электронный ресурс] // Mediamax 05.10.2015. URL: <https://mediamax.am/ru/news/5-10-15/37449/> (дата обращения: 18.04.2022).; Ресеп Таууір Erdoğan, Bakü'nün Kurtuluşunun 100. Yıl Dönümü Töreninde Yaptıkları Konuşma. [Электронный ресурс] // 15.09.2018 URL: <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/98629/baku-nun-kurtulusunun-100-yil-donumu-torende-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 12.02.2022).; М. Саакашвили о значении тесных отношений с Турцией. [Электронный ресурс] // 14.03.2006 URL: <https://civil.ge/ru/archives/166220> (дата обращения: 12.02.2022). Президент Азербайджана высказал претензии к российским миротворцам в Карабахе [Электронный ресурс] // INTERFAX.RU. 12 января 2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/815082> (дата обращения: 12.02.2022)

¹⁰¹ Speech of Ahmet Davutoğlu and Ali Babacan. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/devlet-bakani-ve-basbakan-yardimcisi-sayin-alibabacan-ile-disisleri-bakani-sayin-ahmet-davutoglu_nun-devir-teslimvesilesiyle.tr.mfa.; Никол Пашинян пообещал после прихода к власти сделать отношения Армении с внешним миром «безупречными» [Электронный ресурс] // URL: http://arminfo.info/full_news.php?id=31071&lang=2 (дата обращения: 20.01.2022); Н.Пашинян: «То, что турки и азербайджанцы наши враги, даже не является предметом обсуждения». [Электронный ресурс] // 14.04.2021. URL: <https://hetq.am/ru/article/129664> (дата обращения: 11.04.2022).

¹⁰² Interview by Mr. Ahmet Davutoğlu published in AUC Cairo Review (Egypt) on 12 March 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/interview-by-mr_-ahmet-davuto%С4%9Fpublished-in-auc-cairo-review-_egypt_-on-12-march-2012.en.mfa (дата обращения: 08.02.2022). Foreign Policy Objectives» [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/speech-entitled-_vision-2023_-turkey_s-foreign-policyobjectives_-delivered-by-h_e_-ahmet-davutoglu_-minister-of-foreign-af.en.mfa (дата обращения: 08.02.2022). Население Армении за нормализацию отношений с Турцией - глава МИД. [Электронный ресурс] // TRTrussian. 15.03.2022. URL: <https://www.trtrussian.com/novosti/ararat-mirzoyan-naselenie-armenii-za-normalizaciyu-otnoshenij-s-turciej-8260569> (дата обращения 20.04.2022).

Методология исследования. Концепция «мягкой силы» предполагает использование технологии конструирования привлекательности, при ее анализе как составляющей внешней политики Турции наиболее полезной оказалось методология конструктивизма, в рамках методологии которой «мягкая сила» выступает как дискурсивная, создающая социальную реальность концепция. В рамках данной концепции определяются материальные и нематериальные ресурсы, используемые для формирования привлекательного образа страны.

В свою очередь, комплексный подход дает возможность на основе принципов научной объективности рассмотреть международные отношения и внешнюю политику Турции как целостную, органичную и динамичную систему. Данный подход позволил изучить отношения между основными акторами, задействованными в реализации турецкой «мягкой силы», а именно турецкая официальная сторона, и государства Южного Кавказа, являющиеся реципиентами турецкой «мягкой силы». Также при написании данной работы автор опирался на принципы научной объективности и достоверности.

Методы исследования. Работа базируется на совокупности аналитических методов, благодаря которым были изучены отдельные свойства, векторы и составные элементы внешнеполитического курса Турции, и методов синтеза, которые позволили свести в единое целое, обобщить полученные данные. Также в работе использованы методы индукции и дедукции. Для определения места «мягкой силы» во внешней политике Турции был использован метод системного анализа. Среди методов, использованных в исследовании, следует еще выделить: ивент-анализ, который позволил анализировать отдельные события во внешнеполитическом процессе Турции; метод комплексного анализа документов, определяющих приоритеты внешней политики страны; структурный метод, который был использован для изучения места и специфики турецкой «мягкой силы» в системе международных отношений.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- на основе турецких доктрин и внешнеполитических концепций Турецкой Республики были выявлены особенности турецкого понимания руководством страны феномена «мягкой силы», с опорой на историческое наследие и культурную общность с региональными соседями;

- доказано, что турецкая политика «мягкой силы» основывается на культурно-языковых и исторических факторах с акцентом на создание общего туркоцентричного пространства от Балкан и Ближнего Востока до Кавказа и Центральной Азии;

- определены основные интересы Турции на Южном Кавказе, представлены сдерживающие факторы турецкой политики «мягкой силы» в регионе, главными из которых остаются враждебные взаимоотношения между Арменией и Турцией;

- исследована роль государственных и негосударственных институтов в реализации Турцией политики мягкой силы на Южном Кавказе, выявлены ее основные инструменты и области применения в странах региона;

- определены основные формы присутствия турецкого мягкого воздействия в Армении, выявлены трудности и непреодолимые барьеры, которые ограничивают и не дают в полной мере применить политику «мягкой силы» Турции в отношении Армении;

- определены значение грузинского вектора во внешней политике Турции и важность фактора «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в этой стране;

- доказано, что Турция добилась значительных успехов в Грузии и это дало импульс развитию основных направлений турецко-грузинских стратегических отношений на современном этапе;

- выявлен фактор культурно-этнического единства в отношениях Турции и Азербайджана, на базе которого институты двух стран продвигают

идею «одной нации», общей идентичности и единой культуры. Установлено, что со стороны Азербайджана восприятие Турции как «большого брата» во многом явилось результатом успешной политики мягкого воздействия Турции в республике;

- с помощью изучения опросов общественного мнения, выявлен существующий образ и имидж Турции в каждой из трех стран региона.

- доказано, что ресурсы и инструменты «мягкой силы» Турции оказывают влияние на формирование привлекательного образа страны в государствах южно-кавказского региона.

Теоретическая значимость. Данное исследование способствует расширению научного знания в области изучения основ турецкой внешней политики и значимости фактора «мягкой силы» в турецкой дипломатии на Южном Кавказе. Вводимые в научный оборот источники способствуют комплексному исследованию данной проблематики. Основные положения диссертации могут представлять интерес для ученых, занимающихся вопросами региональной и глобальной политики Турции, специалистов в области политики «мягкой силы» и культурной дипломатии.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что представленные в ней выводы и положения могут быть использованы при подготовке специалистов по внешней политике Турции и южно-кавказскому региону, а также в тюркологических центрах

Исследование может быть востребовано МИД России для уточнения, выработки и конструирования ряда аспектов в позиции России как по отношению Турции, так и Южного Кавказа. Материалы данного исследования могут быть полезны при разработке курсов и написании учебных пособий по истории международных отношений, регионалистике и истории внешней политики Турции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Теоретико-методологическая основа исследования дала возможность в рамках теории конструктивизма провести анализ внешнеполитического

курса Турецкой Республики. Создавая доктринальную основу для достижения своих внешнеполитических целей, Турция основывалась на таких понятиях, как историческая общность, османское прошлое, культурное наследие и т.д. Внешнеполитическая концепция Турецкой Республики нацелена на долгосрочную перспективу и формирует модели потенциального будущего, где и акторы, и адресаты «мягкой силы» будут находиться в едином ценностном пространстве.

2. По сравнению с турецкой внешней политикой до 2002 г., «мягкая сила» Турции с приходом к власти Партии справедливости заметно увеличилась и стала одним из приоритетных ее внешнеполитической стратегии. При этом важным является то, что государственные и негосударственные институты, являющиеся основными инструментами данной политики, не конкурируют, а успешно взаимодополняют друг друга.

3. Инструментарий Турции в реализации своей «мягкой силы» достаточно обширный. Турция перенимает передовой опыт ведущих международных акторов и активно внедряет собственные подходы и понимания с акцентом на культуру, государственные и негосударственные НКО, религиозные организации, образовательную политику.

4. Турецкая «мягкая сила» имеет свою специфику, которая основывается на культурных ценностях, языке и историческом прошлом, Турция, реализуя политику «мягкой силы», успешно продвигает свои внешнеполитические идеалы. Результаты турецкой «мягкой силы» в этом плане хорошо видны на примере Южного Кавказа, где некоторыми странами была выбрана турецкая модель развития.

5. С началом XXI века Южный Кавказ не утратил своего значения как важного с геостратегической точки зрения региона мира и продолжает оставаться территорией конкурентной борьбы основных игроков международной политики. Страны региона имеют совершенно разные внешнеполитические ориентиры и являются членами разных политических и экономических организаций, что в основном обусловлено присутствием

основных международных сил в регионе, где Турция традиционно является важным актором и претендует на лидерство. Однако она вынуждена вести конкурентную борьбу с другими геополитическими игроками – Россией, Ираном, США и странами ЕС.

6. В отношении государств Южного Кавказа Турция применяет активную политику «мягкой силы» на частном и государственном уровнях в сферах культуры, религии, экономики, образования. Такие действия с акцентированием на исторической, этнической и культурной общности направлены на формирование положительного имиджа турецкого государства в странах региона. В политике мягкого воздействия Турция основывается на культурном сотрудничестве, в том числе в области образования и науки, и продвижении турецкого языка. Особо используются религиозные и этнические особенности региона, активно продвигаются экономические проекты. Однако, в силу сложного исторического прошлого и множества других факторов турецкая политика «мягкой силы» в полной мере не была реализована в регионе.

7. Со стороны Турции из трех южнокавказских государств Республика Азербайджан определяется как несомненный и безоговорочный союзник. Идентичный язык, религия, схожие традиции, культура используются Турцией для осуществления успешной политики «мягкой силы». В итоге два государства выражают готовность взаимодействовать как союзники под общим лозунгом «одна нация – два государства».

8. Из-за своего геостратегического положения Турция особую важность в регионе придает Грузии. Используя весь свой инструментарий политики «мягкой силы» в лице государственных и негосударственных институтов Турция смогла добиться желаемых результатов в этой стране, где стала восприниматься как дружественное и даже модельное государство для развития.

9. В силу сложного исторического прошлого, наличия нерешенных проблем в области двусторонних турецко-армянских отношений в Армении

сохраняется негативный образ Турции. Турецкая политика «мягкой силы» в полной мере не была здесь реализована, однако, это не означает, что она не продвигалась в Армении. Турция с помощью предлагаемых экономических проектов, гуманитарных фондов, туризма, телеиндустрии и представителей армянской диаспоры нашла необходимые инструменты для мягкого воздействия на Армению, которое особенно активизировалось после Второй карабахской войны.

Степень достоверности исследования. Достоверность результатов исследования основывается на использовании обширной источниковой базы и материалов на русском, английском, турецком, азербайджанском и армянском языках. Также она определяется комплексным применением научных методов исследования и всесторонним анализом существующих подходов и точек зрения на исследуемую проблематику со стороны турецких, российских и западных ученых.

Апробация результатов исследования. Основные результаты и выводы диссертационного исследования отражены в 12 научных публикациях диссертанта по теме исследования, в том числе 5 статей опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень РУДН, и 2 статьи в изданиях, входящих в международные базы цитирования Web of Science и Scopus.

Отдельные теоретические положения и выводы, а также предложения и рекомендации были изложены автором на международных и общероссийских научных конференциях, таких как: Международная научная конференция «Внешняя политика России на пространстве СНГ» (6 декабря 2019 г., Российский университет дружбы народов, Москва), Международная научная конференция молодых учёных «Перспективы и проблемы развития Евразийского экономического союза: правовое измерение». (20 апреля 2021 г., Высшая школа экономики, Москва), заседание Консультативного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума на тему: «Аналитические центры Центральной Азии и Турции: традиции, опыт, оценка

эффективности» (23 сентября 2021 г., Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва), ежегодная международная научная конференция «Внешняя политика России на пространстве СНГ» (10 декабря 2021 г., Российский университет дружбы народов, Москва), научная конференция Turkey and its neighborhood: conceptual approaches and principles of relations (25 ноября 2022 г., Высшая школа экономики, Москва).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современное научное сообщество после появления концепции «мягкой силы» часто поднимает вопрос о ее целесообразности и актуальности в системе международных отношений. Довольно важными остаются вопросы необходимости выработки механизмов оценки результатов деятельности субъектов, создания специальных измерителей для анализа «мягкой силы»¹⁰³, возможности справиться со спорными компонентами разделения власти на «мягкую» и «жесткую»¹⁰⁴ и перейти с «категории практики» на «категорию анализа»¹⁰⁵. Также, как в случае с определением понятия «мягкая сила», при выработке единой методологии измерения степени на объект на сегодняшний день не существует единого мнения.

Однако, в научной литературе разработано немало подходов измерения «мягкой силы». Среди них устоявшимся считается компаративный – для сравнения отдельных категорий и потенциала «мягкой силы» акторов и оценки эффективности инструментов «мягкой силы» в странах – объектах воздействия¹⁰⁶. В итоге, пройдя непростой путь критики и обоснования, концепция «мягкой силы» нашла свое место в международной академической среде и дала новое дыхание и творческую мотивацию для важных научных исследований в сфере международных отношений, цель которых – создание новых концепций, способных ответить на вызовы современного мироустройства.

¹⁰³ *McClory J.* The new persuaders: an international ranking of soft power. Institute of Government. 2019. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 20.02.2022)

¹⁰⁴ *Hall T.* An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // *The Chinese Journal of International Politics*. 2010. Vol. 3. P. 193.

¹⁰⁵ *Давыдов Ю.П.* Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы*. 2004. Т. 2, № 1. С. 69–80

¹⁰⁶ *Харитоновна Е.М.* Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. 2015. С. 48–58.

На ряду с мировыми державами данную концепцию основательно подхватила и Турция, у которой были исторические, культурные и географические ресурсы для воплощения ее на практике. Многочисленность соседей и непростая история взаимоотношений вынуждает Анкару основываться не только на традиционных путях ведения дипломатии, но и находить другие формы для успешной реализации своих внешнеполитических интересов. В этом контексте, политика «мягкой силы» для Турции оказалась очень жизнеспособным и привлекательным явлением. Потенциал «мягкой силы» Турции, который успешно проявляется от Балкан и Ближнего Востока до Кавказа и Центральной Азии, имеет серьезные культурно-исторические основания и способствует продвижению турецких интересов в зонах влияния.

С дезинтеграцией СССР новые геополитические реалии создали благоприятные условия региональным и внерегиональным государствам для осуществления своих политических целей на Южном Кавказе. Турция, которая всегда выделяла этот регион как зону особых интересов, начала активно использовать свои внешнеполитические инструменты, включая «жесткую» и «мягкую» силу, для достижения своих целей. Однако, здесь Турция столкнулась с конкуренцией других вовлеченных акторов, так как в постсоветский период характерным для региона стала активная вовлеченность России, Ирана, «западных акторов» – США и ЕС, в региональные процессы. Также наблюдается активизация взаимодействий между южнокавказскими государствами – Арменией, Грузией, Азербайджаном.

1.1. Введение концепции «мягкой силы» в политическую науку и научный дискурс вокруг нее

По мере активизации глобальных проблем современности, конфликтности межгосударственных отношений, обострения опасности глобальной войны, новых вызовов в лице мировой пандемии и разделения мира, все более очевидным стало то, что военная мощь и экономический

потенциал государств постепенно теряют свою былую значимость и успешность, во многом уступая позиции эффективным методами и ресурсам «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей. На протяжении истории сила государства в основном была связана с его военной мощью, однако в современном мире, с изменением ориентиров в общий оборот входят такие понятия, как «притягательная сила»; «умная сила»; «гибкая сила»; «информационная сила»; «идеологическая сила»; «культурная сила» и иные.

В научных кругах основателем концепции «мягкой силы» считается известный американский исследователь и специалист в области внешней политики Джозеф Най. Английское выражение «soft power» («мягкая сила») переводится на русский язык различными способами. В научной литературе есть разное понятие «силы». В российской политологической литературе существуют варианты перевода: «гибкая власть», «мягкая власть», «мягкая мощь», «мягкое влияние», «несиловая мощь», «мягкая безопасность», «мягкое могущество»¹⁰⁷. В «Толковом словаре русского языка» – это «могущество, влияние, власть; материальное или духовное начало как источник энергии, деятельности»¹⁰⁸, а в «Философском словаре»: «Сила – характеристика интенсивности взаимодействия объектов. Исходной точкой современных представлений о силе является понятие взаимодействия. Проявление силы непосредственно определяется взаимодействием, а именно, наличием противодействия вследствие изменения состояния взаимодействующих объектов»¹⁰⁹.

По оценкам отдельных ученых «мягкая сила» «оформилась как результат многочисленных предшествующих дискуссий о сущности власти и

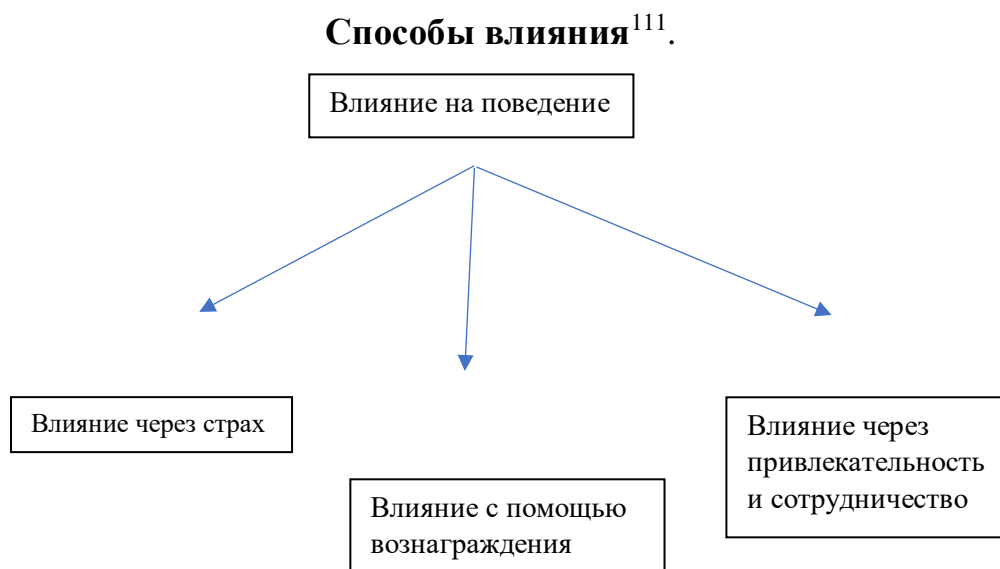
¹⁰⁷ Советникова О.В. и др. Инструмент «мягкой силы» во внешней политике России в XXI веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №. 11-1. С. 153–155.

¹⁰⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997. С. 944.

¹⁰⁹ Новая философская энциклопедия: в 4 томах. 2-е издание, исправленное и дополненное. М., Издательский дом «Мысль», 2010. С. 692.

силы, их различных формах и проявлениях в мировой политике»¹¹⁰. Дж. Най, говоря о новых видах силы, дает общую формулировку, объясняя, что сила — это способность влияния на поведение людей для достижения желаемых результатов. Однако автор выделяет разные способы влияния (см. рис 1).

Рисунок 1

Говоря о философском понимании «мягкой силы», российский исследователь О.Ф. Русакова считает, что: «сила “мягкой” власти действует таким образом, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется, воспринимает ее предписания как результат своего самостоятельного выбора. “Мягкая” властная сила достигает своих стратегических целей, не прибегая к внешнему материализованному насилию. Ее инструментами влияния выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы. “Мягкая” сила осуществляет свое воздействие на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях. Она активизирует стереотипы

¹¹⁰ Песцов С.К, Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 109.

¹¹¹ Soft Power: The Means to Success in World Politics, by Joseph S. Nye, Jr. NY: PublicAffairs, 2004. P. 3.

общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления. Она использует психологически привлекательные для субъекта инструменты влияния в целях незаметного переформатирования в нужном направлении его ментальных структур»¹¹². П.Б. Паршин представляет более обобщенное определение силы, как «способность изменять существующее положение вещей или, если оно имеет тенденцию к изменению, оставлять его неизменным»¹¹³.

Концепция «мягкой силы» свое первое описание нашла в трудах Дж. Ная¹¹⁴ и Р. Кохейна¹¹⁵, в которых Най сформулировал свои взгляды о взаимозависимости государств, представил свое видение нематериальных источников силы, начал разрабатывать концепцию влияния, основанную не на экономике и военной мощи, а на культуре, общих ценностях и культурной дипломатии. Новизна идей Дж. Ная была быстро признана научными кругами, так как предлагались новые теории, которые во многом заменяли инструменты экономического давления, военной угрозы и устранения соперников на подход достижения своих целей с помощью риторики культурного и идеологического воздействия.

По Дж. Наю теория данного концепта основывается на идее существования двух противоположных типов властвования, которые обозначаются понятиями *hard power* (жесткая сила) и *soft power* (мягкая сила).

В начале XXI в. многие американские исследователи включили изучение «мягкой силы» в круг своих интересов. В 2003 г. один из влиятельных и популярных американских политических аналитиков

¹¹² Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (*soft power*) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. Вып. 10. С. 174.

¹¹³ Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2013, март. Вып. 1 (36). С. 17.

¹¹⁴ *Nye Joseph S.* Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. P. 167.

¹¹⁵ *Robert O. Keohane & Joseph S. Nye Jr* Power and interdependence. Survival, 1973. 158–165 p, DOI: 10.1080/00396337308441409

Ф. Закария задавался вопросом «Почему Америка пугает мир и что с этим делать?»¹¹⁶, и как ответ на этот вопрос рассматривал концепцию «мягкой силы» в контексте внешнеполитического курса США. Автор отмечал эффективность и долгосрочность «мягкой силы» по сравнению с «жесткой силой». Последняя, по мнению автора, после холодной войны заняла преобладающую позицию во внешней политике США, вызывая чувство глубокого и расширяющегося недоверия со стороны остального мира к Соединенным Штатам.

Именно со стремлением укрепить свое доминирование в мировой системе путем планетарного распространения американской культуры, США обогатили и продвигали неолиберальную идеологию понятием «мягкой силы». До появления данного термина в научном обороте существовало множество других близких по смыслу, но не тождественных понятий, таких как: культурный империализм, культурная дипломатия, публичная дипломатия, культурная политика, информационный экспансионизм¹¹⁷.

В 2004 Дж. Най в своей новой работе представил более проработанную и практическую концепцию «мягкой силы»¹¹⁸. Говоря о меняющейся природе силы Дж. Най писал: «Четыре столетие назад Никколо Макиавелли уверял итальянских правителей, что устрашение важнее любви, но в сегодняшнем мире важно и первое, и второе. Завоевание сердец и умов всегда было важно, но оно стало более значима в глобально-информационном веке»¹¹⁹. Дж. Найем была разработана структура «мягкой силы» (см рис. 2).

¹¹⁶ Zakaria F. Why America scares the world and what to do about it // Newsweek. 2003. Т. 24. С. 19-33.

¹¹⁷ Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. «Мягкая сила» как форма не прямой аппликации «Национального интереса» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, №2. 2012. С. 21–30.

¹¹⁸ Soft Power: The Means to Success in World Politics, by Joseph S. Nye, Jr. NY. PublicAffairs, 2004. P. 191.

¹¹⁹ Там же P. 1.

Структура «мягкой силы» Дж. Ная¹²⁰

Дж. Най таким образом описывал преимущества «мягкой силы» перед «жесткой силой»: «Государство может получить те результаты, которые оно стремится продвинуть в мировой политике благодаря тому, что другие страны – восхищенные его ценностями и подражая ему, стремятся к такому же уровню достатка и гласности – желая следовать за ним»¹²¹. Данная стратегия для Соединенных Штатов Америки не является новой, так как за долго до этого были изданы работы про «мягкие инструменты» во внешней политике¹²², где были выявлены факторы снижения притяжения между государствами после использования принудительной силы. Однако, именно подходы Дж. Ная стали

¹²⁰ Soft Power: The Means to Success in World Politics, by Joseph S. Nye, Jr. NY. PublicAffairs, 2004. P. 83

¹²¹ Там же P. 5

¹²² French John R., Bertram Raven, and Dorwin Cartwright. The bases of social power // Classics of organization theory. № 7. 1959. P. 311–320.

фундаментальными по концептуализации «мягкой силы», где автором были собраны теоретические и методологические основы анализа и основные характеристики для сравнительно новой стратегии. Дж. Най подчеркивал, что «мягкую силу» не просто использовать, так как многие из ее важнейших ресурсов находятся вне контроля государств, и их эффективность сильно зависит от объекта и аудитории, которые могут легко оказаться под влиянием «мягкой силы» или же отвергать ее¹²³.

Дж. Най предполагал, что если привлекающее государство имеет общую ценностную систему со страной адресатом «мягкой силы», если граждане адресата восхищены культурой и развитостью привлекающей страны, то в таком случае, они не будут против последовать за ней и провести политику, выгодную привлекающему государству. Здесь «мягкая сила» без использования «жесткой силы» может добиться распространения своего влияния на другие государства, и даже навязать им свою волю¹²⁴. Однако Най не идет к отрицанию «жесткой силы», а делает акцент на том, что «жесткая» и «мягкая сила» связаны, поскольку являются способами достижения своих целей и влиянием на поведение других участников международных отношений. Но, различие между ними заключается как в характере поведения, так и в осязаемости ресурсов. По данной концепции можно разделить основные характеристики и формы поведения жесткой и мягкой силы (См. табл. 1.).

Таблица 1

Определение Дж. Ная «жесткой» и «мягкой» силы¹²⁵

	Жесткая сила	Мягкая сила
Особенности поведения	<ul style="list-style-type: none"> • господство • принуждение • склонение 	<ul style="list-style-type: none"> • разработка повестки • привлекательность • совместная разработка решений, кооптация
Применяемые ресурсы	<ul style="list-style-type: none"> • сила • финансирование 	<ul style="list-style-type: none"> • некоммерческие организации • ценности

¹²³ *Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. pp. 99.*

¹²⁴ Там же. Р. 5–6.

¹²⁵ Там же. Р. 7.

	<ul style="list-style-type: none"> • санкции • взятки/подкуп 	<ul style="list-style-type: none"> • культурная дипломатия
--	--	---

Основываясь на таблице 1, можно определить, что власть господства может основываться на принуждении и менять поведение других, а власть сотрудничества может основываться на привлекательности культуры и ценностей, манипулировать политической повесткой и формировать свою повестку.

Развернутое определение «мягкая сила» дает П.Б. Паршин. По его мнению: «”Мягкая сила” в широком понимании – это способность достигать некоторой цели самому или через чье-либо посредство, выбирая из спектра потребных инструментов такие, относительно которых можно ожидать, что они при их применении будут наносить относительно меньший ущерб (материальный или нематериальный) по сравнению с другими инструментами, потенциально применимыми для достижения той же цели. В терминологическом смысле – это притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т.д.»¹²⁶

Дж. Най в своем видении «мягкой силы» отмечал важность высшего образования как ее неотъемлемого компонента¹²⁷. Однако, признавая важность этой сферы, он не стремился углубляться в этот вопрос. Тема корреляции высшего образования и политики «мягкой силы» нашла отражение в работах других авторов – как российских, так и зарубежных. Например, китайский исследователь Джан Ли утверждал, что высшее образование является структурным элементом «мягкой силы»¹²⁸. Российский

¹²⁶ Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2013. Вып. 1 (36). С. 17.

¹²⁷ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY. 2004, P. 21-26.

¹²⁸ Li J. *Conceptualizing Soft Power of Higher Education Globalization and Universities in China and the World*. Singapore. 2018. P. 18.

ученый М. Неймарк указал на значимость так называемой стратегической триады «культура – образование – наука» для эффективной реализации политики «мягкой силы»¹²⁹. Польские авторы А. Войчук, М. Михалек, М. Штормовска на основе эмпирического анализа концептуализируют образовательный сегмент «мягкой силы», выделяя три его ключевых механизма: 1. как носитель подлинных ценностей, интересных для иностранной аудитории; 2. как ресурс, которым обладает страна; 3. как инструмент в достижении определенных целей¹³⁰.

Как уже было сказано, помимо образования, еще одним ресурсом и источником ценностей «мягкой силы» является культура. Однако, проводящая «мягкую» политику страна должна продемонстрировать превосходство и привлекательность своей культуры изначально внутри своей страны, и, только после этого распространять ее во внешней политике (см. рис. 3).

Рисунок 3

«Мягкая сила» по своей форме является одним из основных элементов демократичной политики, а способность сформировать предпочтения с помощью привлекательности культуры, личностей, политических ценностей и морали – главные ее инструменты¹³². Государство, использующее данный способ во внешней политике, должно понимать, что «мягкая сила» не

¹²⁹ Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике // предисл. Бажанова Е.П. Дипломатическая академия МИД России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». 2017. С. 23–45.

¹³⁰ Wojciuk A., Maciej M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations. *European Political Science*. 2015. Vol. 14. P. 298–317.

¹³¹ Ibid. P. 11.

¹³² Joseph S. Nye. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. P.6.

принадлежит государству в той же степени, что и «жесткая сила». Оно может растратить «мягкий» потенциал страны, или же полностью подорвать его, если будет вести высокомерную, безразличную или основанную только на своих национальных интересах политику. Подводя итог Дж. Най пишет, что страны, которые основываются только на военной и экономической мощи «жесткой силы» и игнорируют «мягкую силу», в конечном итоге проиграют, так как военная и экономическая мощь недолговечны. Зачастую ресурсы «мягкой силы» работают косвенным образом, создавая среду для реализации той или иной политики, и иногда требуются годы, чтобы добиться желаемых результатов¹³³.

Говоря о концептуализации «мягкой силы» также необходимо представить подходы профессора Азиатско-Тихоокеанского Центра исследований вопросов безопасности А.Л. Вувинга¹³⁴. Для детального анализа в более широком пласте структуры «мягкой силы» интересным является описание исследователем трех основных столпов «мягкой силы»: «добропорядочности (гуманности)», «великолепия» и «красоты». Говоря о «гуманности» как о важной составляющей отношений между акторами, автор описывает ее как деятельность, нацеленную на взаимный альтруизм во взаимоотношениях, который становится важным критерием доверия за счет добрых взаимоотношений.

Основами «великолепия» являются достижения и успехи, которых достиг актер своим тяжелым трудом и который по достоинству смогли оценить другие. Это касается больше конкретных достижений во внутренней и внешней политике, таких как уровень и качество жизни населения, экономические успехи, общественный строй, спортивные достижения и т.д.

Основами фактора «красоты» являются идеалы и ценностная система актора, который является привлекательным и вдохновительным для субъекта.

¹³³ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. P. 99.

¹³⁴ Vuving A.L. How Soft Power Works. Toronto: Soft Power and Smart Power, 2009. P. 19.

Как пример успешности в современном мире часто представляется общественный и государственный строй, основанный на либерально-демократических ценностях.

Оценка эффективности «мягкой силы» достаточно сложная задача. В отличие от военной силы или экономических мер, которые позволяют в случае успешной реализации добиваться определенных результатов в краткий период, «мягкая сила» более сложна в применении. Как уже было отмечено выше, многие ключевые ресурсы «мягкой силы» находятся вне контроля государства, а эффект от ее использования в значительной степени зависит от готовности аудитории принимать предлагаемую культуру и ценности.

Концепция «мягкой силы» находится на начальном этапе своего развития, поэтому ей характерна проблематичность отдельных положений и понятий, недостаточная разработанность инструментария привлекательности и источников «мягкой силы», особенности формирования стратегии «мягкой силы» и др. Как пишет Т. Холл, получив признание в качестве «категории практики», «мягкая сила» так и не смогла превратиться в «категорию анализа»¹³⁵. Также он отмечает, что «мягкая сила» появилась, в первую очередь, как вклад во внешнеполитический дискурс США, с призывом использования более успешной публичной дипломатии в призме либерального мировоззрения. Таким образом, «мягкая сила» является вкладом для усиления либеральных позиций по отношению к консервативным¹³⁶.

Говоря о спорных моментах концепции Дж. Наея, исследователь Ю.П. Давыдов отмечает: «Разделение Дж. Наея власти на “мягкую” и “жесткую” стало одним из самых спорных моментов его концепции. Все, что касается экономического, финансового и военного давления, денежного

¹³⁵ Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. P. 193.

¹³⁶ Там же P. 189–211.

поощрения и подкупа, относится к “жесткой силе”, а “мягкая сила” включает в себя инструменты формирования привлекательности»¹³⁷.

Во многих работах, посвященных изучению концепции, также поднимается вопрос о том, что в тех или иных областях или регионах политика «мягкой силы» разных стран конкурирует друг с другом, несмотря на подход Дж. Найа о том, что конкуренция не должна проявляться. Вопрос конкуренции «мягкой силы» России на евразийском пространстве изучается в работах М.М. Лебедевой и М.В. Харкевича¹³⁸. В них, говоря о стратегической важности региона, представляется заинтересованность других игроков – США, ЕС, Турции и Китая в распространении своего положительного образа среди народов Центральной Азии.

В критике положения о том, что «мягкая сила» – способность осуществить поставленные цели через формирование привлекательности, а не принуждения, важной стала статья Дж.Б. Меттерна «Почему “мягкая сила” не такая мягкая: репрезентативная сила и социолингвистическая конструкция привлекательности в мировой политике»¹³⁹. Исследователь делает акцент на формулировку Дж. Найа о том, что привлекательность – это главный элемент «мягкой силы». Однако, автор концепции не дает четкого объяснения, какими путями именно создается эта привлекательность. По его мнению, привлекательность конструируется через коммуникативный обмен. Говоря о слабостях «мягкой силы», также выражается мнение, что имидж и привлекательность – это только имитация, а не сила, и что она не всегда приводит к желаемым результатам¹⁴⁰.

¹³⁷ Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 1. С. 69–80.

¹³⁸ Лебедева М.М. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском обществе / М.М. Лебедева, М.В. Харкевич // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 10–13.

¹³⁹ Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics. Millennium: Journal of International Studies. Vol.33 № 3 2005. P. 585.

¹⁴⁰ Ibid.

В научной литературе, представляя современную трансформацию «мягкой силы», также отмечается ее пространственная и временная неограниченность. По определению Г.Ю. Филимонова и С.А. Цатуряна, «сегодня «мягкая сила» становится своего рода «оружием массового поражения» постоянного применения. Неоднозначностью концепции является также то, что, «с одной стороны, “мягкая сила” – косвенная форма реализации “национального интереса”, а с другой – “Троянский конь”, который разрушает классическое национальное государство, его духовную основу, культурное ядро и дает взамен транснациональную культуру потребления и удовольствий»¹⁴¹. Интересным является также тот феномен, что в отличие от традиционного реализма, ставящего на главное место государство, ноополитика¹⁴² заменяет их «сетью государств, государственных и негосударственных организаций», управляемых через “мягкую силу”»¹⁴³.

Критику научной новизны концепции Дж. Ная в предисловии к изданию «Колосс: цена американской империи» представил Н. Фергюсон, утверждая, что все инструменты «мягкой силы» являются составляющими политики по установлению империализма, в котором интересы государств не могут быть достигнуты путем опоры на культурную дипломатию и формирование привлекательности, поскольку они не в силах защитить ее от инструментов «жесткой силы»¹⁴⁴.

¹⁴¹ *Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А.* «Мягкая сила» как форма не прямой аппликации «Национального интереса» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 2. 2012. С. 21–30.

¹⁴² Ноополитика: представляет собой форму политического руководства, которая необходима для взаимодействия с ноосферой, самым широким информационным пространством сознания, в котором объединены киберпространство (или «сеть») и инфосфера (киберпространство плюс СМИ). По своему определению, это метод проведения внешней политики в информационную эпоху, выделяющей первенство идей, духовных ценностей, моральных норм, законов и этики, основанный на применении «мягкой силы».

¹⁴³ *Гриняев С.Н.* Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Мн.: Харвест, 2004.

¹⁴⁴ *Ferguson N.* Colossus: The Price of America's Empire. London: Penguin books. 2005. P. 24.

Несмотря на существующую критику по некоторым положениям новой теории¹⁴⁵, можно сделать вывод, что научному сообществу и теоретикам по данной проблематике удалось обосновать концепцию «мягкой силы», потенциал и актуальность которой не вызывает сомнений у большинства исследователей.

После введения концепции в научный оборот были выявлены ее главные достоинства, по которым «мягкая сила» не воспринималась как некая теория, а как реально существующий механизм и практика для государств в достижении своих внешнеполитических целей. Она не противоречила главным принципам международного права, акцентировала внимание на многих актуальных проблемах, в том числе на силовых методах мировых держав для достижения своих внешнеполитических целей. Критика концепции не ослабила ее методологические основы и актуальность в политической науке, а делала акцент на существующие недоработки, частично их исправляя.

Национальные подходы применения «мягкой силы» во внешней политике часто различались своим инструментарием, чем делали концепцию более многогранной. Проходя непростой путь критики и обоснования, концепция «мягкой силы» нашла свое место в международной академической среде и дала новое дыхание и творческую мотивацию для важных научных исследований в сфере международных отношений, цель которых – создание новых концепций, способных ответить на вызовы современного мироустройства.

¹⁴⁵ Красина О.В. «Мягкая сила» как теоретическая конструкция и властная технология в контексте современной мировой политики. Современная гуманитарная академия М.: Изд-во СГУ, 2011. С. 36.; Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии. М. МГИМО, 2016. С. 33; Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 40.; Lock E. *Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power. Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. London: Routledge, 2010. P. 32–50.

1.2. Политика «мягкой силы» Турции в XXI в.

Концепция «мягкой силы» для многих стран сделала возможным ее применение для достижения своих внешнеполитических целей, без использования «жесткой силы» с рисками конфликтных столкновений. Наряду с мировыми державами, данную концепцию основательно подхватила Турция, у которой имелись исторические, культурные и географические ресурсы для воплощения ее на практике. Уникальной особенностью географического положения Турецкой Республики является то, что она находится на перекрестке Европы, Азии и частично Африки. Данное расположение дает возможность стать активным участником в большинстве региональных процессов. Географическое положение также определяет и довольно большое количество соседей Турции. В современном мире восемь стран имеют общие сухопутные границы с Турецкой Республикой: Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Иран, Ирак, Сирия; четыре – прибрежные зоны в морях, омывающих Турцию: Республика Кипр, Румыния, Россия и Украина. Многочисленность соседей и непростая история взаимоотношений вынуждает Анкару основываться не только на традиционных путях ведения дипломатии, но и находить другие формы для успешной реализации своих внешнеполитических интересов.

Для Турции относительно новая концепция «мягкой силы» оказалась очень жизнеспособным и привлекательным явлением. Турецкий подход видения «мягкой силы» во внешней политике получил концептуальную форму во время правления Партии справедливости и развития (ПСР) (тур. Adalet ve Kalkınma Partisi) с 2002 г.

Для понимания места «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе Турции необходимо исследовать главные стратегии ее внешней политики, начиная от концепции Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина» до предвыборных манифестов, правительственных программ и новых подходов во внешней политике ПСР.

«Мягкая сила» Турции во многом отличается от опыта других стран по своей форме и содержанию. Потенциал «мягкой силы» Турции, которая выявляется от Балкан и Ближнего Восток до Кавказа и Центральной Азии, имеет серьезные культурно-исторические основания. Со стороны Турции не была представлена отдельная доктрина или внешнеполитическая концепция по «мягкой силе». Однако, культурная дипломатия и важность продвижения положительного имиджа Турции выделялись почти во всех ниже представленных доктринах, концепциях и документах.

Стоит особо подчеркнуть, что после 2002 г., когда в Турции правящей партией стала Партия справедливости и развития, возросла нужда обеспечения теоретических основ внешней политики нового правительства. Инициатором новой внешнеполитической концепции явился профессор политических наук Ахмет Давутоглу, который при создании новой концепции основывался на своей книге «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» (тур. *Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu*) 2001 г.

По мнению А. Давутоглу, турецкое понимание геополитики было слишком узким и статичным из-за отсутствия динамических переосмыслений в разные периоды истории и, что именно после «холодной войны», есть особая нужда в новых подходах¹⁴⁶. Проработками новых концепций и занимался ученый. Одним из основных выводов автора, помимо рассмотрения геополитического актива для постепенного преобразования регионального влияния на международную, является то, что Турция, параллельно с развитием отношений с центральными силами, должна улучшать и углублять культурную и экономическую дипломатию для достижения своих внешнеполитических целей¹⁴⁷. Автор предлагал строить новую политику Турции на шести фундаментальных принципах. Однако, в этих принципах

¹⁴⁶ *Ahmet Davutoğlu*. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001 P.116.

¹⁴⁷ *Ibid.* P. 118.

политика «мягкой силы» не занимала отдельное место, а была составляющей частью нескольких принципов. В дальнейшем он будет раскритикован за недостаточное внимание к «мягкой силе» (рис. 4):

Рисунок 4

Шесть фундаментальных принципов внешней политики Турции¹⁴⁸

А. Давутоглу в своей концепции выделяет три главные геополитические зоны, которые должны стоять на основе внешнеполитической стратегии и культурной дипломатии Турции. К ним относятся регионы и внутренние районы (hinterlands) прилегающей территории суши Балкан, Ближнего Востока и Кавказа; морские бассейны Черного моря, Восточно-Средиземного моря, Каспийского моря и Персидского залива; континентальные направления, включая Европу, Северную Африку, Южную, Среднюю и Восточную Азию.

¹⁴⁸ Yeni Dönemde Sıfır Sorun Politikası. [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <http://www.mfa.gov.tr/yeni-donemde-sifir-sorun-politikasi.tr.mfa> (дата обращения 12.02.2022)

Исследователь анализирует предыдущие концепции силы Турции и приходит к выводу, что они были ошибочны главным образом из-за отсутствия стратегии и теории и предлагает формулу силы, где Сила (Power) = основные параметры (the constant parameters (CP)) - культура, история, география, население + возможные параметры (the potential parameters, (PP)) - экономические, технические и военные возможности x стратегическое мышление (strategic mentality (SM)) + стратегическое планирование (strategic planning (SP)) + политическая воля (political will (PW))¹⁴⁹.

Автор, говоря о причинах отсутствия стратегии и методологии, выделяет следующие причины: 1. отсутствие институциональных и структурных основ в процессе разработки внешней политики; 2. исторический фактор, где наблюдается проблема резкого контраста между внешней политикой Османской империи и Турецкой Республики; 3. психологический фактор, который был связан с самоидентификацией турецкого государства. Исходя из этого он делает вывод, что эти факторы препятствовали созданию и развитию теории и стратегии внешней политики Турции, которая правильно оценила бы возможности страны и помогла бы успешно позиционировать себя на международной арене¹⁵⁰.

Ученый особое внимание уделяет изучению исторического фактора и его места в формировании международного положения Турции, начиная от Османской империи и до начала XXI в. Здесь важным периодом считается окончания холодной войны, где было выявлено, что Турция оказалась психологически и стратегически неподготовлена к глобальным и региональным изменениям и, что необходим пересмотр культурной, экономической, региональной, политической стратегии в соответствии с новыми реалиями¹⁵¹. В период окончания холодной войны начинается возрождение «исторической глубины» Турции, что позволяет ей претендовать

¹⁴⁹ *Ahmet Davutoğlu*. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. P. 17.

¹⁵⁰ *Ibid.* P.65.

¹⁵¹ *Ibid.* P. 73–74.

на центральную роль в своем регионе, и стать на уровень выше в классификации государств¹⁵². Автор также выражает свою критику по поводу времен начала нового века. Говоря о месте Турции в реалиях мировой политики, А. Давутоглу пишет: «однополярность или односторонность во внешней политике Турции затрудняет выработку собственного политического и дипломатического пути. Такая односторонность замедляет сдвиг страны на международной арене и не дает возможности использовать преимущества, которые сделают позиции Турции более значимыми в региональном и международном уровнях»¹⁵³.

А. Давутоглу предлагает прогрессивный подход анализа взаимоотношений с ближайшими соседями, где подчеркивает, что для проведения успешной глобальной политики Турция сначала должна реорганизовать свои взаимоотношения с региональными соседями¹⁵⁴: «Турция, с одной стороны, должна стать инициатором в области региональной безопасности и сотрудничества в своей геополитической зоне, а с другой стороны, должна предпринять шаги, которые укрепляют взаимозависимость в экономических и культурных областях»¹⁵⁵. Автор выделяет три основных направления, связывающих Турцию, Кавказ, Каспий и Центральную Азию. Здесь акцент ставится на нескольких задачах: во-первых, укрепление статуса северокавказских (в составе Российской Федерации) и южнокавказских государств для обеспечения связи между Каспийским и Черным морями; во-вторых, возрождение и укрепление отношений с Ираном в динамичном и рациональном экономическом сотрудничестве для обеспечения противовеса российскому влиянию в Центральной Азии и на Кавказе; в-третьих,

¹⁵² *Ahmet Davutoğlu*. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. P. 79–90.

¹⁵³ *Ibid.* P. 91–92.

¹⁵⁴ *Ibid.* P.144.

¹⁵⁵ *Ibid.* P. 145.

продвижение всех видов сотрудничества между государствами Центральной Азии¹⁵⁶.

При детальном рассмотрении можно понять, что предложенные идеи внешней политики Турции в отношении организации региональной политики для Балкан, Кавказа, Ближнего Востока, Центральной Азии и Европы во многом стали реализовываться с 2002 г. при новой правящей Партии справедливости и развития.

Однако, некоторые исследователи подчеркивают, что осознанность своей внешнеполитической мощи у Турции наметилась еще до создания ПСР. Так, Стефан Ларабе и Ангел Рабаса, анализируя внешнюю политику Турции в начале XXI в., отмечают, что процесс укрепления турецкого влияния на восток начинается задолго до правления ПСР. Еще во время президентства Тургута Озала Турция, основываясь на культурных и исторических факторах, стала активно продвигать свои позиции в Центральной Азии. Однако ученые соглашаются с тем, что данный внешнеполитический курс получил серьезный импульс после доктрины «Стратегической глубины» Давутоглу и с победой на выборах в ноябре 2002 г. Партии справедливости и развития¹⁵⁷.

Некоторые турецкие исследователи в свою очередь согласны с тем, что осознание своего потенциала и мощи у Турции не начинается с 2002 г., так как и администрация Озала, и министр иностранных дел в 1997 - 2002 гг. Исмаил Джем, говорили, и даже делали шаги для усиления внешнеполитического присутствия Турции на региональном и международном уровнях не только политическими и экономическими, но и культурными, историческими и языковыми инструментами¹⁵⁸.

¹⁵⁶ *Angel R. and Larrabee F.S.* The Rise of Political Islam in Turkey. RAND Corporation. 2008. P. 181.

¹⁵⁷ *Ibid.* P. 75.

¹⁵⁸ *Özdal H., Dinçer O.B., Yegin M.* Mülakatlarla Türk Dış Politikası Cilt 2 // Cilt 2, Ankara: USAK Yayınları. 2010. P. 271.

О «Стратегической глубине» Давутоглу рассуждали многие исследователи в целом. Так, например, как Николас Данфорт¹⁵⁹, Александр Муриносон¹⁶⁰, считали, что центральными компонентами, составляющими данную стратегию, являются географические и исторические факторы. В свою очередь Стефан Ларабе и Ангел Рабаса писали по этому поводу: «Основная идея доктрины “стратегической глубины” заключается в том, что значение государства в международных отношениях зависит от его геостратегического положения. Концепция подчеркивает важность османского прошлого Турции, ее историко-культурную связи с Балканами, Ближним Востоком и Центральной Азией»¹⁶¹.

Международная пресса с свою очередь тоже прокомментировала новую доктрину турецкой правящей партии. Британский журнал «The Economist» писал: «Стратегическая глубина объявляет о создании турецкой зоны политического, экономического и культурного влияния, прежде всего среди соседей (многие из которых бывшие части Османской империи) на Балканах, Южном Кавказе и Ближнем Востоке»¹⁶².

Считается, что именно эти идеи А. Давутоглу стали основой внешнеполитической деятельности Партии справедливости и развития, которая формально была основана 14 августа 2001 г., после чего данная доктрина нашла свое отображение в программе партии, в предвыборных манифестах и, в дальнейшем, в программе правительства. Нужно отметить, что программа партии выделяла начало нового века как период, где Турция должна пересмотреть свою внешнюю политику не только на региональном, но и на международном уровне, придерживаться многополярного мира и

¹⁵⁹ *Danforth N.* Ideology and Pragmatism in Turkish Foreign Policy: From Atatürk to the AKP // *Turkish Policy Quarterly*, 7:3. 2008. P. 91.

¹⁶⁰ *Murinson A.* The strategic depth doctrine of Turkish foreign policy // *Middle Eastern Studies*, 42:6. 2006. P. 947.

¹⁶¹ *Angel R. and Larrabee F.S.* The Rise of Political Islam in Turkey. RAND Corporation. 2008. P. 75.

¹⁶²“Dreams from their fathers”. *The Economist*, July 23, 2009. URL <https://www.economist.com/europe/2009/07/23/dreams-from-their-fathers> (Дата обращения 09.11.2021)

воспользоваться новыми реалиями окончания «холодной войны» для укрепления своих позиций в соседних регионах¹⁶³. Вспоминая концепцию «Стратегическая глубина», мы можем констатировать, что эти утверждения полностью соответствовали концепциям Давутоглу.

В одной из первых статей программы партии особое место уделяется активизации вовлеченности Турции в региональные и международные процессы. Далее более подробно рассматривается этот пункт и ставится акцент на значимости Турции и необходимости ее присутствия в разрешении региональных конфликтов: «Турция должна проявлять больше инициатив в очагах кризиса в соседних регионах и пытаться внести конкретный вклад в разрешение этих кризисов»¹⁶⁴.

После пятилетнего правления ПСР в своем новом избирательном манифесте 2007 г. пересматривает прежние цели и анализирует свои успехи во внешнеполитической деятельности. В итоге, в разделе, связанном с видением внешней политики партии происходят изменения. В новом манифесте партия не отказывается от прежних принципов своей программы, но внешнеполитические цели становятся более концептуализированы и последовательно выстроены.

А. Давутоглу в создании и этого манифеста сыграл важную роль. Основываясь на своей концепции «Стратегическая глубина», он представил приоритеты и возможности Турции на внешнеполитической арене. Турция была определена как «страна с разнонаправленной и многоаспектной внешней политикой, которая основывается на четко обозначенных концепциях, включающих в себя исторически накопленному географическую и культурную глубину и стратегическое положение»¹⁶⁵.

В манифест также вошли идеи о методах достижения вышеуказанных целей: «Для достижения данных целей нам безусловно необходимо в

¹⁶³ AKP Party Program. [Электронный ресурс] // AK parti. URL: <https://www.akparti.org.tr/en/parti/party-programme/> (Дата обращения 09.11.2021)

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

слаженном формате использовать нашу «жесткую силу» сдерживания/принуждения и нашу «мягкую силу» с ее дипломатическими, экономическими и культурными механизмами. Поэтому мы придерживаемся к активным и динамичным методам внешней политики, которые подразумевают принципиальную, рациональную, сбалансированную работу со всеми мировыми и региональными акторами»¹⁶⁶. В данном документе правящая партия еще больше акцентирует на политику «мягкой силы».

Политика «мягкой силы» также нашла свое концептуальное отражение в известной доктрине «*Ноль проблем с соседями*». Новые доктрины внешней политики Турции очередной раз определяются А. Давутоглу¹⁶⁷. Данные концепции свою итоговую форму получили в новой статье разработчика в журнале *Foreign Policy*¹⁶⁸, где автор предлагает несколько методологических принципов, как основ новой внешней политики страны. В них прозвучал призыв к отказу от «кризисной» политики и переходу к «дальновидной» политике, в которой внешнеполитические решения принимаются после комплексного анализа и оценки кейса.

По мнению Давутоглу, начиная от Ближнего Востока до Кавказа и от изменения климата до экономики у Турции есть свои подходы. В частности, он считал, что «Турция должна взять на себя роль страны, которая устанавливает порядок во всех окрестных регионах. Турция больше не страна, которая только реагирует на кризисы, а она пресекает кризисы до их появления, эффективно вмешивается в конфликтные ситуации и распространяет порядок в окружающих его регионах»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ AKP Election Manifesto 2007. [Электронный ресурс] // AK parti. URL: http://www.yayed.org.tr/resimler/ekler/718499c1c8cef67_ek.doc?tipi=&turu=&sube= (Дата обращения 09.11.2021)

¹⁶⁷ *Davutoğlu Ahmet*. Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007. // *Insight Turkey*, 10:1. 2008. P. 77–96.

¹⁶⁸ *Davutoğlu Ahmet*. "Turkey's zero-problems foreign policy." // *Foreign Policy* 20.5: 2010.

¹⁶⁹ "New FM Davutoğlu to build order-instituting role for Turkey". [Электронный ресурс] *Today's Zaman*, 4 May 2009. // URL: <http://www.todayszaman.com/tz-web/news-174284-new-fm-davutoglu-to-build-orderinstituting-role-for-turkey.html> (Дата обращения 12.11.2021)

После вступления на должность министра иностранных дел в 2009 г. А. Давутоглу объявил, что внешняя политика Турции строится на трех основах, первой из которых является сама процветающая Турция, которая станет одним из ведущих государств мира, вторая основа – взаимоотношения с соседями, где Турция должна добиться «ноль проблем с соседями» и выстраивать максимально выгодные отношения с ними, а третья основа акцентируется на том, что Турция должна взять на себя глобальную ответственность и участвовать во многих международных процессах¹⁷⁰. Придерживаясь этих принципов, по мнению Давутоглу, Турция должна показать, что в ее внешней политике есть определенный подход и последовательность, который неуклонно продвигает страну к поставленным целям и декларирует свои приоритеты.

Важным методологическим принципом, определенным Давутоглу, стало «принятие нового дискурса и дипломатического стиля», который в дальнейшем автор называет подходом «мягкой силы». Он отмечает: «Несмотря на то, что Турция содержит мощные вооруженные силы из-за небезопасного соседства в регионе, она не выступает с угрозами. Вместо этого турецкие дипломаты и политики взяли на вооружение новый язык в региональной и международной политике, которая на главном месте ставит интересы Турции»¹⁷¹.

Один из принципов внешней политики Давутоглу «ноль проблем с соседями» оказался самым популярным в академической и журналистской среде. Этот принцип наиболее коррелировался с концепцией «мягкой силы», где Турция должна была нормализовать свои взаимоотношения с соседями, опираясь на культурные, исторические и экономические связи. Директор Центра по проекту «Турция» Кемал Киришчи так объясняет этот принцип: «переосмысление и попытку решения двусторонних проблем путем активного

¹⁷⁰ *Davutoğlu Ahmet*. "Turkey's zero-problems foreign policy." // *Foreign Policy* 20.5: 2010.

¹⁷¹ *Ibid*.

развития более тесных отношений с соседями»¹⁷². Другие ученые приписывают этому принципу более широкие рамки и характеризуют его как новую политику соседства¹⁷³, которая подразумевает, нормализацию отношений со всеми странами-соседями с использованием разных внешнеполитических инструментов.

Изучая концепции А. Давутоглу, исследователь Булент Арас приходит к выводу, что Турции необходим единый подход по введению внешней политики и международной интеграции, и что этот подход должен проявить себя от мирного процесса на Ближнем Востоке до стабильности на Кавказе¹⁷⁴.

Используя вышеуказанные концепции, Турция стремится к повышению своей эффективности на международной арене, а с созданием теоретической основы, турецкая дипломатия после 2001 г. начала активно внедрять новые идеи в свою внешнюю политику, поскольку в концепциях Давутоглу потенциал «мягкой силы» раскрывается не в полной мере.

О недостаточной изученности «мягкой силы» в турецком научном сообществе пишет крупный исследователь – профессор университета Анкары доктор Баскын Оран. В своем труде, посвященном внешней политике турецкого государства, он отмечает, что «турецкая политическая мысль не уделяет должного внимания “мягкой силе” и что при оценке турецкой внешней политики мы можем заметить, что данная концепция обсуждается время от времени и используется не в полной мере»¹⁷⁵. По мнению автора Турция, которая стала значимее и сильнее благодаря своей развивающейся военной мощи, региональной и международной экономической активности, сможет и дальше развивать успехи, если будет продолжать опираться на

¹⁷² *Kemal K.* Turkey's Foreign Policy in Turbulent Times // Chaillot Paper No.92. 2006. P. 50.

¹⁷³ *Ozgur U.* EU, Turkey and Neighborhood Policies // Turkish Policy Quarterly. 8:3. 2009. P. 77.

¹⁷⁴ *Aras B.* Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy // SETA Policy Brief No:32, May 2009. P.8.

¹⁷⁵ *Ibid.*

политику «мягкой силы», которая даст Анкаре новые возможности и перспективы¹⁷⁶.

Свое видение турецкий «мягкой силы» представляет ученый, государственный деятель и дипломат Ибрагим Калын, который делает вывод, что Турецкая «мягкая сила» по своим методам иная, более высокоморальная по сравнению с другими. Автор отмечает, что Турция обладает уникальными ресурсами и ценностной системой, что позволяет ей не применять американское видение «мягкой силы» как метод «кнута и пряника». Как считает автор, Турции чужды такие методы, так как она конструирует свою «мягкую силу» основываясь на более важных представлениях, таких, как историческая память, мораль и культурная связь¹⁷⁷. И. Калын представляет основу турецкой политики «мягкой силы», которая опирается на благополучно растущую репутацию на Балканах, Ближнем Востоке и Кавказе. Страна применяет новую концепцию не только основываясь на своих союзниках, но и развивая возможности для привлечения новых акторов для успешной реализации своей «мягкой силы» на региональном и международном уровнях.

Задача Турции с помощью новых стратегий представить привлекательную Турцию широкой аудитории по всему миру, одновременно с этим преодолеть свои старые страхи и приобрести новый облик для трансформации внутренней и внешней политики¹⁷⁸. Ученый также отмечает, что для Турции одним из важнейших столпов «мягкой силы» является османский опыт, в создании которого, как утверждают турецкие и иностранные авторы, имели свое важное место турки, курды, боснийцы, албанцы, черкесы, абхазы, арабы, азербайджанцы, казахи, киргизы, узбеки,

¹⁷⁶ Çomak H. ed. Dünya Jeopolitiğinde Türkiye. // Vol. 23. Hiperlink eğit. ilet. yay. san. tic. ve ltd. sti., 2011. P. 76.

¹⁷⁷ Kalın İ. Soft Power and Public Diplomacy in Turkey // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. 16(3). P. 5–23.

¹⁷⁸ Ibid. P. 5.

туркмены, так и представители других этносов: армяне, греки, евреи, ассирийцы¹⁷⁹.

Сегодня Турция является основным хранителем османского наследия, которое когда-то объединяло разные этнические группы. Однако, здесь не все исследователи поддерживают эмпирические взгляды на предмет того, что «мягкая сила» Турции – это новая форма Неосманизма, а выдвигают мысль, что это выявление новых возможностей и тенденций в глобальной политике, где позволительно применять исторические, культурные и географические факторы для достижения внешнеполитических целей. Именно в этом контексте Турция воспринимает концепцию «мягкой силы» и ее гармоничность с турецким видением продвижения и воплощения внешнеполитических задач¹⁸⁰.

При изучении турецкой «мягкой силы» многие отечественные и зарубежные исследователи особо выделяют религиозно-культурную основу. В отличие от Давутоглу, который акцентируется на культуре, историческом прошлом и региональной активности. В этом контексте современный исследователь Ахмет Озтурк подчеркивает, что Турция на протяжении всей своей истории использовала ислам в качестве инструмента и во внутренней, и во внешней политике. При ПСР страна отдавала особый приоритет именно исламским ценностям и активно использовала этот рычаг во внешней политике¹⁸¹.

Исламский фактор выделяют также российские исследователи, которые анализируют возрождение ислама в странах Центрально-азиатского региона и

¹⁷⁹ *Kalın İ.* Soft Power and Public Diplomacy in Turkey // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2011. 16(3). P. 10.

¹⁸⁰ For the concept of soft power in international literature and its meaning for Turkey, see the essays by Bilgin, Elis, Beng, Altunışık and Altınay in the special soft power issue of *Insight Turkey*, Vol. 10, №. 2 (April-June 2008).

¹⁸¹ *Ozturk A.E.* Islam and foreign policy: Turkey's ambivalent religious soft power in the authoritarian turn // *Religions* 12.1. 2021. P. 38.

стремление Турции посредством исламского фактора усилить свою роль в тюркоязычном мире¹⁸².

Некоторые турецкие исследователи, делая акцент на важности демократических институтов для проведения политики «мягкой силы», отмечают, что в случае Турции этот фактор играет положительную роль, так как она своими демократическими процессами в какой-то степени стала привлекательным образцом для многих арабских стран и для региона Среднего Востока¹⁸³. С этим не соглашается А. Озтурк, который дает периодизацию событий, повлиявших на внешнюю политику Турции; выделяет усиление авторитаризма в правящей элите, ее отрицательное влияние на привлекательность Турции, которая из-за внутривнутриполитических и внешнеполитических сотрясений все больше отходила от демократических ценностей (см табл. 2).

Таблица 2

Политический путь АКР в Турции и ее отношение к внутренней и внешней политике¹⁸⁴

Период	Критические ситуации	Состояние внутренней и внешней политики партии
2002 – 2008 гг. Состояние выживания	Военный меморандум в Турции (2007) Усиление Народно-республиканской партии	Оборонительно-реакционный
2008 – 2013 гг. Поглощение и узурпация власти	Деятельность организаций Ergenekon и Balyoz Операции против Ассоциация обществ Курдистана (курд. Koma Civakên Kurdistanê)	Активно-стратегический
2013 – 2016 гг. Период вызовов	Протесты на площади Таксим и в парке Гези	Реакционно-агрессивный

¹⁸² Москаленко В.А. «Мягкая сила» Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии. // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. № 4–1, 2021. С. 129.

¹⁸³ Там же. С 9.

¹⁸⁴ Ozturk A.E. Islam and foreign policy: Turkey's ambivalent religious soft power in the authoritarian turn // Religions 12.1. 2021. P. 38.

	Коррупционные скандалы и расследования 17-25 декабря	
2016 г. Гегемония своей власти	Неудавшаяся попытка переворота 15 июля	Агрессивный

Исследователь Седат Лачинер дополняет своих коллег и выделяет фактор СМИ и медиа в «мягкой силе» Турции. В частности, он пишет: «Другие элементы “мягкой силы” для Турции находятся в сфере СМИ и культуры. Турецкая культурная продукция соответствует потребностям региона. Благодаря турецкой культурной продукции многие люди в регионе видят турецкий образ жизни как образец для подражания»¹⁸⁵.

Для достижения поставленных внешнеполитических целей Турция опирается на культуру, как основной инструмент «мягкой силы». Государством распространяются культурные ценности как внутри страны, так и за ее пределами, что помогает завоевать уважение и привлекательность среди населения других стран.

Идея «привлекательности» всецело продвигалась правительством ПСР с помощью внутренних и внешних институтов, а популярность культуры была введена в качестве приоритета «мягкой силы». Одним из аргументов, выдвигаемых в пользу роста значимости «мягкой силы» в период правления ПСР является то, что в это время наблюдался рост привлекательности турецкой культуры в соседних странах и регионах. В дальнейшем многими исследователями было отмечено, что турецкая культура своим потенциалом смогла стать основным инструментом турецкой модели «мягкой силы»¹⁸⁶.

Необходимо выделить основные организации и площадки, посредством которых турецкое государство прямо или косвенно реализует политику «мягкой силы». Наиболее активными и успешными структурами, через

¹⁸⁵ Lachiner S. Turkey's New Middle Eastern Approach// USAK Yearbook of Politics and International Relations. 3. 2010. P. 431–441.

¹⁸⁶ MacKenzie K. Turkish Soft Power Changes Middle East // Interview with Sedat Laçiner, The Journal of Turkish Weekly, 12 November, 2009.

которые распространяется турецкое влияние, явились: Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию, Тюркский совет, Институт имени Юнуса Эмре. Важнейшей из этих организаций считается Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), так как реализует самые крупные проекты¹⁸⁷.

Международная организация тюркской культуры была основана в 1993 г. по инициативе Турции и тюркских стран Содружества Независимых Государств. Главной целью организации стало проведение культурных и творческих мероприятий, концертов для сохранения культурного наследия тюркских народов. Ежегодно ТЮРКСОЙ организует встречи художников, оперные фестивали, литературные конгрессы и другие форумы, которые уже стали традиционной площадкой обмена опытом деятелей культуры и науки тюркского мира.

Турецкое агентство по международному сотрудничеству (ТИКА) было создано в 1992 г. Главная цель – выстраивание выгодных отношений между турецкой стороной и зарубежными странами. Организация активно реализует различные образовательные программы и мероприятия, которые объединяют тюркские народы мира¹⁸⁸.

Институт Юнуса Эмре, основанный в 2007 г., ведет свою основную деятельность в образовательной среде и активно распространяет турецкий язык практически по всему миру. В основополагающем законе Института говорится, что целью учреждения является «продвижение Турции, ее языка, истории, культуры и искусства, <...> развитие дружбы с другими странами, расширение культурного обмена, предоставление соответствующей информации и документов внутри и за пределами страны». стране в пользование мира, предоставляя людям, желающим обучаться турецкому

¹⁸⁷ *Аватков В.А.* Внешнеполитический курс турецкой республики в рамках современной системы международных отношений. Москва. 2020. С 227.

¹⁸⁸ Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı [Электронный ресурс] // TİKA web-sitesi. URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (дата обращения: 18.06.2021)

языку, культуре и искусству, услуги за границей»¹⁸⁹. Центр финансирует и осуществляет различные образовательные мероприятия, главная цель которых распространение турецкой культуры турецкого языка, выделяет стипендии для обучения студентов в Турции и проводит различные летние школы, на которых участники со всего мира в качестве лингва франка используют турецкий язык.¹⁹⁰

Российские исследователи А.В. Аватков и Е.Е. Чулковская, проанализировав деятельность центров культуры имени Юнуса Эмре, пришли к выводу, что подобные учреждения представляют собой важный механизм лоббирования интересов Турции¹⁹¹.

Для улучшения и продвижения достигнутых успехов были созданы специализированные органы. Так, в 2008 г. в Баку была основана Парламентская ассамблея тюркоязычных стран; в 2009 г. – Совет сотрудничества тюркских государств (ССТГ, Тюркский совет). Он состоит из пяти органов: Совета глав государств, Совета министров иностранных дел, Совета старейшин, Совета заслуженных деятелей внешнеполитических ведомств и Постоянного секретариата. Изначально программа организации была весьма широкой и амбициозной. Она включала в себя координацию деятельности участников в сферах культуры, экономики и политики. С 2009 г. ССТГ провел восемь саммитов.

На VIII саммите стран-членов ССТГ в Стамбуле в 2021 г. было принято решение переименовать совет в «Организацию тюркских государств». Также был утвержден и принят итоговый документ «Видение тюркского мира – 2040», который является стратегическим документом, «определяющим будущее сотрудничество в различных областях, представляющих общий

¹⁸⁹ Yunus Emre vakfi kanunu. [Электронный ресурс] // 05.05.2007. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5653.pdf>

¹⁹⁰ Фролов Ф.С. Мягкая сила турецкой культурно-лингвистической экспансии // ББК 66.4 (2Рос) Г75. 2020. С. 96.

¹⁹¹ Нутфуллина З.Г. «Мягкая сила» по-турецки // Казанский вестник молодых ученых. 2019. № 4 (12). С. 153–157.

интерес в тюркском мире». Во время саммита президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что «тюркские страны на протяжении тысячелетий оставались центром культуры и цивилизации. Я уверен – сказал он, что так будет и впредь»¹⁹².

Подводя итог анализу Турецкой внешней политики, проводимой правительством ПСР, можно сделать вывод, что фактор «мягкой силы» усилился и укрепился. Если в первый срок своего правления ПСР была нацелена на обеспечение регионального лидерства страны, то уже после 2007 г., когда партия одержала победу в выборах, она сосредоточила в своих руках главные рычаги власти и направила свою деятельность на выдвижение Турции в ряды мировых лидеров. Одним из важнейших успехов турецкой «мягкой силы» является то, что государственные и негосударственные организации, которые ее проводят, не дублируют друг друга, хотя и действуют в смежных областях. Они слаженно координируют свои действия друг с другом, выступают единым фронтом, но не единым монолитом.

В попытке структуризации турецкой политики «мягкой силы» можно выделить его основные столпы (см. рис. 5), основываясь на которых, Турция продвигает свою внешнюю политику во многих регионах мира.

¹⁹² Тюркский совет переименовали в Организацию тюркских государств. [Электронный ресурс]. 12 ноября 2021. ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12912505?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 14.04.2021).

Основные столпы турецкой «мягкой силы»¹⁹³

«Мягкая сила» Турции во многом отличается от опыта других стран по своей форме и содержанию. Потенциал «мягкой силы», которая распространяется от Балкан и Ближнего Востока до Кавказа и Центральной Азии, имеет серьезные культурно-исторические основания с особым выделением османского опыта. Представляется возможным сделать вывод, что, по сравнению с традиционной турецкой внешней политикой, охватывающей почти 80 лет вплоть до 2002 г., «мягкая сила» Турции во время правления ПСР за последние 20 лет существенно увеличилась и стала одним из приоритетных направлений внешней политики.

¹⁹³ Рисунок составлен автором

1.3. Внешнеполитическая значимость Южного Кавказа в современных международных отношениях

Для выявления теоретических подходов и анализа региональных измерений наиболее универсальным является системный подход, который позволяет теоретически выделять региональный уровень и региональные подсистемы (собственно «региональные подсистемы» и «региональные комплексы») в качестве самостоятельных аналитических объектов исследования¹⁹⁴. В рамках данного подхода предоставляется возможность изучения прикладных задач, таких, как вычисление ключевых макрорегионов мира и, уже на региональном уровне анализировать, как меняются закономерности относительно к более крупным, чем страны, макрорегионам; выделять географические, исторические, культурные, цивилизационные факторы образования этих региональных подсистем.

Региональный уровень анализа теоретически и практически позволяет более адекватно и корректно подойти к проблематике страновой специфики, так как ставит ее в контекст региональных закономерностей. Актуальность изучения проблематики регионального уровня очевидна, так как она непосредственно связана с практикой международных отношений и дипломатии.

В 1990-е гг. возникла необходимость анализа разграничения общих и частных проблем системы международных отношений, а также выделения регионального уровня международных отношений как самостоятельного. Это было связано с актуальными тенденциями глобализации с одной стороны, и с регионализацией и фрагментацией – с другой. Что можно проследить на примере Южного Кавказа.

Конфликтное во многом взаимодействие внутри и вокруг Южного Кавказа продолжается и в XXI в. С началом нового века этот регион не утратил

¹⁹⁴ *Воскресенский А.Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2 (8), 2012. С. 31–55.

своего значения как одного из важных в мире, и остается территорией конкурентной борьбы основных игроков международной политики. Регион состоит из трех независимых республик – Азербайджана, Армении, Грузии; двух частично признанных республик – Абхазии, Южной Осетии и непризнанной – Нагорно-Карабахской Республики. Его часто называют связующим звеном между странами Востока и Запада или же характеризуют как одним из важнейших геостратегических регионов мира¹⁹⁵. Одновременно с соперничеством, мировые акторы активно действуют в рамках сотрудничества в сферах экономики, политики, культуры, а также стратегического партнерства в военной сфере и в области безопасности со странами Южного Кавказа¹⁹⁶.

В течение тридцати лет в регионе происходили очень сложные и динамичные процессы, серьезно повлиявшие на его будущее. Важнейшей чертой региона явился процесс динамичного изменения экономических, политических и социальных систем. В этом контексте внешнеполитическая позиция стран определяется их членством в международных организациях, которое обуславливает необходимость проведения единого внешнеполитического курса по ряду вопросов¹⁹⁷. Несмотря на то, что регион небольшой и в нем расположены всего три государства, страны Южного Кавказа имеют различные внешнеполитические ориентиры и являются членами разных политических, экономических и военных организаций. В регионе не наблюдается единства в видении будущего развития или интеграции, и, более того, страны Южного Кавказа интегрируются или являются членами часто противодействующих друг другу международных

¹⁹⁵ Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. С. 105.

¹⁹⁶ Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). С. 72–84. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037.

¹⁹⁷ Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 2018. Т. 13 (1). С. 134–156. doi: 10.17323/1996-7845-2018-01-08.

организациях (см табл. 3). Среди них Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организация Североатлантического договора (НАТО), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Европейский союз (ЕС), Организация за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет Европы (СЕ), Всемирная торговая организация (ВТО) и др.

Таблица 3

Членство в международных организациях (оборона, безопасность, политика, экономика)¹⁹⁸

Страна	ОДКБ	НАТО	ЕАЭС	ЕС	ГУАМ	ОБСЕ	СЕ	ВТО
Азербайджанская Республика	-	СП	-	ЕПС	Ч	Ч	Ч	Н
Республика Армения	Ч	СП	Ч	ЕПС		Ч	Ч	Ч
Грузия	-	СП	-	СА	Ч	Ч	Ч	Ч

Примечание. ОДКБ – Организация договора о коллективной безопасности; НАТО – Организация Североатлантического договора; ЕАЭС (ЕврАзЭС) – Евразийский экономический союз; ЕС – Европейский союз; ГУАМ – Организация за демократию и экономическое развитие; ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе; СЕ – Совет Европы; ВТО – Всемирная торговая организация.

Ч – член; СП – страна-партнер; ЕПС – участник программы «Европейская политика соседства»; СА – подписано Соглашение об Ассоциации; Н – наблюдатель.

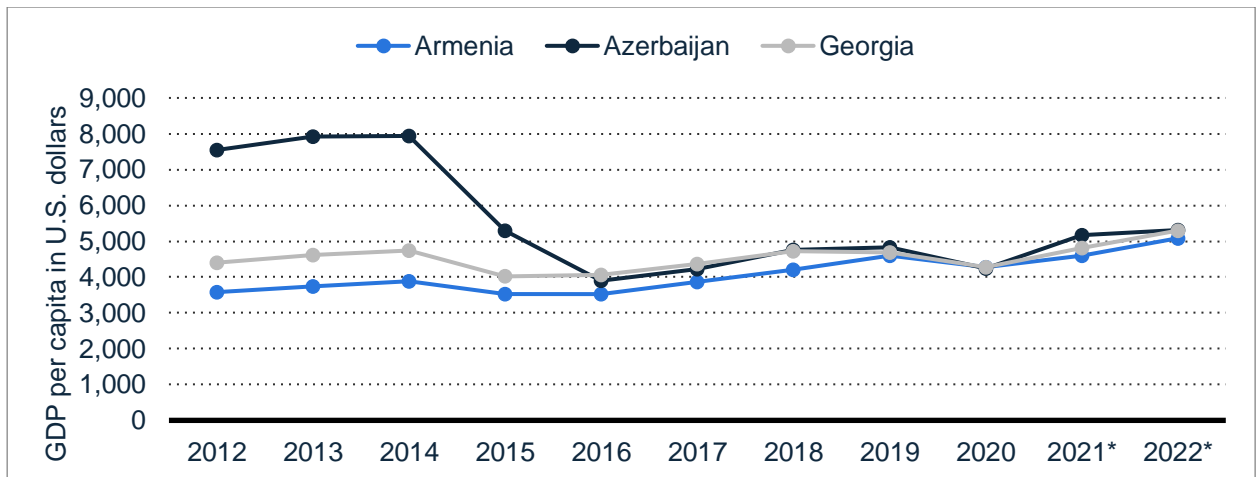
С экономической точкой зрения для стран Южного Кавказа характерна высокая степень волатильности, цикличности и сильной зависимости от внешних факторов. Страны региона имеют различные экономические модели, ресурсный потенциал и характер внешнеэкономических связей. В период пандемии COVID-19 все страны продемонстрировали примерно одинаковый уровень спада экономических показателей, который еще более ухудшился под

¹⁹⁸ Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 2018. Т. 13 (1). С. 134–156. doi: 10.17323/1996-7845-2018-01-08.

влиянием военного конфликта между Азербайджаном и Арменией (см. рис. 6)¹⁹⁹.

Рисунок 6

Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения в странах Южного Кавказа (с 2012 по 2022 г., в долларах США)²⁰⁰

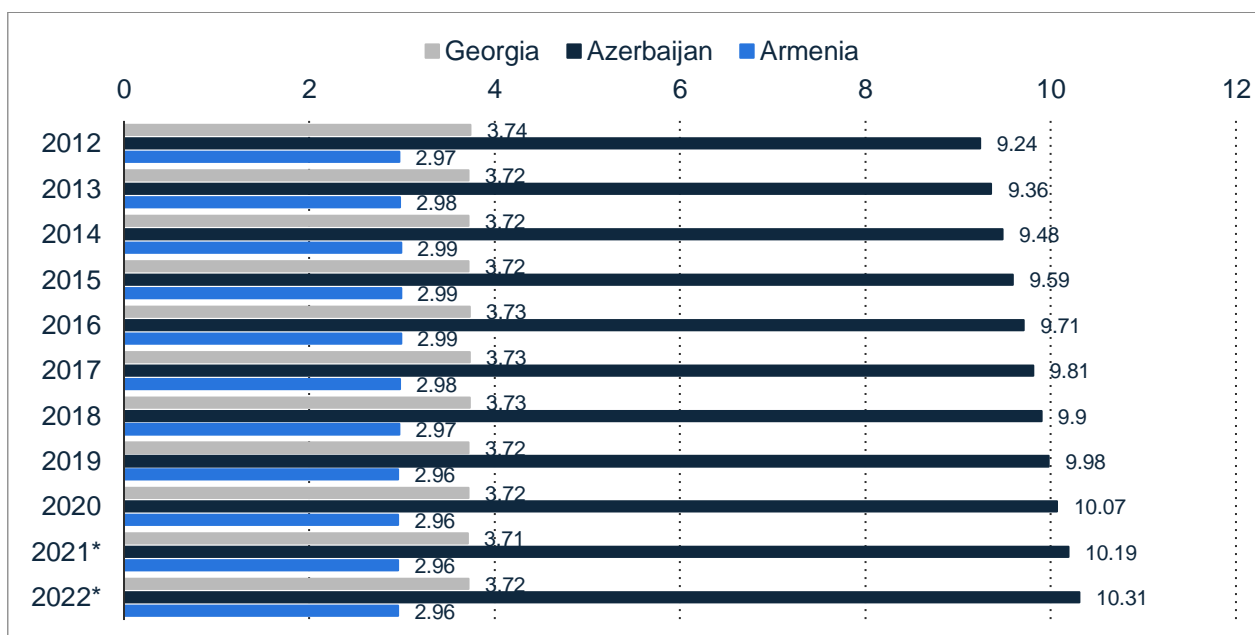
Страны Южного Кавказа также отличаются и неоднородностью демографических показателей. Наиболее благоприятным можно считать демографическое положение Азербайджана (см. рис. 7), которое характеризуется сбалансированной половозрастной структурой населения и рождаемости. В Армении и Грузии, несмотря на рост рождаемости, население продолжает сокращаться, что обусловлено миграционным оттоком²⁰¹.

¹⁹⁹ Мигранян А.А. Социально-экономическая ситуация в странах Южного Кавказа в период пандемии коронавируса // Постсоветский материк. Т. 3 (31). 2021. С. 68–81.

²⁰⁰ Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения в странах Южного Кавказа (с 2012 по 2022 г., в долларах США). IMF. (October 12, 2021). Statista. [Электронный ресурс] URL: <https://www.statista.com/statistics/980443/gross-domestic-product-gdp-per-capita-in-the-caucasus-countries/> (дата обращения: 24.02.2022.)

²⁰¹ Письменная Е. Социально-экономическое развитие и демографический потенциал стран Южного Кавказа в новых геополитических условиях / Е .Письменная, С. Рязанцев. О. Пичков, А. Лукьянец // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20. Выпуск 4. С. 61–69.

Регион Южный Кавказ: Общая численность населения по странам с 2012 по 2022 год (млн. жителей)²⁰²

Различие показателей присутствует и в экономической сфере. Так, экономика Азербайджана выделяется большим потенциалом производства и диверсифицированной промышленной базой, но основным фактором ее развития остаются богатые природные ресурсы нефти. Страна занимает 19-е место в мире по добываемым объемам нефти – 7 млрд барр. (1 млрд т), или 0,45% от всех мировых запасов, по данным ОПЕК²⁰³; добыча газа по данным

²⁰² Регион Южный Кавказ: Общая численность населения по странам с 2012 по 2021 год (млн. жителей). // IMF. (October 12, 2021). Statista [Graph]. [Электронный ресурс] URL: <https://www.statista.com/statistics/980364/total-population-of-the-caucasus-countries/> (дата обращения: 24.02.2022.)

²⁰³ ОПЕК Annual Statistical Bulletin 2020 // 2020 Organization of the Petroleum Exporting Countries ISSN 0475-0608 [Электронный ресурс] URL: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB_2020.pdf (дата обращения: 05.02.2022).

ОПЕК, составляет 1718 млрд куб. м и занимает 21-е место в мире с долей 0,83%²⁰⁴, по данным ВР - 2800 млрд куб. м, или 1,4% от мировых запасов²⁰⁵.

Экономика Армении и Грузии развивается малодинамично. В Армении – диверсифицированная с преимущественным развитием сектора услуг и сервисных отраслей, с ограничениями экспорта из-за отсутствия транспортных коммуникаций (после Второй карабахской войны Армения стремится к открытию транспортных коммуникаций). В Грузии экономика основывается на сервисных отраслях, туризме, транзитном потенциале энергоресурсов и на экономической поддержке западных партнеров.

С дезинтеграцией СССР новые геополитические реалии создали благоприятные условия региональным и внерегиональным государствам для осуществления своих политических целей на Южном Кавказе²⁰⁶. В постсоветский период характерным для региона стала активная вовлеченность России, Ирана, Турции, «западных акторов» – США и ЕС в региональные процессы. Наблюдается активизация взаимодействий между южнокавказскими государствами – Арменией, Грузией, Азербайджаном. Геостратегическое расположение, важные транспортно-коммуникационные узлы Восток-Запад и Север-Юг, торгово-экономическое значение, большие углеводородные ресурсы Каспийского бассейна и транзитный потенциал становятся основными причинами присутствия традиционных и новых акторов на Южном Кавказе.

Но, несмотря на взаимодействие, из-за противоположных внешнеполитических ориентиров стран Южного Кавказа, регион становится разобщенным. Грузия строго придерживается проевропейского вектора развития, Армения, несмотря на попытки многовекторной внешней политики,

²⁰⁴ ОПЕК, Annual Statistical Bulletin, 2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm(дата обращения: 05.02.2022).

²⁰⁵ Statistical Review of World Energy 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statisticalreview/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (дата обращения: 05.02.2022).

²⁰⁶ Гаспарян Д. Южный Кавказ как перекресток международных интересов. История, социология, политология. 2017. С. 62.

больше основывается на факторе безопасности и продолжает ориентироваться на Россию, а Азербайджан, выбирая турецкую модель развития, достаточно успешно придерживается многогранной внешней политики.

Одной из характерных черт региона являются межэтнические конфликты, которые, не получив окончательного решения, продолжают оставаться главными угрозами мирного развития. Конфликты в Нагорном Карабахе (1991-1994 гг., апрель 2016 г., сентябрь-ноябрь 2020 г.), Абхазии (1992-1993 гг., 1998 г.) и Южной Осетии (1991-1992 гг., август 2008 г.) не только повлияли на взаимоотношения между сторонами, но и во многом ослабили экономический и интеграционный потенциал региона в целом. После обретения независимости и национального суверенитета причины этих конфликтов полностью обнаружили себя.

Замороженные этнические конфликты, которые были купированы советским руководством, вспыхнули с новой силой и сильно повлияли на геополитическую ситуацию в регионе²⁰⁷. С дестабилизацией активизировалась и деятельность региональных и международных акторов, которые часто выступали в роли посредников и миротворцев. В этом контексте в современном научном сообществе идет активная дискуссия по вопросу «кто же является главной международной силой, воздействующей на безопасность и развитие Южного Кавказа».

Рассмотрим региональные и нерегиональные субъекты, которые являются лидерами по влиянию на Южном Кавказе, и отметим их значимость во внешней политике стран региона. Одной из главных международных сил, воздействующих на безопасность Южного Кавказа, является *Турция*. Ее политика на Южном Кавказе имеет давнюю историю, и выделяется взлетами и падениями, связанными с уровнем заинтересованности кавказского направления у турецкой элиты. Турция всегда рассматривала Южный Кавказ

²⁰⁷ Семедов С.А. Современная геополитическая ситуация на Кавказе. М., 2008. С. 98.

как зону жизненно важных интересов, имеющую стратегическое значение для ее национальной безопасности.

Начиная с XVI в. Османская империя, выйдя на противостояние с Персией²⁰⁸, стремилась стать гегемоном на северо-восточных границах своей империи, а с XVIII в. такая борьба велась и с Российской Империей²⁰⁹. Именно вокруг Кавказа на протяжении веков шла борьба между региональными державами - Россией, Турцией и Ираном. Борьба продолжается и сегодня. На политической карте Южного Кавказа эти процессы, особенно после появления сельджуков в начале XI в., оставили свой отпечаток: они часто наносили большой ущерб региону, в том числе в составе населения происходили этнорелигиозные изменения. Как отмечает исследователь Д. Еремеев «В процессе ассимиляции тюрками местных жителей побеждал турецкий язык. Духовная и особенно материальная культура заимствовалась, наоборот, местная. Однако новообразовывавшийся этнос считал себя тюркским, так как говорил на турецком языке»²¹⁰. Именно заимствование культур в будущем создаст для Турции благоприятный ареал культурной взаимозависимости и сотрудничества, который станет основой успешной политики «мягкой силы» в регионе.

На сегодняшний день Турцию и большинство стран Южного Кавказа объединяет взаимодействие и сотрудничество в различных сферах экономики, политики, культуры, а также стратегическое партнерство в военной сфере и в области безопасности. Однако, существует множество противоречий по различным направлениям, особенно с Арменией. Но активность Турции в регионе при этом не понижается, а наоборот, становится более многообразной и гибкой.

²⁰⁸ Бадак А.Н., Войнич И.Е., Волчек Н. Начало второй войны Сефевидского Государства с Турцией (1578–1590 гг.). // М., 1999. Т. 11. С. 386–393.

²⁰⁹ Бахревский Е.В. Историческая память и образы русско-турецкой войны // Культурное наследие России. 2017. №. 3. С. 42–51.

²¹⁰ Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1971. С. 274.

Двусторонние отношения Анкары с Баку, Ереваном и Тбилиси имели взлеты и падения, которые в основном были связаны с уровнем заинтересованности кавказского направления у турецкой элиты, а также готовностью самих южнокавказских государств инициировать и развивать эти отношения.

Как отмечалось ранее, в 2002 г. пришедшая к власти Партия справедливости и развития объявила о начале новой политики Турции, в которой региональная активность и лидерство были заявлены как приоритеты внешней политики²¹¹. В 2009 г. Ахмет Давутоглу, став министром иностранных дел Турции, объявил, а затем концептуально оформил новый вектор развития политики: «ноль проблем с соседями», в основу которого легла цель нормализации взаимоотношений со всеми соседями, включая страны Южного Кавказа.

После попытки госпереворота 2016 г. Турция не ослабила свою вовлеченность в процессы Южного Кавказа. По итогам Второй карабахской войны в новой региональной реальности Анкара выразила готовность нормализовать свои отношения с Ереваном, тем самым намереваясь ликвидировать последний (источник) плацдарм антитурецких настроений.

Другим важным региональным лидером на Южном Кавказе является **Россия**. С середины XVIII в. Российская Империя стала активным участником процессов на Южном Кавказе, а после побед в персидско-российских (1813 г. и 1828 г.) и русско-турецких войнах (1812 г. и 1829 г.) она обеспечила свой контроль над всем регионом. В мае 1918 г., после распада Российской Империи, южнокавказские государства объявили о своей независимости. Однако, они не смогли сохранить независимость и скоро вошли в состав СССР.

В целях обеспечения лидерства Россия инициировала и продвигала интеграционные организации Евразии, такие как Содружество Независимых

²¹¹ *Aras B. Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy // SETA Policy Brief No:32, May 2009. P.8.*

Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Для России южнокавказский регион был и остается жизненно важным²¹², а ее политика направлена на утверждение регионального лидерства. Соответственно, любые действия других акторов на Южном Кавказе рассматриваются в качестве вызова доминирующей роли России²¹³. Согласно Концепции внешней политики РФ, приоритетными направлениями являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием²¹⁴. В Военной доктрине РФ также указано, что ведущим направлением является взаимодействие с государствами-членами ОДКБ для обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны, а также государствами-участниками СНГ для поддержания региональной и международной безопасности²¹⁵. В Национальной стратегии безопасности особое внимание также уделяется национальной безопасности в интеграционных процессах на пространстве СНГ²¹⁶. Благодаря этим документам Россия демонстрирует свою заинтересованность в СНГ, охарактеризовав ее как зону исключительных интересов.

²¹² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL pravo.gov.ru (дата обращения 17.12.2021).

²¹³ *Markedonov S.* Russia's Evolving South Caucasus Policy: Security Concerns amid Ethno-political Conflicts // DGA Panalyse. January 2017. № 1. P. 5.

²¹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/2> (дата обращения 17.12.2021).

²¹⁵ Военная доктрина Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).

²¹⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 11.12.2021).

Во внешнеполитических представлениях России страны Южного Кавказа по приоритетности и значимости имеют различную характеристику. В силу геополитических конфигураций сегодня в регионе стратегическим союзником для России является не только Армения, но и Азербайджан²¹⁷.

После провозглашения независимости Армения традиционно придерживается сотрудничества и союзничества с Россией. Между странами развито военно-политическое, военно-техническое и экономическое сотрудничество. Также немаловажную роль играет с 1995 г. расположенная в Армении 102-я российская военная база. Совместные силы двух стран охраняют армяно-турецкую границу и воздушное пространство Армении²¹⁸.

Важной внешнеполитической целью России является укрепление союзнического взаимодействия с Арменией и обеспечение ее дальнейшего членства в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, тем самым не допуская глубокого и интеграционного сближения Армении с Западом. Армения также воспринимается как важнейшая региональная опора для России, которая остается единственной страной, предотвращающей распространение влияния Турции в тюркоязычном мире постсоветского пространства²¹⁹.

В сферах торговли и экономики также достигнуты впечатляющие результаты. Российская Федерация – ведущий внешнеэкономический партнер Республики Армения (табл. 4).

²¹⁷ 22 февраля 2022 г. стороны подписали декларацию о союзническом взаимодействии, выводящую отношения между Россией и Азербайджаном на новый уровень. Декларация достаточно обширная, в ней более 40 пунктов, она охватывает важнейшие сферы взаимодействия между Россией и Азербайджаном. Стороны также связывают отношения «стратегического характера» (2008 г.), которые выявляют себя во всех сферах сотрудничества, в том числе и военно-техническом направлении.

²¹⁸ *Алексян Л.М.* Интересы Российской Федерации и Турецкой Республики на Южном Кавказе: вопрос безопасности. Россия и Турция в системе глобальной и региональной безопасности. М., 2017. С. 46.

²¹⁹ *Дугин А.Г.* Основы Геополитики. М., 1997. С. 243.

Товарооборот России с Арменией (тыс. долларов США)²²⁰

Год	Внешнеторговый оборот	Экспорт России в Армению	Импорт России из Армении
2020	2 304 480 213	1 657 715 255	646 764 958
2019	2 509 925 431	1 680 019 973	829 905 458
2018	1 968 427 246	1 341 382 093	627 045 153
2017	1 746 617 878	1 231 907 752	514 710 126
2016	1 335 540 701	957 253 242	378 287 459

Армения пыталась не придерживаться принципа «либо-либо» и старалась выстраивать приоритетное сотрудничество не только с Россией, но и с другими акторами. Со своей стороны, Армения при выборе главных союзников приоритетным считает вопрос безопасности. В построении внешней политики Так, в ноябре 2017 г. Армения подписала соглашение с ЕС о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, ратифицированный 11 апреля 2018 г.²²¹ По оценке министра иностранных дел России С.В. Лаврова, по вопросу взаимоотношений ЕС – Россия Армения своим примером показала, что на практике отнюдь не бессмысленно развивать отношения по всем направлениям, и это является выигрышной и выгодной политикой для нее.

После смены власти в Армении в 2018 г. одним из главных внешнеполитических вопросов стало будущее армяно-российских отношений. Если рассматривать практическую политику новых властей Армении по отношению к России в течение 2018 – 2021 гг., то можно выделить четыре этапа: «переходный» (2018 – 2019 гг.), «развитие» (2019 – 2020 гг.),

²²⁰ Внешняя торговля России с Арменией на основе данных Федеральной таможенной службы России. [Электронный ресурс] // «Внешняя Торговля России». URL: russian-trade.com. (дата обращения: 12.02.2022)

²²¹ Двусторонние отношения: ЕС [Электронный ресурс] // МИД Республики Армения. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/eu> (дата обращения: 22.08.2022)

«пандемический» (2020 – 2021 гг.) и «Россия – во-первых» (с 2021 г.)²²². В переходном периоде Армения выбрала неизменность и преемственность внешнеполитического пути, а политическое руководство во главе с премьер-министром Николом Пашиняном объявило, что новые власти «не намерены вести Армению по различным авантюрным путям»²²³ и «никто никогда не ставил и не будет ставить под сомнение стратегическую важность армяно-российских отношений»²²⁴. В течение 2019 – 2020 гг. новоизбранные армянские власти часто заверяли в своей преданности стратегическому характеру армяно-российских отношений и готовности их развивать, одновременно пытаясь нейтрализовать недоверие Москвы по отношению к новой правящей элите страны, периодически подчеркивая «историческое» и «особое» значение России для Армении²²⁵. В этот период армянская сторона выделяла важность развития отношений на принципах невмешательства во внутренние дела и уважения суверенитета.

Последующие этапы: пандемия, и, особенно, в 44-дневная война, стали настоящим испытанием для армяно-российских отношений. Правящая элита Армении продолжала отмечать особую роль России по сохранению региональной стабильности и безопасности, однако чувствовалось недовольство на предмет «неоднозначной» поддержки Россией Армении в сравнении с поддержкой Турцией Азербайджану²²⁶. Однако, армянские власти, понимая новые геополитические реалии в регионе, констатировали,

²²² Маркаров А.А. «Бархатная» политика Армении в отношении России, США и Китая 2018-2020 гг. // Постсоветский материк. 3 (31), 2021. С. 14–32.

²²³ Никол Пашинян пообещал после прихода к власти сделать отношения Армении с внешним миром «безупречными» [Электронный ресурс] // 27.04.2018. URL: http://arminfo.info/full_news.php?id=31071&lang=2 (дата обращения: 20.01.2022).

²²⁴ Армения намерена придать новый импульс отношениям с Россией – премьер [Электронный ресурс] // 14.05.2018. URL: http://arka.am/ru/news/politics/armeniya_namerena_pridat_novuuy_impuls_otnosheniyam_s_rossiey_premier/ (дата обращения: 20.01.2022).

²²⁵ Маркаров А.А. «Бархатная» политика Армении в отношении России, США и Китая 2018-2020 гг. // Постсоветский материк. 3 (31), 2021. С. 14–32.

²²⁶ В ожидании союзника. Почему Россия не спешит помогать Армении в Карабахе. [Электронный ресурс] 08.10.2020 Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/82921> (Дата обращения 12.02.2022)

что Москва, действуя в рамках МГ ОБСЕ, сыграла ключевую роль для восстановления стабильности и мира в Нагорном Карабахе²²⁷. Более того, власти заявили, что «Россия выполнила все свои договорные обязательства перед Арменией. Имеющийся механизм безопасности распространялся на Армению, на ее границы. Россия не враг Азербайджана, и Азербайджан не является врагом РФ»²²⁸.

Анализируя развитие российско-азербайджанских отношений, становится очевидным, что главенствующим и здесь является развитие внешнеполитических отношений между двумя странами. Государства поддерживают не только стратегические, но и союзнические взаимоотношения с февраля 2022 г. В Азербайджане за последние два десятилетия ясно осознали необходимость вовлечения России в процесс урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, и, понимая это, Баку никогда открыто не шел на конфронтацию с Россией, осознавая высокий уровень влияния России на Армению. Здесь обе стороны карабахского конфликта после 44-дневной войны открыто заявили, что именно Москва сыграла решающую роль в том, чтобы остановить военные действия в Нагорном Карабахе и заключить трехстороннее соглашение на уровне президентов Азербайджана, РФ и премьер-министра Армении, в соответствии с которым в данном регионе был развернут российский миротворческий контингент. Однако, именно по вопросу российского миротворчества в регионе были зафиксированы недовольства со стороны Азербайджана, где президент Илхам Алиев выражал претензии российской стороне по поводу «незаконных визитов» на территории, находящиеся в зоне ответственности

²²⁷ Pashinyan asked Putin to start consultations on assistance to Armenia [Электронный ресурс] // 31.10.2020. URL: https://ru.armeniasputnik.am/karabah/20201031/25_986/Pashinyan-obratilsya-k-Putinu-s-prosboy-nachat-konsultatsii-posodeystviyu-Armenii.html (accessed: 18.07.2021).

²²⁸ Pashinyan: An attack on Armenia means an attack on Russia [Электронный ресурс] // 14.04.2021. URL: <https://armeniatoday.news/%d0%bf%d0%be%d0%bb%d0%b8%d1%82%d0%b8%d0%ba%d0%b0/274751/> (дата обращения 12.02.2022).

миротворческого контингента²²⁹. Но, такого рода претензии быстро утихали и не влияли на взаимоотношения в целом.

Азербайджан, обладающий богатыми нефтяными ресурсами и промышленностью, продолжает находиться в сфере геополитических интересов РФ в Закавказье. Между странами стремительно развиваются торгово-экономические связи. По итогам 2019 г. товарооборот между Азербайджаном и Россией составил свыше трех млрд долларов и достиг исторического пика (см. табл. 5).

Таблица 5

Товарооборот России с Азербайджаном (тыс. долларов США)²³⁰

Год	Внешнеторговый оборот	Экспорт России в Азербайджан	Импорт России из Азербайджана
2019	3 169 705 993	2 312 763 432	856 942 561
2018	2 486 745 136	1 713 469 737	773 275 399
2017	2 627 206 779	1 935 121 981	692 084 798
2016	1 954 327 218	1 508 064 723	446 262 495

Особые отношения Азербайджана с Турцией – другим активным игроком в регионе – дают возможность проводить успешную сбалансированную и многовекторную внешнюю политику, включающую также стабильные отношения с Российской Федерацией, рассматривающей

²²⁹ Президент Азербайджана высказал претензии к российским миротворцам в Карабахе [Электронный ресурс] // INTERFAX.RU 12 января 2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/815082> (дата обращения: 12.02.2022)

²³⁰ Внешняя торговля России с Азербайджаном на основе данных Федеральной таможенной службы России. «Внешняя Торговля России» [Электронный ресурс] URL: russian-trade.com. (Дата обращения 12.02.2022).

Азербайджан как потенциального члена Евразийского экономического союза, влияние которого особенно активизировалось в конце 2021 г.²³¹

По сравнению с Арменией и Азербайджаном, взаимоотношения между Грузией и Россией достаточно сложные. Политика России в отношении Грузии базируется на внешнеполитических интересах РФ в регионе, где последняя является активным участником процессов урегулирования замороженных и активных конфликтов в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе.

В последствии вооруженного конфликта в августе 2008 г. между Грузией с одной стороны и Россией, Южной Осетией и Республикой Абхазия – с другой, в регионе имели место значительные геополитические и экономические сдвиги. Так, 26 августа 2008 г. РФ официально признала Южную Осетию и Абхазию независимыми государствами, в результате чего в сентябре Грузия разорвала дипломатические отношения с РФ²³².

Правительство альянса «Грузинская мечта», сформированное по итогам парламентских выборов в 2012 г., во главе с премьер-министром Б.Г. Иванишвили, заявило о своем настрое на дозированную нормализацию двусторонних отношений²³³. С декабря 2012 г. был задействован диалоговый канал между Грузией и Россией в формате неофициальных встреч заместителя министра иностранных дел РФ и спецпредставителя премьер-министра Грузии. Представители обеих стран многократно отмечали, что «контакты в данном формате принесли определенные положительные результаты»²³⁴.

²³¹ Назарбаев предлагает пригласить Азербайджан в ЕАЭС в качестве страны-наблюдателя. [Электронный ресурс] 10.12.2021 URL: <http://interfax.az/view/852618>. (Дата обращения 12.02.2022).

²³² Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). С. 72–84. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037.

²³³ Там же. С. 80.

²³⁴ Карасин и Абашидзе обсудят в Праге шаги по развитию российско-грузинских отношений. [Электронный ресурс]. ТАСС. 01.10.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5621070> (дата обращения: 23.11.2021).

Тем не менее, в последние годы российско-грузинские отношения переживают времена регулярных обострений, вызванных антироссийскими настроениями в Тбилиси, с сохранением конфликтного потенциала вокруг Абхазии и Южной Осетии, ситуацией напряженности между Россией и западными державами.

Связывающим звеном между Грузией и Россией является общая граница и транзитное значение для Армении и России, с помощью которого через территорию Грузии товары из Армении (члена ЕАЭС) поступают на российскую территорию и наоборот.

Несмотря на негативный политический контекст, экономические отношения двух стран в последние годы продолжают развиваться (см. табл. 6). Экспорт из Грузии в Россию вырос с 206 млн долл. в 2016 г. до 396 млн долл. в 2017 г. и 436 млн долл. в 2018 г. Показатели импорта из России также увеличились: в 2016 г. они исчислялись 675 млн долл., в 2017 г. – 786 млн долл., в 2018 г. – 934 млн долл.

Таблица 6

Экспорт и реэкспорт Грузии в 2018–2019 гг. - структура, тенденции и «тень»(объем экспорта приведен в миллионах долларов, доля в экспорте – в процентах)²³⁵

Страны	Экспорт – весь		Местный экспорт		Реэкспорт	
	Объем экспорта	Доля в экспорте	Объем экспорта	Доля в экспорте	Объем экспорта	Доля в экспорте
Страны СНГ	2003.1	53.1	855.2	36.4	1147.9	80.9
Страны Евросоюза	825.7	21.9	736.6	31.3	89.1	6.3
Турция и Китай	430.0	11.4	395.1	16.8	34.9	2.5
Все остальные страны	512.7	13.6	365.4	15.5	147.3	10.4
Всего	3771.5	100.0	2352.3	100.0	1419.2	100.0

²³⁵ Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). С. 72–84. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037.

В 2019 г. наступил очередной кризис между Россией и Грузией, который получил условное название «Гавриловская ночь»²³⁶. Причиной стал депутат-коммунист С. Гаврилов, который во время визита в Грузию сел в кресло главы парламента и разговаривал на русском языке. В ночь на 21 июня акции против визита депутата переросли в столкновения с полицией и стали причиной последующей отмены прямого авиасообщения между странами. Несмотря на существенные противоречия во взаимоотношениях, нельзя не упомянуть решения властей Грузии не поддерживать экономические и финансовые санкции Запада, которые вводятся в отношении России на фоне ситуации на Украине. Грузинский премьер-министр подчеркнул, что Грузия с учетом национальных интересов не собирается участвовать в финансовых и экономических санкциях. Данный шаг привлек внимание Российского Парламента, где было отмечено, что за короткий срок произошли ряд событий, которые могут повлиять на потепление отношений России и Грузии.

Распад СССР создал уникальные возможности для *США и ЕС* для внедрения и активизации своей политики на Южном Кавказе. Здесь необходимо выделить правопреемственность западных держав в региональной политике. Еще в 1997 г. конгресс США провозгласил Кавказско-Каспийский регион зоной жизненно важных интересов страны²³⁷. США, несомненно, проявляет интерес к региону из-за его геостратегической и энергетической значимости, одновременно Вашингтон пытается противодействовать России и Ирану, пытаясь ослабить их влияние в регионе. Для реализации своих проектов США используют и опираются на своего союзника по НАТО – Турцию. Как утверждал американский геополитик и бывший советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский, «Турция стабилизирует Черноморский регион, балансирует

²³⁶ «Гавриловская ночь» в Тбилиси: в Грузии появились свои «узники Болотной»? [Электронный ресурс] // Русская служба Би-би-си. 08.08.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49269775>. (дата обращения: 12.01.2022).

²³⁷ A National Security Strategy for a New Century. May 1997 [Электронный ресурс]. URL: <https://clintonwhitehouse3.archives.gov/WH/EOP/NSC/Strategy/> (дата обращения: 14.14.2022).

Россию на Кавказе, предлагает противоядие от мусульманского фундаментализма и выступает в качестве южного якоря для НАТО»²³⁸. В другом своем труде З. Бжезинский делает заключение, что стратегия Вашингтона и Запада на Южном Кавказе несет долгосрочный характер, который стремится при помощи распространения демократии и рыночной экономики связать страны региона с западом. Другой американский геополитик С. Коэн, говоря о Южном Кавказе как о Евразийской периферии «Хартленда» – России, делает заключение, что в XXI в. регион приобрел новый геополитический статус, благодаря чему превратился в территорию, которая сможет служить инструментом для блокировки российского влияния²³⁹. В военно-политическом аспекте Запад опирается на потенциал НАТО, который заявляет о готовности принять в свой состав Грузию²⁴⁰.

Со своей стороны ЕС распространяет влияние в регионе через такие программы, как «Восточное партнерство» и «Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС». Европейский союз создал условия для политической и экономической интеграции с Арменией, Грузией, Азербайджаном, а после успешного проведения интеграционной политики планировал заключение двустороннего соглашения об ассоциации, способствующее интеграции стран в европейское пространство²⁴¹. Цель «Восточного партнерства» заключается в «создании необходимых условий для ускорения политической ассоциации и дальнейшей экономической

²³⁸ *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Washington DC, 1997. P. 25

²³⁹ *Cohen S.* Geopolitics and the world system. New York, 2003. P. 211.

²⁴⁰ Столтенберг: НАТО приняло решение о членстве Украины и Грузии в альянсе [Электронный ресурс] // REGNUM. 14.01.2022. <https://regnum.ru/news/3476517.html> (дата обращения: 07.01.2022).

²⁴¹ *Узнародов И.М.* Политика Европейского Союза на Южном Кавказе в контексте отношений с Россией [Электронный ресурс] // Электронный журнал Кавказология. 2018. №1. С.208–222. URL: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-131-156> (дата обращения: 09.01.2022).

интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнерами»²⁴².

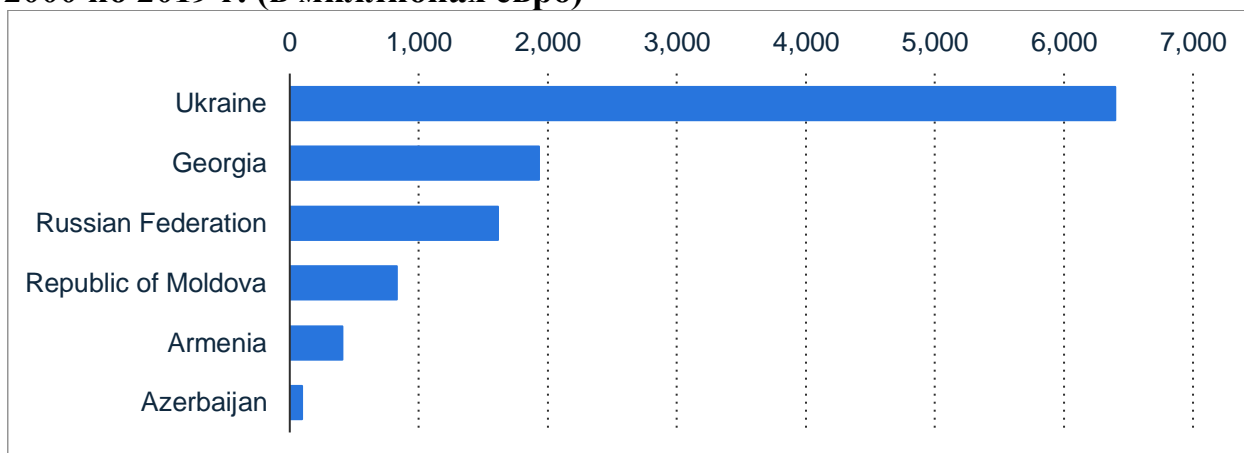
Наиболее готовой к ассоциации с Европейским Союзом оказалась Грузия. В целом, говоря о Грузии, ее поворот в сторону Запада в различных сферах, включая экономическую, произошел задолго до «революции роз». К концу 1999 г. Грузия стала участником в важных соглашениях между Азербайджаном и Турцией о транспортировке нефти через территории Азербайджана, Грузии и Турции по трубопроводу «Баку – Тбилиси – Джейхан» и этим обеспечила свое присутствие в западных проектах, а также добилась энергетической независимости от России. После развития экономических связей в 2014 г. страна подписала Соглашение об ассоциации с ЕС, вступившее в силу в 2016 г.²⁴³, в котором закреплён приоритет внутренних демократических реформ, мирного решения конфликтов, развития диалога в сфере безопасности, регионального сотрудничества²⁴⁴. После этого, получая также политическую поддержку, Грузия с уверенностью отказалась от участия в проекте евразийской интеграции и подтвердила приверженность стать частью ЕС. Этому процессу содействовала активная европейская политика содействия, которая с помощью крупных инвестиционных вливаний укрепляла свои позиции не только в Грузии, но и в других странах постсоветского пространства (См. рис. 8).

²⁴² Восточное партнерство // Официальный сайт Европейской службы внешних связей. [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/topics/eastern-partnership_ru (дата обращения: 12.02.2022)

²⁴³ Association agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part. [Электронный ресурс]. URL: [https://eurlex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)](https://eurlex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02)) (дата обращения 12.02.2022)

²⁴⁴ Айвазян А. С. Грузия: внешняя политика малого государства // Современная Европа. 2020. №. 1. С. 80–90.

Общее финансирование проектов Европейским инвестиционным банком в Восточной Европе, на Южном Кавказе и в России в период с 2000 по 2019 г. (в миллионах евро)²⁴⁵

В грузино-американских отношениях главным документом сотрудничества является Хартия о стратегическом партнерстве, подписанная 2009 г. В ней сформулированы принципы партнерства США и Грузии в сфере обороны, торговли, энергетической безопасности, укрепления институтов демократии и культурных обменов²⁴⁶. На территории Грузии часто проводятся крупные военные учения НАТО и его партнеров. В 2019 г. были организованы учения «Проворный дух 2019» (Agile Spirit 2019) с участием более трех тысяч военнослужащих из 14 стран-членов НАТО и партнеров Североатлантического альянса²⁴⁷.

Основываясь на дальнейшем сотрудничестве, генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг в 2021 г. заявил: «Грузия хочет стать членом НАТО, и Россия не сможет этому помешать. Станет ли Грузия членом НАТО – решать

²⁴⁵ Total value of projects financed in Eastern Europe, Southern Caucasus and Russia by European Investment Bank between 2000 and 2019. [Электронный ресурс] Statista. Retrieved March 13, 2022, URL: <https://www.statista.com/statistics/534311/loans-from-the-european-investment-bank-by-eastern-europe-southern-caucasus-and-russia/> (дата обращения: 12.02.2022)

²⁴⁶ Панков Д.О. Грузия в геополитическом раскладе на Южном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 2. С. 28–35.

²⁴⁷ Военные учения Agile Spirit 2019 начнутся в Грузии [Электронный ресурс] // Интерфакс, 27.07.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/670638> (дата обращения: 17.12.2021).

Грузии и Североатлантическому альянсу, и только им, потому что все остальное будет нарушением суверенных прав суверенного государства. Не России решать, как будет вести себя Грузия. Это связь между Грузией и НАТО»²⁴⁸.

Более сложное состояние взаимодействия у ЕС было с Арменией, которая экономически и военно-политически зависима от России. Однако, в стране традиционно сильно также и западное влияние. Из-за ограниченности ресурсов, наличия транспортной, энергетической блокады и Нагорно-Карабахского конфликта, Армения, при выборе своей внешнеполитической ориентации, исходила из фактора безопасности. В итоге, в 2013 г. она отказалась подписывать Соглашения об ассоциации с ЕС и выбрала членство Таможенного Союза.

В 2018 г. с приходом к власти в Армении новой правящей элиты, армяно-американские отношения активизировались. Однако, эта активность имела «поверхностный» характер. Стороны обменялись положительными посланиями, но фактически взаимоотношения этим и ограничились. Армянские власти в своих речах высоко ценили взаимоотношения с Вашингтоном и благодарили США за содействие путем реформ в направлении укрепления демократических институтов, а США продолжали поддерживать демократию и суверенитет Армении²⁴⁹.

В энергетическом аспекте ЕС и США обуславливают свою политику энергоносителями, углеводородными ресурсами Кавказско-Каспийского региона и транзитным потенциалом из Центральной Азии в Европу. ЕС рассматривает регион как альтернативный источник энергоносителей, а США

²⁴⁸ Столтенберг: Россия не сможет помешать Грузии стать членом НАТО [Электронный ресурс] // Eadaily, 19.01.2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/19/stoltenberg-rossiya-ne-smozhet-pomeshat-gruzii-stat-chlenom-nato> (дата обращения: 27.01.2022)

²⁴⁹ Демократические реформы, возврат пленных из Азербайджана и карабахский конфликт: Блинкен и Пашинян обсудили повестку сотрудничества [Электронный ресурс] // 14.06.2021. URL: <https://newsarmenia.am/news/armenia/demokraticheskie-reformy-vozvrat-plennykh-iz-azerbaydzhana-ikarabakhskiy-konflikt-blinken-i-pashinya/> (дата обращения 12.02.2022)

поддерживает и развивает западные проекты для минимизации зависимости ЕС от российской энергетики²⁵⁰.

США проявили большой интерес в реализации проектов по новым газовым и нефтяным «артериям» Европы²⁵¹ - Трансанатолийский газопровод, Трансадриатический газопровод, которые идут в обход России. Они должны были ослабить российскую монополию поставок энергоресурсов, а также создать новые пути транспортировки, тем самым отобрав у РФ рычаги влияния на Европу²⁵².

В итоге, в декабре 2020 г. Азербайджан начал коммерческие поставки газа в Европу по Трансадриатическому трубопроводу – составной части Южного газового коридора. Рассчитывалось экспортировать за 25 лет 10 млрд м³ азербайджанского газа в Европу, из которых 8 млрд м³ получит Италия, 2 млрд м³ - Греция и Болгария, остальные объемы - прилегающие рынки²⁵³. Однако, с экономической точки зрения, Каспийские энергоресурсы с трудом могут обеспечить независимость ЕС от российского газа и изменить энергетический баланс в ЕС из-за небольших объемов поставок.

Стоит отметить, что на геополитическую ситуацию на Южном Кавказе влияют также амбиции другого регионального актора – *Ирана*, для которого Южный Кавказ является жизненно важным мостом на Север и связующим звеном с Россией. По словам американского исследователя Р. Каплана, Иран,

²⁵⁰ Маркедонов С.М. Кавказские геополитические веса России [Электронный ресурс] // Мемориал. 06.09.2010. URL: <https://politcom.ru/10675.html> (дата обращения: 11.12.2022)

²⁵¹ Протяженность Южного газового коридора составляет 3,5 тыс. км. Он пролегает от Баку до юга Италии через территорию Грузии, Турции, Греции, Албании и представляет собой общее пространство, включающую Южно-Кавказский, Трансанатолийский и Трансадриатический трубопроводы. Основным источником газа для него стало газовое месторождение «Шах-Дениз» на Каспии.

²⁵² Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Washington DC. 1997. P. 66.

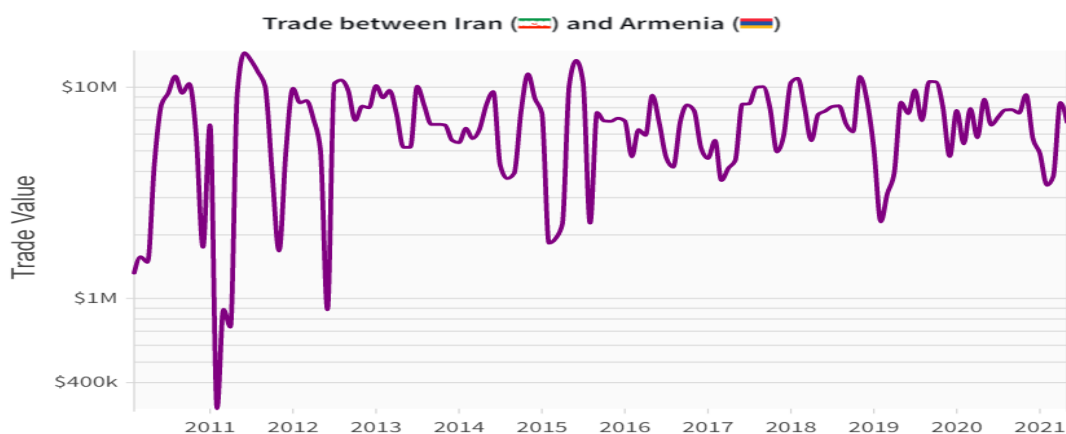
²⁵³ Азербайджан намерен расширять географию поставок своего газа в Европу [Электронный ресурс] // ТАСС. 06.10.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12591885> (дата обращения: 05.02.2022).

в свою очередь, является «ближневосточным местом глобального соединения» и играет важную роль на региональном и мировом уровне²⁵⁴.

Отношения между Азербайджаном и Ираном выделяются своей неоднозначностью. На эти уязвимые взаимоотношения сильно влияли не только исторические, этнокультурные и религиозные различия и разногласия, но и двусторонние отношения с другими соседними странами, а также проводимая внутренняя политика двух стран²⁵⁵. Несмотря на существующие расхождения, азербайджанско-иранские отношения развивались, что также влияло на развитие торгово-экономических взаимоотношений (см рис. 9).

Рисунок 9

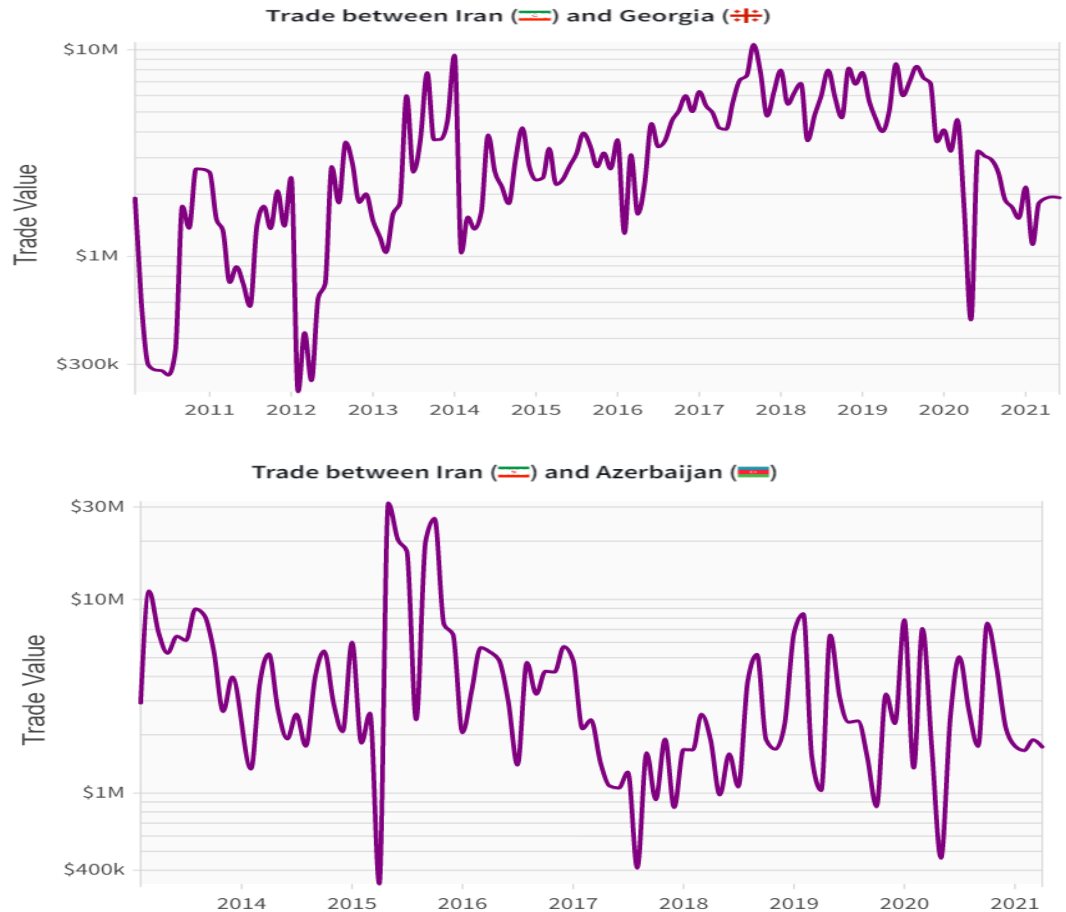
Торговля между Ираном и странами Южного Кавказа²⁵⁶

²⁵⁴ Каплан Р.С. Месть географии. Что могут сказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М., 2015. С. 188–189.

²⁵⁵ Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991—2019 гг. (историографический обзор) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 819. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-803-821

²⁵⁶ Trade. The Islamic Republic of Iran and the South Caucasus Republics [Электронный ресурс] // Оес.world. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/irn/partner/geo> (дата обращения: 05.02.2022).

Взаимоотношения между Ираном и Арменией носят, напротив, позитивный характер, в котором важными объединяющими факторами являются исторические связи и присутствие на протяжении веков армянских общин в Тегеране, Исфагане, Тебризе. После Первой карабахской войны и блокады Армении со стороны Турции и Азербайджана, Иран стал основным выходом Армении во внешний мир. В результате, две страны, несмотря на идеологические и религиозные разногласия, стали друг для друга важными торговыми и региональными партнерами.

Испытанием для двусторонних отношений явились заявления Ирана о Нагорно-Карабахском конфликте и поздравления Азербайджана с победой во Второй карабахской войне. Несмотря на такого рода заявления, Армения, понимая исключительное значение южного соседа, развивала тесные торгово-энергетические связи.

По сравнению с Арменией и Азербайджаном, в ирано-грузинских отношениях важным фактором стала прозападная внешняя политика Грузии, играющая детерминирующую роль тесного сотрудничества. Тем не менее, Грузия продолжает развивать экономические связи с Ираном и претендует стать энергомоном не только по линии Восток-Запад, но и Север-Юг.

Кроме того, Иран не заинтересован в активизации внешних игроков в регионе, особенно Турции. Однако, понимая геополитические реалии, он стремится к диалогу с важными акторами для обеспечения своего присутствия в новых процессах. Так, в 2021 г. иранская сторона высказала позитивное отношение к идее создания платформы 3+3 с Азербайджаном, Арменией, Грузией, Турцией и Россией по вопросу разблокировки экономических и транспортных связей в регионе.

Таким образом, геополитическая привлекательность региона обусловлена его географическим, политическим и экономическим положениями. Регион является местом пересечения интересов региональных и мировых акторов, соперничество которых очень часто отрицательно сказывается на безопасности и реализации интеграционных процессов на Южном Кавказе.

Вывод по главе

Начиная с 90-х годов XX в. и продолжая в XXI в., особую актуальность и важность приобретает политика «мягкой силы», которая продвигает свою повестку внешнеполитической активности с помощью идеологии и положительного имиджа, культурных связей, образовательных обменов и акцентирует на важности повышения привлекательности, не «заставляя», а «привлекая» государства на свою сторону.

Концепция «мягкой силы», введенная в научный оборот Дж. Наем, за короткий период времени притянула к себе внимание научного сообщества и политиков. Несмотря на критику, она смогла занять свое место в науке о международных отношениях и, кроме того, была признана важным, и даже

необходимым, инструментом внешнеполитической деятельности ряда крупных государств, в том числе и Турции.

По своей форме турецкая «мягкая сила», которая активно проявляется от Балкан, Ближнего Востока и Кавказа до Европы, Северной Африки, Южной, Средней и Восточной Азии, в отличие от западных подходов акцентирования на демократические ценности, основывалась на культурно-языковых, этнических и исторических факторах. Этим Турция амбициозно стремилась к созданию собственной оригинальной модели «мягкой силы», с акцентом на историческое наследие и культурную общность.

После распада СССР и приобретения независимости, страны Южного Кавказа стали субъектами международных отношений и стремились выстраивать собственную внешнюю политику на региональном и глобальном уровнях. Однако, приобретая субъектность, последние сталкивались с проблематикой современных международных отношений и, из-за своей уязвимости, часто оставались объектами воздействия мировых и региональных держав.

Регион из-за своего стратегического значения стал пространством конкурентной борьбы основных игроков международной политики. Главные международные и региональные силы в лице Турции, России, США, ЕС, Ирана, демонстрируют высокую заинтересованность в странах Южного Кавказа и, продвигая свои экономические, военно-политические, культурно-гуманитарные интересы, еще больше углубляют проблему отсутствия единого внешнеполитического курса южнокавказских государств по развитию региона. Итогом стало то, что последние имеют совершенно разные внешнеполитические ориентиры и являются членами различных политических, экономических и военных организаций.

Из-за противоположных внешнеполитических ориентиров стран Южного Кавказа, регион становится еще более разобщенным. Грузия строго придерживается проевропейского вектора развития. Армения, несмотря на попытки многовекторной внешней политики, больше основывается на

факторе безопасности и продолжает ориентироваться на Россию. Азербайджан, выбирая турецкую модель развития, достаточно успешно придерживается многогранной внешней политики.

Для обеспечения регионального присутствия и лидерства в соседних регионах, и особенно на Южном Кавказе, Турция использовала весь потенциал внешнеполитической активности, включая «жесткую» и «мягкую силу». Однако, в регионе Турция сталкивается с конкурентной борьбой других акторов, которые, отмечая геополитическую значимость региона с его географическим, политическим и экономическим положениями, ведут активную региональную политику. Очень часто данное соперничество отрицательно сказывается на безопасности и реализации интеграционных процессов на Южном Кавказе, также углубляет «обрыв» по внешнеполитическим приоритетам самих стран региона.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Из трех южнокавказских государств Азербайджан воспринимает Турцию как несомненного и безоговорочного союзника. Турция рассматривается как страна, у которой идентичный язык, религия, похожие традиции, культура, обычаи, также присутствует имидж объединителя всего тюркского мира. Азербайджанская политическая элита выделяет значимость Турции как главного союзника и выражает готовность взаимодействовать с Турцией под общим лозунгом «одна нация – два государства».

2.1. Интересы Турции в Азербайджане

С начала 90-х гг. XX в. Азербайджан активно внедрял в свою политическую систему «турецкую модель» развития, которая основывалась на демократических принципах Запада и действовала с позиций светского государства²⁵⁷. Страны, подписав важные межгосударственные соглашения – «Соглашение о развитии экономического и технического сотрудничества» 1992 года, «Договор о дружбе и партнерстве» 1995 года, «Декларация о стратегическом сотрудничестве» 1997 года, Соглашение о поощрение и взаимной защите инвестиций 2011 г.²⁵⁸, начали активно развивать сотрудничество. В изучаемый период договорная база двусторонних торгово-экономических отношений насчитывала более 40 документов²⁵⁹, нацеленных на расширение экономического сотрудничества государств.

²⁵⁷ *Astahova M.A.* "Turkish model of development" and the reasons for its failure for the post-Soviet countries of the Caspian region (1992–1993) // *News of Saratov University*. 2011. №. 11 (1). P. 87.

²⁵⁸ *Gasanov A.K.* Modern international relations and foreign policy of Azerbaijan. Baku. Sherg-GERB. 2007. P. 1008.

²⁵⁹ *Парубочая Е.Ф.* Экономические и энергетические аспекты сотрудничества Турецкой Республики и Азербайджана в XXI в / Е. Ф. Парубочая // *Актуальные направления научных исследований: от теории к практике*. 2016. № 4-1(10). С. 40–43. – EDN XQTKJH.

Разносторонние экономические возможности Азербайджана весьма интересовали Турцию, а после распада СССР создали благоприятные условия для внедрения и продвижения своих интересов в этом направлении. Турция особо выделяла следующие направления сотрудничества в экономической сфере с Азербайджаном: *логистика, энергоресурсы, крупный внутренний рынок, торговля, инвестиционный потенциал*. Со своей стороны Азербайджан отвечал взаимной заинтересованностью и многое связывал с Турцией²⁶⁰.

Рисунок 10

Интересы Турции в Азербайджане²⁶¹

²⁶⁰ Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). С. 72–84. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037.

²⁶¹ Рисунок составлен автором

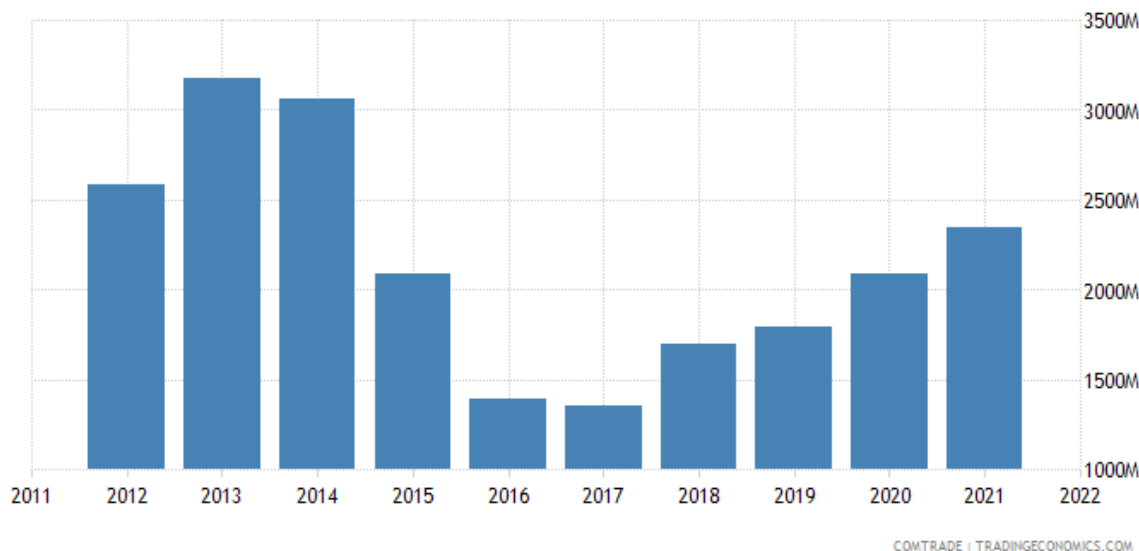
Сотрудничество стран в *торгово-экономической сфере* – это лишь одно из важных направлений экономического взаимодействия. За период 2009 – 2014 гг. экспорт Турции в Азербайджан вырос примерно на 70%, импорт – в 5 раз. Согласно данным Министерства иностранных дел Турции, товарооборот двух стран, начиная с 2011 г. активно увеличивался. Если в 2011 г. речь шла о 3453 млн долларов, в 2012 г. – 4222 млн долларов, в 2013 г. – 4686 млн долларов, в 2014 г. – 5105 млн долл., то в 2015 г. он значительно сократился практически до показателей 2011 г. и составил 3526 млн долларов²⁶². Снижение товарооборота стороны связывали с мировым кризисом, и отмечали, что интерес двух стран по углублению двусторонней торговли не снижается, а только поднимается с целью достижения двустороннего товарооборота до 15 млрд долларов²⁶³. В этом контексте за последующие годы наблюдается высокий рост турецкого импорта в Азербайджан, где, по данным Статкомитета СНГ, за 2014 г. в азербайджанском экспорте Турция занимала 14 место, в импорте – второе, следуя сразу за РФ. Турецкая доля в импорте Азербайджана практически сравнялась с российской: в 2013 г. она составила 13,7%, доля России – 14%, в 2014 г. – 14 и 14,3%²⁶⁴. Актуальные данные предоставляет база COMTRADE Организации Объединенных Наций по международной торговле. По ней видно, что экспорт Турции в Азербайджан растет, и в 2021 г. составил 2,34 млрд долларов США (см рис. 11).

²⁶² Economic relations between Turkey and Azerbaijan // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/economic-relations-between-turkey-and-azerbaijan.en.mfa> (дата обращения: 04.06.2021).

²⁶³ Азербайджан и Турция имеют потенциал для доведения бизнеса до 15 млрд \$ [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.trend.az/business/economy/2526322.html> (дата обращения: 14.11.2021).

²⁶⁴ Çelikpala M. Veliyev C. Azerbaijan-Georgia-Turkey: an example of a successful regional cooperation. Policy Brief. Central for international and European studies [Электронный ресурс]. // URL: https://www.academia.edu/20160093/Azerbaijan_Georgia_Turkey_An_Example_of_a_Successful_Regional_Cooperation (дата обращения: 04.06.2022).

Экспорт Турции в Азербайджан в 2012-2021 гг. (в долларах США)²⁶⁵

Одним из значимых направлений турецко-азербайджанского сотрудничества стала сфера *энергетики*, в которой Турция, проявляя высокий интерес, обеспечила свое присутствие участием в таком крупном проекте, как «Контракт века» (20 сентября 1994 г.), где турецкая нефтяная компания «Türkiye Petrolleri», наряду с другими 13 международными компаниями, сделала крупные инвестиционные вложения в добычу нефти и других энергоносителей Азербайджана²⁶⁶. Турция, в результате активной региональной политики, обеспечила свое присутствие в таких внушительных проектах азербайджанского нефтегазового сектора, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан – 6,53 %; в проекте «Азери – Чыраг – Гюнешли» – 6,75%; в проекте «Шах-Дениз» (добыча газа) – 19%; в проектах по добыче нефти «Кюрдашы» и «Араз – Алов – Шерг» – 5% и 10% соответственно²⁶⁷. Большим успехом в торгово-экономическом сотрудничестве стало открытие

²⁶⁵ Экспорт Турции в Азербайджан в 2012-2021 гг. [Электронный ресурс] // COMTRADE URL: <https://shop.un.org/ru/node/48745> (дата обращения 25.02.2022)

²⁶⁶ Əsrin Müqaviləsi. Azərbaycan Respublikasının Energetika Nazirliyi. [Электронный ресурс] // URL: <https://minenergy.gov.az/az/neft/esrin-muqavilesi> (дата обращения 25.02.2022)

²⁶⁷ Gadzhiev Sh.T. Azerbaijan on the way to the world community: strategy of foreign economic development. Kiev. 2000. P. 317.

газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум в 2009 г. Турция, зафиксировав успех этих проектов, вскоре заявила о новых газовых и нефтяных «артериях» в Европу (Трансадриатический газопровод, Трансанатолийский газопровод), которые должны были пройти через нее. Данные проекты являются альтернативами российским проектам поставок газа в Европу.

Еще одним крупным направлением турецких интересов в Азербайджане стала *инвестиционная деятельность*. По официальным данным число турецких компаний в Азербайджане превышает 13 000, а сумма вложений в экономику составляет 10 млрд долларов²⁶⁸. Динамично развивается инвестиционное сотрудничество в области строительства. Согласно данным Министерства иностранных дел Турции, строительные компании по данным на 2016 г. успешно завершили строительство 347 проектов в Азербайджане общей стоимостью более 11 млрд долларов США²⁶⁹. В свою очередь Азербайджан и Государственная нефтяная компания Азербайджана (SOCAR) стали одним из крупных инвесторов в Турции.

По исследованиям агентства «Анадолу» Азербайджан входит в первую десятку стран по объему прямых инвестиций в экономику Турции в период 2002 – 2020 гг. с общей суммой инвестиций 165 млрд долларов²⁷⁰.

Сопровождаясь взаимным интересом развития межгосударственной и межрегиональной *логистики*, Турция и Азербайджан совместно создавали транспортно-железнодорожные коридоры, из которых очередным крупным проектом стало строительство железнодорожной магистрали Баку – Тбилиси – Карс, официально открытой 30 октября 2017 г.²⁷¹ Тесным сотрудничеством

²⁶⁸ Azərbaycan Respublikasının Türkiyə Cümhuriyyətindəki səfirliyi. Azərbaycan-Türkiyə iqtisadi əlaqələri. [Электронный ресурс] // URL: <http://ankara.mfa.gov.az/content/106>. (дата обращения: 10.02.2022).

²⁶⁹ Economic relations between Turkey and Azerbaijan [Электронный ресурс]. // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: <https://www.mfa.gov.tr/economic-relations-between-turkey-and-azerbaijan.en.mfa> (дата обращения: 12.02.2022)

²⁷⁰ Азербайджан замыкает десятку стран-инвесторов в экономику Турции [Электронный ресурс] // Sputnik. 03.02.2021 <https://az.sputniknews.ru/20210203/azerbaijan-turkey-investicii-426121808.html> (дата обращения: 12.02.2022)

²⁷¹ İlham Əliyev Bakı-Tbilisi-Qars dəmir yolunun açılış mərasimində iştirak edib. [Электронный ресурс] // Prezident.az. URL: <https://presi-dent.az/articles/25639> (дата обращения: 12.02.2022)

с Азербайджаном Турция укрепила свою значимость в регионе и, в обход Армении, создала новый транспортный коридор регионального и международного значения.

Турция особую важность придает не только двустороннему, но и *трехстороннему сотрудничеству в формате Турция-Азербайджан-Грузия*. Анкара и Баку придерживаются единой повестки сотрудничества в регионе и активно вовлекают в нее Тбилиси. Военно-политическое и экономическое трехстороннее сотрудничество между Турцией, Грузией и Азербайджаном началось в середине 1990-х гг. и усилилось в 2000-х гг. Эти отношения официально были узаконены Трабзонской декларацией от 8 июня 2012 г.²⁷², в которой наметилось активное развитие между тремя странами в политической, экономической, культурной и гуманитарной областях. Трабзонская декларация сблизила позиции этих государств по региональным и международным вопросам, зафиксировала готовность взаимной поддержки в рамках ООН, ОБСЕ, ОЧЭС, НАТО, ЕС и т.д. Важным пунктом декларации стал вопрос разрешения региональных конфликтов «на основе уважения суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности международно-признанных границ Азербайджана и Грузии»²⁷³. Страны выразили свою готовность поддерживать друг друга в региональной политике и стали неким противовесом российско-армянскому стратегическому сотрудничеству.

Американский исследователь Черноморского региона М. Сесайр в этой связи отметил, что: «Несмотря на то, что три государства постарались не охарактеризовать свою группировку как антироссийский блок, однако практические последствия делают такую характеристику неизбежной. Формат

²⁷² Çelikpala M., Veliyev C. Azerbaijan-Georgia-Turkey: An Example of a Successful Regional Cooperation. CIES. Policy Brief. November 2015. P. 2.

²⁷³ Trabzon Declaration Of The Ministers Of Foreign Affairs Of The Republic of Azerbaijan, Georgia And The Republic of Turkey, 08 June 2012. Trabzon [Электронный ресурс] // Republic Of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/trabzon--declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and-the-republic-of-turkey_-08-june-2012_-trabzon.en.mfa (Дата обращения: 18.18.2022)

не только явно обходит армянскую сторону, но и изолирует ее через трубопроводы и железную дорогу Баку-Тбилиси-Карс. Кроме того, расширение турецкого влияния идет за счет России»²⁷⁴. Турция не ослабила свою заинтересованность в расширении трехсторонних механизмов сотрудничества и, используя все рычаги влияния на Грузию и Азербайджан, усиливала свои позиции в регионе. Также нужно подчеркнуть, что Анкара и Баку добились исключения Армении из основных энергетических и транспортных проектов, а прекращение изоляции связывали с Карабахским конфликтом.

Трехсторонний формат продолжал развиваться и в августе 2014 г. была организована первая встреча министров обороны Турции, Азербайджана и Грузии в Нахиджеване, где стороны договорились углублять военно-политические связи²⁷⁵. Чтобы не вызвать возмущение третьих сторон, особенно Армении, министр обороны Грузии И. Аласания заявил, что их военное сотрудничество не направлено против какой-либо страны, а имеет целью обеспечение мира в регионе²⁷⁶.

После шестой встречи глав МИД трех стран в сентябре 2017 г. стороны разработали координирующий план экономического, политического и военного сотрудничества на 2017-2019 гг. Основные усилия были направлены на минимизацию политических разногласий и координирование международной поддержки друг-другу²⁷⁷. Кроме энергетического аспекта –

²⁷⁴ *Cecire M.* Turkey-Georgia-Azerbaijan: Trilateralism and the Future of Black Sea Regional Geopolitics [Электронный ресурс] // *The Central Asia-Caucasus Analyst*. 2013. October 16. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12837-turkey-georgia-azerbaijan-trilateralism-and-the-future-of-black-sea-regional-geopolitics.html> (дата обращения: 14.12.2022).

²⁷⁵ *Давтян Э.* Трехстороннее военное сотрудничество Турции, Грузии и Азербайджана (ноябрь 2012 г. – май 2016 г.). ЕГУ. Ер., 2017 г. С. 39.

²⁷⁶ Defence Ministers of Azerbaijan, Turkey and Georgia meet in Nakhichevan [Электронный ресурс] // *Civilnet*. 2014. August 22. URL: <https://www.civilnet.am/en/news/386051/defence-ministers-of-azerbaijan-turkey-and-georgia-meet-in-nakhichevan/> (дата обращения: 14.15.2022).

²⁷⁷ *Shiriyev Z.* Institutionalizing a Trilateral Strategic Partnership: Azerbaijan, Georgia, Turkey / *Z. Shiriyev, E. Theshelashvili, M. Çelikpala.* Konrad Adenauer Stiftung, 2016. P. 7–9.

трубопроводы БТД и БТЭ, проект ТАНАП (Трансанатолиский газопровод) и полномасштабная эксплуатация железной дороги БТК, для Грузии и Азербайджана ключевым оставался вопрос «территориальной целостности», который был поддержан в трехстороннем формате.

Очередным важным документом трех стран стала Стамбульская декларация, подписанная в октябре 2018 г. В ней стороны очередной раз выразили готовность поддержать энерго-транспортные проекты и выработали единый подход разрешения региональных конфликтов²⁷⁸. Говоря о трехстороннем сотрудничестве, можем сделать вывод, что турецкая инициатива треугольника взаимодействий Турция-Азербайджан-Грузия удалась и приобрела характер «стратегического партнерства».

Несмотря на активные экономические и политические связи, между Азербайджаном и Турцией существовали противоречия по некоторым внешнеполитическим вопросам. Настоящим испытанием для прочности азербайджано-турецкого партнерства стала попытка Турции нормализовать отношения с Арменией. Азербайджан крайне ревностно отреагировал на подписанные между Турцией и Арменией Цюрихские протоколы 10 октября 2009 г., и даже пригрозил пересмотреть стратегическое партнерство с Турцией²⁷⁹. Сразу был поднят вопрос по поставкам энергоносителей. Оппозиционные партии заявили о предательстве, а перед дипломатическим представительством Турции в Баку были спущены турецкие флаги²⁸⁰. Принципиально жесткая позиция Азербайджана и использование всех возможных рычагов давления на Турцию стала одним из ключевых факторов, из-за чего турецко-армянские протоколы не были ратифицированы в

²⁷⁸ Главы МИД Турции, Грузии и Азербайджана подписали Стамбульскую Декларацию [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 30.10.2018. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2509936.html> (дата обращения: 12.15.2022).

²⁷⁹ *Musabekov R.* Azerbaijan between Turkey and Russia [Электронный ресурс] // 2011. №. 3. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/na-styke-polej-prityazheniya>. (дата обращения: 10.02.2022).

²⁸⁰ Азербайджан получил ноту Турции из-за спуска турецкого флага. [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 21.10.2009. URL: <https://lenta.ru/news/2009/10/21/flag> (дата обращения: 10.02.2022).

парламенте Турции. Провал цюрихских протоколов привел к переосмыслению взаимоотношений между Турцией и Азербайджаном, после чего стороны решили вывести их на более высокий уровень.

Стратегические отношения получили официальный статус в августе 2010 г., когда между президентами Азербайджана и Турции Ильхамом Алиевым и Абдулой Гюлем был подписан «Договор о стратегическом сотрудничестве и взаимной помощи». Договор состоял из 23 статей и пяти разделов: 1. Военно-политические вопросы и вопросы безопасности, 2. Вопросы военного и военно-технического сотрудничества, 3. Вопросы экономического сотрудничества, 4. Гуманитарные вопросы, 5. Общие и итоговые положения²⁸¹.

После договора о стратегическом сотрудничестве, несмотря на первоначальные планы о восстановлении отношений с Арменией (протоколы предусматривали поэтапную нормализацию отношений без предусловий), Анкара выдвинула новые условия Еревану. В итоге турецкая сторона заявила, что, без решения Нагорно-Карабахского конфликта и передачи захваченных земель Азербайджану, турецко-армянские отношения не могут быть восстановлены. Анкаре, заморозившей нормализацию отношений с Ереваном, удалось оставить в своей орбите Азербайджан и добиться того, чтобы последний не присоединялся ни к каким евроатлантическим или евразийским интеграционным объединениям. Азербайджан в свою очередь продемонстрировал, что в его внешнеполитических приоритетах главным является турецкая направленность и в повестке нет места ни европейским, ни евразийским интеграционным процессам или организациям²⁸².

²⁸¹ Обнародован текст военного соглашения между Азербайджаном и Турцией. 21.12. 2010 [Электронный ресурс] //ИА REGNUM URL: <https://regnum.ru/news/1359151.html> (дата обращения 12.02.2022)

²⁸² Геворгян А.Г., Еномян А.В., Мелкоян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). С. 72–84. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037.

Между сторонами также был создан Совет стратегического сотрудничества, первое заседание которой состоялось 25 октября 2011 г. в турецком городе Измир. В ходе заседания было подписано порядка 15 документов, среди которых для сторон особо важными были документы экономического характера²⁸³.

Серьезной площадкой для демонстрации двустороннего союза Азербайджан-Турция стал конфликт в *Нагорном Карабахе*. Широкая военная и политическая поддержка Турции во Второй Карабахской войне сыграла немаловажную роль для возвращения Азербайджаном семи районов и завоевания почти половины территорий бывшей Нагорно-Карабахской автономной области. Азербайджано-турецкие взаимоотношения в итоговом формате были обозначены в Шушинской декларации «О союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой» от 15 июня 2021 г., которая гласит, что в случае наличия угрозы или агрессии со стороны третьего государства или государств в отношении независимости, суверенитета, территориальной целостности и безопасности границ одной из стран, «стороны окажут друг другу необходимую помощь в соответствии с Уставом ООН»²⁸⁴.

Таким образом, за последние десять лет Турция предприняла масштабные шаги для укрепления отношений со своим политическим и стратегическим союзником в регионе и продемонстрировала поддержку Азербайджану во Второй Карабахской войне. Она стала основным каналом для экспорта азербайджанской нефти и газа. Также увеличилось число азербайджанских офицеров в турецких военных училищах, заметно выросло количество совместных военных учений, а Азербайджан со своей стороны

²⁸³ Акташ Э., Ерхов Г.П. Турецко-армянские отношения и Азербайджан // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк, 2019. С. 130.

²⁸⁴ Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой. [Электронный ресурс] // Агентство «Тренд». 16.05.2021. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3440708.html> (дата обращения 12.01.2022)

явился крупным инвестором в Турции и выделял значительные средства на закупку современного турецкого военного оборудования и беспилотников.

С успешным углублением турецко-азербайджанских экономических и военно-политических отношений лозунг «Одна нация – два государства» стал характеризующим двусторонних взаимоотношений между этими странами.

2.2 Модель «Одна нация – два государства» и ее влияние на восприятие имиджа Турции

Несмотря на небольшую границу Турции с Азербайджаном, около 11 км, эти государства не только активно взаимодействуют как соседи, но и позиционируют себя как верных союзников. Распад СССР и обретение независимости побудили азербайджанскую политическую элиту обращаться в прошлое со стремлением конструирования собственной идентичности. Национальные элиты, во главе с одним из наиболее ярких носителей идей новой азербайджанской государственности и идентичности, лидером «Народного фронта Азербайджана» (НФА) и второго президента Республики Абульфазом Эльчибейом (1992-1993 гг.), заявили о турецкой идентичности азербайджанского народа. «Народный фронт» объявил азербайджанцев тюрками, азербайджанский язык – диалектом анатолийского турецкого, а за изменение названия языка они винили советское руководство²⁸⁵. За свой кратковременный период правления НФА провозгласил Турцию главным союзником, а Турция, первой признав независимость Азербайджана²⁸⁶, активно освоила место «старшего брата». Однако, из-за импульсивных и недальновидных политических шагов Эльчибей очень быстро потерял поддержку народных масс и политической элиты, что привело к потере власти.

²⁸⁵ Агаев Р., Али-заде З. Азербайджан. Конец Второй республики. (1988–1993). М.: Граница, 2006. С. 591.

²⁸⁶ Турция признала независимость Азербайджана 9 декабря 1991 г., на следующий день после подписания Беловежских соглашений.

Выдвижение модели взаимоотношений по принципу «Одна нация – два государства» приписывается следующему президенту Азербайджана Гейдару Алиеву, который не столь открыто, но очень умело продолжил протурецкий вектор развития страны. Так, Баку активно укреплял торгово-экономические, военные-политические и другие связи с суннитской Турцией, отвергая влияние шиитского Ирана, где проживали от 10 до 30 млн этнических азербайджанцев. Языковая и культурная близость с Турцией оказалось более весомым фактором, чем религиозное сходство с Ираном для внешнеполитической ориентации. Главный вопрос в этом контексте состоит в том, какие именно факторы повлияли на выбор Азербайджана протурецкого пути развития с лозунгом «Одна нация – два государства», а не проиранского, где в отличии от Турции (700 000 – 800 000 азербайджанцев)²⁸⁷, проживает, по разным подсчетом, от 5 до 26 млн азербайджанцев²⁸⁸. Баку часто заявляет о притеснениях иранских азербайджанцев и поднимает вопрос о защите их интересов²⁸⁹. В Иране же до сих пор вспоминают о 17 населенных пунктах Кавказа, которые были отторгнуты в XIX в. Россией, среди которых есть города и нынешней Азербайджанской Республики. Территориальные претензии стали основным столпом противоречий двух государств и оставались важным отталкивающим фактором для Азербайджана от проиранской политики. Если фактор этнической принадлежности в случае Ирана играет детерминирующую роль, то Турции берет роль объединяющую. Исследователи выделяют и другие факторы непривлекательности иранского пути развития для Азербайджана, в их числе иранская модель

²⁸⁷ Мамедли А., Соловьева Л.Т. Азербайджанцы. М.: Наука, 2017. С. 33.

²⁸⁸ Иранский этнограф профессор Секандар Аманолахи называет цифру в 9 млн чел., включая в них все тюркское население за исключением туркменов. Профессор Гарник Асатрян оценивает численность «иранских азербайджанцев» в 5,5–6 млн чел. В самой Азербайджанской Республике утверждается наличие 25 млн азербайджанцев в ИРИ.

²⁸⁹ Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991-2019 гг. (историографический обзор) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т.21. № 4. С. 803–821. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-803-821

государственности, основанная на религиозных догматах, а также дружественных отношениях Тегерана с Ереваном²⁹⁰.

Между Азербайджаном и Турцией нет таких глубоких территориальных и этнических разногласий, как у Ирана с Азербайджаном. Последний Турцией определялся как основной партнер и стратегический союзник на Южном Кавказе и, основываясь на этно-культурных и языковых связях, Турция защищала интересы Азербайджана в регионе. Идеологические концепты еще усиливаются договором о стратегическом партнерстве и взаимопомощи, предусматривающим политическую, военно-техническую, гуманитарную и экономическую поддержку²⁹¹, а также декларацией о создании Совета стратегического сотрудничества высокого уровня 2010 г.²⁹²

В последующие годы в своих речах руководители двух стран особо выделяли значимость концепта «одна нация – два государства» и традиционно отмечали значительные успехи, достигнутые двумя странами в военной, политической, экономической, культурной и других сферах. На военном параде 15 сентября 2018 г. в Баку лидер Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган в своей вступительной речи отметил: «Азербайджан и Турция – две братские страны, у которых одна история, одна культура, один язык и одна религия... То, что радость для Азербайджана, – это и наша радость; гордость [для Азербайджана] – это и наша гордость; горе, волнение, проблема [для Азербайджана] – это и наша проблема». Президент Азербайджана Ильхам

²⁹⁰ *Raoul Motika*. Islam in Post-Soviet Azerbaijan. Archives de sciences sociales des religions. Islam et politique dans le monde (ex-)communiste. Juillet-septembre, 2001. P. 113.

²⁹¹ Türkiye Cumhuriyeti ile Azerbaycan Cumhuriyeti arasında stratejik ortaklık ve karşılıklı yardım anlaşması. [Электронный ресурс]. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc095/kanuntbmmc095/kanuntbmmc09506204.pdf (дата обращения: 11.14.2022).

²⁹² Подписана декларация о создании Совета стратегического сотрудничества между Азербайджаном и Турцией [Электронный ресурс]. // President.az. 15.09.2010. URL: <https://president.az/ru/articles/view/721> (дата обращения: 11.15.2022).

Алиев со своей стороны объявил нерушимость братских уз между двумя народами²⁹³.

Глубокие этнические, культурные, исторические и языковые связи между Турцией и Азербайджаном и проводимая успешная политика «мягкой силы» привели к тому, что Анкара добилась восприятия Баку как главного союзника с положительным имиджем среди большинства азербайджанцев. Данная тенденция отображается в опросах 2021 г. и сохраняется с обеих сторон. На вопрос, какая страна является другом Турции, Азербайджан традиционно возглавляет список в опросах общественного мнения²⁹⁴. Подобная картина прослеживается и в Азербайджане, где подавляющее большинство опрошенных (76%) считают Турцию главным другом Азербайджана. (см. рис. 12). Турки и азербайджанцы поддерживают друг друга на международных конкурсах и на футбольных матчах, студенческие обмены очень интенсивны, а среди азербайджанских туристов турецкие курорты одни из самых популярных. Эти факторы также имеют свое отражение в политических отношениях между двумя странами.

²⁹³ Bakü'nün Kurtuluşunun 100. Yıl Dönümü Töreninde Yaptıkları Konuşma. [Электронный ресурс] // 15.09.2018 URL: <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/98629/baku-nun-kurtulusunun-100-yil-donumu-torende-yaptiklari-konusma> (дата обращения 12.02.2022)

²⁹⁴ Опрос: Сегодня турки считают США гораздо меньшей угрозой, чем в предыдущие годы [Электронный ресурс] // Mk-Turkey.ru. 16.06.2021. URL: [<https://mk-turkey.ru/life/2021/06/16/opros-turki.html>] (дата обращения: 12.02.2022)

Результаты опроса «Какие страны являются дружественными для Азербайджана». 2017 г, Баку²⁹⁵

Очень важной составляющей имиджа Турции в Азербайджане является ее позиция по Нагорно-Карабахскому конфликту. Турция последние 30 лет поддерживала позицию Баку по Карабахскому конфликту, а во время Второй карабахской войны оказала политическую, военную и дипломатическую поддержку Азербайджану. В 2021 г. отношения между Турцией и Азербайджаном получили дальнейшее развитие и были выведены на новый уровень. В июне Реджеп Эрдоган посетил Нагорный Карабах и Шушу, которая перешла под контроль Азербайджана после Второй Карабахской войны. С азербайджанским коллегой Ильхамом Алиевым была подписана «Шушинская декларацию», благодаря которой отношения двух стран, в соответствии с моделью «Одна нация – два государства», официально вышли на уровень союзничества.

Турецкие государственные и негосударственные организации, и особенно СМИ, считаются теми акторами, которые продвигают образ Турции как исключительного игрока в разрешения региональных конфликтов. Особо интересным является наблюдение за реакцией на итоги Второй карабахской войны в турецких СМИ и научных кругах, которые кроме поздравлений Азербайджану также выделяли важную роль Турции в победе. В средствах

²⁹⁵ Azərbaycanın dostları kimlərdir? SORĞU. [Электронный ресурс] // Milli.az. 16.06.2017. URL: <https://news.milli.az/society/555053.html> (дата обращения: 12.02.2022)

массовой информации и научных кругах Турции победа Азербайджана во второй Карабахской войне была встречена с ликованием. Это можно наблюдать в публикациях сотрудников Анкарского университета (Ankara Hacı Bayram Veli Üniversitesi) Омера Ф. Зарарсыза и Ахмеда С. Сейхана²⁹⁶ в популярных газетах «Cumhuriyet», «Türkgün» и «Sabah». Эти источники представляли Армению как «оккупанта», что также отражалось в официальных заявлениях Анкары²⁹⁷. В таком же контексте, с большим количеством аналитических и экспертных материалов, передавались и новостные сводки «Cumhuriyet», а газеты «Türkgün» и «Sabah» публиковали эмоциональные и исключительно проазербайджанские статьи, в которых выделяли культурно-религиозное, этническое и лингвистическое родство турок и азербайджанцев как представителей одного народа. Газета «Türkgün», являющаяся основным СМИ Партии Националистического Действия (Milliyetçi Hareket Partisi), не сдерживала себя, допуская оскорбительные выражения в адрес Армении, и говорила о важности серьезной поддержки Турции Азербайджану²⁹⁸. Естественно, такие эмоциональные статьи находили свои отклики в азербайджанской общественности и СМИ, которые не могли не повлиять на усиление имиджа Турции как «большого брата» Азербайджана.

К продвижению положительного образа подключились и ученые. После Второй Карабахской войны в Азербайджане и Турции начали выходить научные публикации, в которых выделялась исключительная роль Турции для Азербайджана в регионе. Наиболее интересными являются исследования Муртезы Хасаноглу (Азербайджанская государственная академия управления), Асима Меммедова и Бахтияра Махаррамова (Гянджийский государственный университет), которые, говоря о взаимоотношениях

²⁹⁶ *Zararsiz Ö.F., Seyhan A.S. Azerbaycan-Ermenistan Çatışması Haber Metinlerinin Eleştirel Söylem Çözümlemesi. Selçuk İletişim dergisi. Ankara: Ankara Hacı Bayram Üniversitesi, 2020. P. 269–305.*

²⁹⁷ Там же P. 284.

²⁹⁸ *Zararsiz Ö.F., Seyhan A.S. Azerbaycan-Ermenistan Çatışması Haber Metinlerinin Eleştirel Söylem Çözümlemesi. Selçuk İletişim dergisi. Ankara: Ankara Hacı Bayram Üniversitesi, 2020. P. 295.*

Азербайджана и Турции, делают вывод, что именно с помощью Турции Азербайджан географически и экономически перестал зависеть от России, получил доступ к Черному морю и Европе – через Грузию в Турцию²⁹⁹. Азербайджанские исследователи с уверенностью отмечали поддержку Азербайджану Турцией на самом высоком уровне всеми доступными политическими, дипломатическими и военными возможностями³⁰⁰. Не затмевались также экономическое партнерство и рост инвестиционной деятельности Анкары в западной части Азербайджана.

Таким образом, принцип Турции и Азербайджана «Одна нация – два государства» имеет глубокие исторические корни, основанные на общей истории, культуре и языке. Этот принцип получила форму и импульс во время президенства Гейдара Алиева, а наибольшую популярность приобрел после победы Азербайджана во Второй карабахской войне. Взаимодействия по принципу «Одна нация – два государства» для обеих сторон являются весьма интересным и перспективным. Характерной чертой этой модели стало то, что она не применяет какого-либо давления и навязывания своих ценностей и идеологии, а напротив, при помощи культурно-языковых и этнических факторов привлекает к себе каждую из сторон. В рамках этой модели Турция, используя государственные и негосударственные организации, очень успешно продвигала свой положительный имидж в Азербайджане и добилась статуса «большого брата» и главного союзника.

²⁹⁹ Там же. Р. 224.

³⁰⁰ Там же Р. 226

2.3. Методы и инструменты политики «мягкой силы» Турции в Азербайджане

Турецкое общественное и политическое внимание по отношению к мусульманам Южного Кавказа существовало всегда. За 30 лет независимости культурно-языковой и этнический фактор, а также мусульманская идентичность, не перестали играть определяющую роль в социальных и политических связях между Турцией и Азербайджаном. В этом контексте Турция вполне успешно освоила инструменты «мягкой силы» и активно использует их в своей внешней политике в Азербайджане³⁰¹.

Турецкая политика «мягкой силы» в Азербайджане начала осуществляться несколькими институтами, которые взаимодополняют друг друга. Из этих институтов необходимо выделить следующие:

- Организации тюркских народов «ТЮРКСОЙ»; Совет по сотрудничеству тюркоязычных стран (ССТС), после 2021 г. Организацию тюркских государств;

- религиозные организации (Движение Гюлена, Управление по делам религии «Diyaset», Организация Сулеймани-ямеа, «Жизнь Азиза Махмуда Худай / Фонд Худай», Сообщество Мустафа Сунгур);

- турецкое агентство по координации и сотрудничеству (ТІКА);
- образовательная политика.

Для распространения своего влияния с помощью «мягкой силы» Анкара руководствуется в первую очередь стратегической значимостью двусторонних отношений. Главными инструментами «мягкой силы» Турции являются государственные и негосударственные институты, которые активно внедряются во все сферы и ведут свою деятельность в культурных, религиозных, научных, экономических направлениях.

³⁰¹ Erşen E. Turkey and Russia: an emerging “strategic axis” in Eurasia? // EurOrient. 2011. № 35–36. С. 265

Одним из важных инструментов Турецкой «мягкой силы» являются *религиозные организации*, которые активно развиваются и успешно продвигают положительный образ Турции (см. табл. 7). После распада СССР, стремясь ограничить иранское религиозное влияние, азербайджанская элита начала более активно укреплять турецкое религиозное влияние в Азербайджане, которое, однако, не обошлось без противоречий. Например, события в Нардаране, где живут в основном шииты. В 2015 г. власти страны заявили, что «Мусульманское единство» в Нардаране готовило теракты в стране, а также государственный переворот, в результате которого Азербайджан должен был превратиться из светского в шариатское государство³⁰². В правительстве Азербайджана также допустили, что в Нардаранские события были вовлечены агенты из Ирана³⁰³.

По разным данным, от 65% до 85% азербайджанцев являются мусульманами-шиитами, остальные - сунниты, и около 6% – не мусульмане³⁰⁴. Последние годы два официальных учреждения – Государственный комитет по работе с религиозными организациями (ГКРРО) и Управление мусульман Кавказа (УМК) отвечают за управление делами религиозных общин.

Таблица 7

Турецкие религиозные организации и движения в Азербайджане³⁰⁵

Актер	Способность продвигать свой привлекательный образ среди целевой аудитории	Способность адаптироваться к местным условиям
-------	---	---

³⁰² В Баку 18 религиозных активистов признаны виновными в терроризме. [Электронный ресурс] // Русская служба BBC News. 25.01.2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38750237>. (дата обращения: 25.02.2022)

³⁰³ Почему власти Азербайджана борются с религиозной деревней. [Электронный ресурс] // Русская служба BBC News. 27.11.2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/11/151127_azerbaijan_nardaran_religion_protest (дата обращения: 25.02.2022)

³⁰⁴ Goksel N. Religiously-Inspired Bonding: Changing Soft Power Elements in Turkey's Relations with Azerbaijan. *Religion and Conflict*. 2011. P. 320.

³⁰⁵ Таблица составлена автором

<p>Движение Гюлена</p>	<p>Учитывая секуляризованный характер Азербайджана и настороженное отношение к иностранным религиозным организациям, гуманитарная и образовательная деятельность движения Гюлена до 2016 года с азербайджанской стороны оценивалась как нечто полезное для населения и правительства. Религиозный прагматизм и деловая деятельность на всех уровнях помогли позиционировать организацию Гюлена как друга не только нации, но и правящей элиты.</p>	<p>Организация движения Гюлена интегрировалась в местные условия, избегая любых связей с религиозным экстремизмом, и действовала не только как образовательная, гуманитарная и деловая сеть, а также продвигала своих представителей в разные государственные структуры. Она всегда следовала установленным правилам и никогда не критиковала правительство.</p>
<p>Управление по делам религии «Diyanet»</p>	<p>Diyanet является официальным турецким государственным учреждением и имеет соглашение с азербайджанскими властями, чтобы действовать в качестве религиозной организации. Его целевая аудитория ограничивается практикующими мусульманами-суннитами.</p>	<p>Diyanet интегрировался в существующие религиозные структуры, сотрудничая с Бакинским государственным университетом и официальным исламским представительством региона - Управлением мусульман Кавказа.</p>
<p>Организация Сулеймани-ямия</p>	<p>Сулеймани-ямия проводит ограниченную религиозно-просветительскую деятельность, которая в основном ориентирована на мусульман-суннитов, особенно в северных районах Азербайджана.</p>	<p>Сулеймани-ямия смогла основаться в определенных регионах страны и с помощью своих негосударственных учреждений продвигать суннизм среди общественных масс.</p>
<p>«Жизнь Азиза Махмуда Худай / Фонд Худай»</p>	<p>Фонд имеет меньше возможностей для распространения влияния и ограничивается сетью медресе и гуманитарной деятельностью, направленной на молодежь и на суннитскую аудиторию.</p>	<p>Фонд смог адаптироваться к местным условиям, сотрудничая с официальными государственными учреждениями в рамках существующей структуры.</p>

Сообществ о Мустафа Сунгур	Сообщество Мустафы Сунгура ограничивается деятельностью среди молодых людей через негосударственные организации.	Община не полностью адаптировалась к местным условиям и действует под наблюдением правительства.
----------------------------------	--	--

До 2016 г. роль турецкого транснационального негосударственного актора – Движения Гюлена и его место в «мягкой силе» Турции по отношению к постсоветскому Азербайджану была довольно весомой. Однако, после раскола между турецким правительством и Фетхуллахом Гюленом в 2016 г. это движение в Азербайджане признано незаконным. Как негосударственный религиозный актор, оно было самым эффективным религиозным каналом для продвижения положительного образа Турции. Другие негосударственные религиозные организации и даже государственный институт Diyanet не смогли стать такими успешными, и полностью занимать пространство уже запрещенного Движения Гюлена в Азербайджане³⁰⁶. Разрыв отношений между Гюленом и турецкой правящей партией нанес серьезный ущерб перспективам как турецкой религиозной «мягкой силе» в регионе, так и гюленистов в Азербайджане.

Другой актор турецкой «мягкой силы» *Турецкое агентство по координации и сотрудничеству (TİKA)*, вело и продолжает вести активную деятельность в Азербайджане, продвигая свои проекты во всех необходимых областях, включая поддержку административной и гражданской инфраструктуры, обеспечение занятости, восстановление исторических памятников, образование, здравоохранение, сельское хозяйство. Осуществляются проекты также в возвращенных районах Азербайджана после Второй карабахской войны, где турецкая сторона позиционирует себя одним из главных инвесторов по возобновлению жизни в данных районах.

³⁰⁶ Jödicke A. Religion and soft power in the South Caucasus. Abingdon. UK: Routledge. 2017. P. 44.

Как отмечает координатор проектов ТІКА в Азербайджане Теоман Тирьяки, «главной целью реализуемых в Азербайджане проектов было внести вклад в развитие республики, в процесс ее превращения из подвергшейся разрушениям в 90-х гг. в результате войны страны в регионального лидера и центр притяжения в 2010-х годах»³⁰⁷. В этом контексте необходимо отметить, что ТІКА за 27 лет реализовало в Азербайджане свыше 1 200 проектов, в рамках которых были проведены тренинги для 1 531 медицинского работника, 950 представителей турсектора, 274 судей и прокуроров, 783 экспертов в сфере связи, 380 сотрудников сил безопасности, 480 представителей СМИ, 185 представителей НПО и 991 специалиста по изобразительному искусству и ручной работе. Всего программами обучения и повышения квалификации в Азербайджане воспользовались около 6 тысяч человек³⁰⁸.

Еще одним является важным инструментом «мягкой силы» Турции является сохранение единства *тюркского мира* и культурного наследия, в рамках которого Анкара стремится позиционировать себя как главный гарант сохранения этих ценностей.

В 1993 г. по инициативе Турции была создана Организация по культуре и искусству тюркоязычных стран (TÜRKSOY), которая получила международный статус. Членами «ТЮРКСОЙ» является и Азербайджан, который в рамках организации наращивает сотрудничество с Турцией в сфере культуры и искусства. Главный офис организации находится в Анкаре, а высшим органом организации является Временный совет министров культуры. «ТЮРКСОЙ» активно продвигает идею единого тюркского мира и наследия, которая должна сближать весь тюркский мир.

В 2008 г. был создан Мировой турецкий бизнес-совет (DTİK), деятельность которого направлена на объединение небольших разрозненных

³⁰⁷ ТІКА реализовало в Азербайджане свыше 1 200 проектов за 27 лет. [Электронный ресурс] // 15.08.2021. Агентство «Анадолу». URL: <https://www.aa.com.tr/ru/p/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-aa> (дата обращения: 15.06.2021).

³⁰⁸ Там же.

турецких бизнес-структур в рамках одной сильной организации для усиления их продвижения за рубежом. Основная цель ДТІК – стимулировать экономические и торговые связи в рамках турецкого бизнес-сообщества вне Турции, создать единый центр для решения проблем, с которыми сталкиваются турецкие предприниматели за рубежом, способствовать устойчивому положительному имиджу Турции за рубежом.

В 2009 г. по инициативе Турции, Азербайджана, Казахстана и Киргизии для углубления добрососедских связей между странами был создан Совет по сотрудничеству тюркоязычных стран (ССТС), в рамках которой реализуются проекты посредством следующих институтов: Тюркского совета бизнеса, Агентства по транспортным коридорам между тюркоязычными странами, Тюркского научного исследовательского фонда, Фонда по развитию тюркоязычных стран³⁰⁹. В 2021 г., на VIII саммите стран-членов ССТГ в Стамбуле было принято решение переименовать совет в Организацию тюркских государств, также участники утвердили и приняли итоговый документ «Видение тюркского мира – 2040», который является стратегическим документом, «определяющим будущее сотрудничество в различных областях, представляющих общий интерес в тюркском мире». В рамках этих организаций Турция обеспечивала свое присутствие и продвигала позицию лидера тюркского мира не только в Азербайджане, но и в Центральной Азии.

В своей политике «мягкой силы» Турция естественно не отказывается от такого традиционного инструмента как *массовая культура*, которая помогает реципиенту проще воспринимать идейное и ценностное послание, преломляющееся через призму ценностей самого реципиента. В этом контексте невозможно отрицать значимость радио, телевидения, новостных

³⁰⁹ Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. Т. 9. С. 150.

программ, печатной прессы³¹⁰. В распространении положительного образа и в конструировании привлекательности Турции особую роль играют турецкие телеканалы и телесериалы. Турция сегодня занимает второе место по экспорту сериалов, уступая лидирующую позицию лишь США. По подсчетам турецкого агентства TRT, ежегодно турецкие сериалы смотрят около 400 млн человек³¹¹. Для Турции сериалы являются одним из альтернативных способов создания положительного имиджа.

Изначально турецкое правительство не предпринимало особенных мер для стимуляции популярности сериалов - все проходило естественным образом. Однако, вовремя заметив потенциал и привлекательность индустрии, сериалы были направлены в русло культурной дипломатии. Турецкие гостелеканалы особый акцент делают на создание исторических сериалов, с помощью которых у зрителя в разных точках мира зарождаются теплые чувства к османскому наследию. Наиболее лояльная аудитория образуется там, где люди максимально приближены к тюркской ментальности, исповедуют одну религию, а также имеют общее историческое прошлое в Османской империи. Сериалы популярны также на постсоветском пространстве, где одним из самых известных стала историческая костюмированная сага «Великолепный век», повествующая о жизни султана Сулеймана I, его эпохе и завоеваниях³¹².

Одним из ключевых направлений «мягкой силы» Турции также является *образовательная политика*. После независимости Азербайджан установил многосторонние и развитые отношения в сфере образования. По данным 2011 г. самым популярным направлением для азербайджанских студентов была Турция. За год туда поступило учиться 487 студентов, при этом в РФ –

³¹⁰ Зубкова А.И. Мягкая сила Турции: феномен «Soap Power» как инструмент культурной дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. №2. 2015. С. 52–62.

³¹¹ Сериалы - «мягкая сила» Турции. [Электронный ресурс] //www.trtrussian.com. 22 июля 2020. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/serialy-myagkaya-sila-turcii-2309506> (дата обращения: 02.02.2022)

³¹² Там же.

270, в КНР – 30, в Египет – 6. Сотрудничество в сфере образования базируется на таких ключевых документах, как Протокол о сотрудничестве в сфере образования и науки, подписанный в ноябре 1998 г и Протокол о сотрудничестве в сфере образования и науки, подписанный в 2000 г³¹³. Данные договоры заложили основу активного обмена студентами, выделения стипендий, определения ежегодных квот для обучения азербайджанских студентов в вузах Турции. В 2010 – 2011 учебном году Турция выделила 125 квот, в 2011 – 2012 учебном году – 150, а в последующие годы число квот неуклонно возрастает³¹⁴. Для азербайджанских студентов в Турции популярны следующие направления: международные отношения, турецкий язык и литература, медицина, фармацевтика, государственное управление, туризм и гостиничное дело, маркетинг, менеджмент человеческих ресурсов, предпринимательства, технология легкой и пищевой промышленности, лесоводство, журналистика³¹⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что Турецкое правительство, используя все работающие методы и инструменты «мягкой силы», одновременно действует в нескольких направлениях:

1. Привлечение всех политических, в том числе негосударственных, акторов: Турецкое правительство действует работать напрямую с азербайджанскими политическими партиями и неправительственными организациями, предпочитая иметь дело с правительственными или полуправительственными институтами. Тем не менее, турецкое правительство смогло использовать протурецкие НПО, включая религиозные, для

³¹³ Министерство образования Азербайджанской Республики. [Электронный ресурс] // Обучение за рубежом за счет стипендий. URL: <https://edu.gov.az/ru/> (дата обращения: 02.02.2022)

³¹⁴ Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «Мягкой силы». // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 2014. Т. 9 (2). С. 159.

³¹⁵ Министерство образования Азербайджанской Республики. [Электронный ресурс] // Обучение за рубежом за счет стипендий. URL: <http://www.edu.gov.az/view.php?lang=ru&menu=133> (дата обращения: 02.02.2022)

продвижения своих интересов (например, Фонд Худайи, Движение Гюлена и т.д.);

2. Расширение экономического присутствия в финансировании НПО является одним из наиболее важных инструментов турецкой «мягкой силы» в Азербайджане. Торговля между двумя странами растет. В настоящее время Турция является вторым крупнейшим импортером Азербайджана, а Азербайджан – одним из самых важных поставщиков нефти и природного газа для Турции³¹⁶. Азербайджан также является вторым по величине получателем турецких прямых иностранных инвестиций³¹⁷. Кроме того, национальная нефтяная компания Азербайджана - SOCAR, стала крупным прямым иностранным инвестором в Турции и в настоящее время реализует несколько важных инвестиционных проектов;

3. Расширение социокультурных связей и межличностных коммуникаций – одно из важных направлений сотрудничества. Турция, основываясь на языковой и этнической общности и чувстве «Тюркского братства», которые стали более убедительными, чем «мусульманское братство», продвигала подход «одна нация – два государства» и реализовывала внедрение Азербайджана под свою внешнеполитическую юрисдикцию.

Работая в нескольких направлениях и используя государственные и негосударственные организации, СМИ и научные сообщества, Турция смогла дать новый импульс своему положительному имиджу в Азербайджане, успешно помогая последнему продвигать свои национальные интересы внутри Азербайджана и выступать в роли главного союзника.

³¹⁶ *Kartaş S., Macit F.* Turkey-Azerbaijan Relations: The Economic Dimension. // *Journal of Caspian Affairs*, 2015. Т. 1 (1). P. 23–46.

³¹⁷ *Yavan N.* Türkiye'nin Yurt Dışındaki Doğrudan Yatırımları: Tarihsel ve Mekânsal Perspektif. *Bilig*. 63. Autumn, 2012. P. 237–270.

Вывод по главе

После распада СССР Турция воспользовалась благоприятными условиями для внедрения и продвижения своих интересов в Азербайджане. Анкарой были особо выделены следующие направления сотрудничества в экономической сфере с Баку: логистика, энергоресурсы, крупный внутренний рынок, торговля, инвестиционный потенциал. Турция также поддерживала Азербайджан в военно-политической сфере, продвигала азербайджанскую позицию в Нагорно-Карабахском конфликте. Со своей стороны Азербайджан отвечал взаимной заинтересованностью и строил новое государство по «турецкой модели» развития.

Для достижения такого рода взаимодействия Турция в Азербайджане активно использовала политику «мягкой силы» со всем инструментарием: Организация тюркских народов «ТЮРКСОЙ»; религиозные организации (Движение Гюлена, Управление по делам религии «Diyanet», Организация Сулеймани-ямии, «Жизнь Азиза Махмуда Худай / Фонд Худай», Сообщество Мустафа Сунгур); турецкое агентство по координации и сотрудничеству (ТІКА); образовательная политика и т.д. Работая в смежных областях, данные организации слаженно координировали свои действия друг с другом, выступая единым фронтом, но не единым монолитом для достижения поставленной цели.

ГЛАВА 3. УСИЛИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ТУРЕЦКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ОТНОШЕНИИ АРМЕНИИ.

Несмотря на то, что Турция была одной из первых стран, признавших независимость Армении, на Южном Кавказе между странами так и не были установлены дипломатические отношения. В первом десятилетии XXI в. между странами были зафиксированы попытки нормализации отношений, однако они не увенчались успехом. После Второй карабахской войны стороны активизировали двухсторонние связи и начали говорить о стадии нормализации взаимоотношений.

Для достижения своих внешнеполитических целей в Армении, Турция использовала все возможные инструменты не только «жесткой», но и «мягкой силы». Исполнителями турецкой политики «мягкой силы» в Армении являются фонды, СМИ, армянская община Турции и другие группы интересов. Если в случае остальных южнокавказских государств Турция свою политику «мягкой силы» продвигала с помощью государственных и негосударственных организаций, то в случае с Арменией, из-за отсутствия дипломатических отношений, Анкара не могла использовать все инструменты мягкого воздействия и продвигала свою повестку с помощью негосударственных акторов.

3.1 Значимость Армении в геополитических интересах Турции в Кавказско-каспийском регионе.

В ноябре 2002 г., после победы в парламентских выборах в Турции Партии справедливости и развития, среди армянских и турецких политических кругов начали обсуждаться возможности нормализации турецко-армянских отношений. Итогом нормализации отношений для Турции должна была стать нейтрализация *антитурецкой направленности* внешней политики Армении. Турецкие интересы включали также другие области отношений с Арменией (см. рис. 13).

Интересы Турции в Армении³¹⁸

Дискурс нормализации взаимоотношений был активизирован после заявления МИД Турции Я. Якиса 27 декабря 2002 г. о возможном открытии границы с Арменией, которая была закрыта из-за Нагорно-Карабахского конфликта в апреле 1993 г. В заявлении МИД Турции 2002 г. было отмечено, что если экономические интересы потребуют открыть границу с Арменией, то этот шаг будет осуществлен, но только с учетом интересов Азербайджана³¹⁹. Однако, всего через год, в январе 2003 г. в своем визите в Азербайджан, тогда еще премьер-министр, Реджеп Эрдоган объявил, что правительство Турции не будет менять свою политику в отношении Армении и не будет открывать границу с Арменией без согласия Азербайджана. В январе 2004 г. данную политику подтвердил президент Турции Абдула Гюль на встрече с министром иностранных дел Азербайджана Вилятом Гюлиевым, объявив, что

³¹⁸ Рисунок составлен автором

³¹⁹ Brief Chronology of the Armenian-Turkish Relations, 1991-2004, in Armenia-Turkey: Open Conversation, published by the Center of Public Dialogue and Development. Yerevan. 2005. P 114

Карабахский конфликт должен решиться на основе территориальной целостности Азербайджана³²⁰.

В 2005 г., на 90-летней годовщине геноцида армян, Турция сделала некоторые шаги по налаживанию отношений с Арменией, а 10 апреля премьер Турции Р. Эрдоган направил письмо президенту Армении Роберту Кочаряну с предложением организовать особый комитет армянских и турецких историков, который будет изучать события 1915 г. Президент Армении в ответном письме дал негативный ответ насчет комиссии и выразил готовность без каких-либо предусловий нормализовать сложные отношения. В письме армянский лидер писал: «Ваше предложение коснуться прошлого не может быть продуктивным, если оно не касается настоящего и прошлого. Для вовлечения в продуктивный диалог нам необходимо создать благоприятную и соответствующую политическую среду. Ответственность за развитие двусторонних отношений несут правительства, и мы не правомочны делегировать ее историкам. Учитывая этот факт, мы предлагали и вновь предлагаем установить без предварительных условий нормальные отношения между нашими странами»³²¹.

В 2007 г., после очередной победы на парламентских выборах, партия ПСР, основываясь на внешнеполитических доктринах по налаживанию отношений со всеми соседями, начал процесс с Арменией, где Турция была заинтересована в решении проблемных и спорных вопросов в армяно-турецких взаимоотношениях. Особо трудными были следующие вопросы: признание событий начала XX в. в Османской империи *геноцидом* и *Нагорно-Карабахский конфликт* между Арменией и Азербайджаном – ближайшим союзником Турции³²². Данный процесс был активизирован после победы

³²⁰ Brief Chronology of the Armenian-Turkish Relations, 1991-2004, in Armenia-Turkey: Open Conversation, published by the Center of Public Dialogue and Development. Yerevan. 2005. P 114

³²¹ Ответ Кочаряна Эрдогану. [Электронный ресурс] // Mediamax 05.10.2015. URL: <https://mediamax.am/ru/news/5-10-15/37449/> (дата обращения 18.04.2022)

³²² Safrastyan R. Armenian-Turkish Relations: From Interstate Dispute to Neighborliness. Open Society Institute. Central European University Center for Policy Studies, 2003–2004.

Сержа Саркисяна в выборах Армении 2008 г., в честь которого последовало поздравление президента Турции А. Гюля и была выражена надежда на нормализацию отношений между Турцией и Арменией. После футбольного матча между сборными Армении и Турции в Ереване, на котором по приглашению президента Армении присутствовал президент Турции, стартовала активная фаза нормализации армяно-турецких отношений³²³.

Турецкая дипломатия одновременно действовала по нескольким направлениям и сделала попытку продвижения своих региональных интересов с помощью новых инициатив. В 2008 г. предполагаемый Турцией проект под названием *«Кавказская платформа стабильности и сотрудничества»* должен был стать пространством для восстановления отношений между Арменией и Турцией. С самого начала армянская сторона подошла к предложению вступить в платформу с осторожностью, но и отказа с ее стороны не прозвучало. На встречах были выявлены противоречия между сторонами. На апрельской встрече в 2009 г., ссылаясь на глубокие противоречия, Армения и Турция отказались от организации встречи на высшем уровне. Стороны практически исключили сотрудничество в рамках данной платформы, после чего активность и значение платформы снизились³²⁴.

Серьезный шаг по налаживанию взаимоотношений стороны сделали 10 октября 2009 г. в Цюрихе, где министры иностранных дел Армении и Турции подписали «Протокол об установлении дипломатических отношений» и «Протокол о развитии двусторонних отношений». На церемонии подписания протоколов присутствовали министр иностранных дел России С.В. Лавров, госсекретарь США Х. Клинтон, главы МИД Франции и Словении, а также

³²³ Хачатрян Д.Г. Нагорно-Карабахский конфликт сквозь призму отношений Армении и Турции // Постсоветские исследования, №2(1). 2018. С. 224-234. doi:10.24411/2618-7426-2018-00036.

³²⁴ Геворгян, А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). С. 74. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037.

комиссар по вопросам внешней политики и безопасности ЕС³²⁵. В октябре 2009 г. Давутоглу предоставил Цюрихские протоколы в турецкий парламент, однако, в своей вступительной речи в парламенте он подчеркнул, что «не видит процесс решения без связи с проблемами Азербайджана и Нагорного Карабаха»³²⁶. Этим Анкара отреагировала на бойкот Баку и отказалась восстанавливать отношения с Ереваном без предусловий, связав Цюрихские протоколы с Нагорно-Карабахским конфликтом. Армения, в свою очередь заявила, что парламент страны ратифицирует протоколы только после Турции.

Весь процесс попыток нормализации армяно-турецких отношений проходил под жесткой критикой и пристальным наблюдением Азербайджана³²⁷, а всякое продвижение принималось ревностно и критикой азербайджанского руководства и СМИ. Именно азербайджанский/Нагорно-Карабахский фактор стал главной преградой на пути ратификации Цюрихских протоколов³²⁸. Азербайджан настаивал на том, что турецко-армянская граница должна открываться исключительно после освобождения Азербайджанских территорий от армянских вооруженных сил, и пригрозил ответить на сближение Турции с Арменией экономическими и политическими санкциями. Впервые после 1990-х гг., из-за фактора Армении турецко-азербайджанские отношения стали напряженными. Однако стороны, учитывая важные интересы, хорошо понимали, что ухудшение отношений навредит обеим, и что стороны не готовы заплатить цену разрушения двухсторонних отношений ради сближения Турции с Арменией. Анкара скоро успокоила Баку, объявив,

³²⁵ Երկկողմ հարաբերություններ. ՀՀ Արտաքին գործերի նախարարություն. [Электронный ресурс] // 05.04.2019. URL: <https://www.mfa.am/hy/bilateral-relations/tr>. (дата обращения: 12.02.2022)

³²⁶ Protokoller, TBMM Başkanlığı'na sunuldu. // [Электронный ресурс] Dunya. 21.09.2009. URL: <https://www.dunya.com/gundem/protokoller-tbmm-baskanligi039na-sunuldu-haberi-93960> (дата обращения: 17.02.2022)

³²⁷ *Shiriyev Z., Davies C.* The Turkey-Armenia-Azerbaijan Triangle: The Unexpected Outcomes of the Zurich Protocols // *Perceptions: Journal of International Affairs*. Vol. XVIII, № 1. 2013. P. 191–194.

³²⁸ *Хачатрян Д.Г.* Нагорно-Карабахский конфликт сквозь призму отношений Армении и Турции // *Постсоветские исследования*. 2018. №2(1). С. 224–234. doi:10.24411/2618-7426-2018-00036.

что нормализация отношений с Ереваном возможна лишь в случае, если она выйдет с захваченных территорий Азербайджана.

В дальнейшие годы наблюдался спад в процессе нормализации отношений. Так, 22 апреля 2010 г. Армения, ссылаясь на позицию Турции и принимая к сведению заявление политической коалиции парламентских партий, приняла решение приостановить процесс принятия протоколов в парламенте. В 2015 г. протоколы были отозваны из парламента, а 1 марта 2018 г. президент Армении заявил об их аннулировании. В следующие несколько лет между странами так и не наблюдался позитивный сдвиг в сторону нормализации отношений.

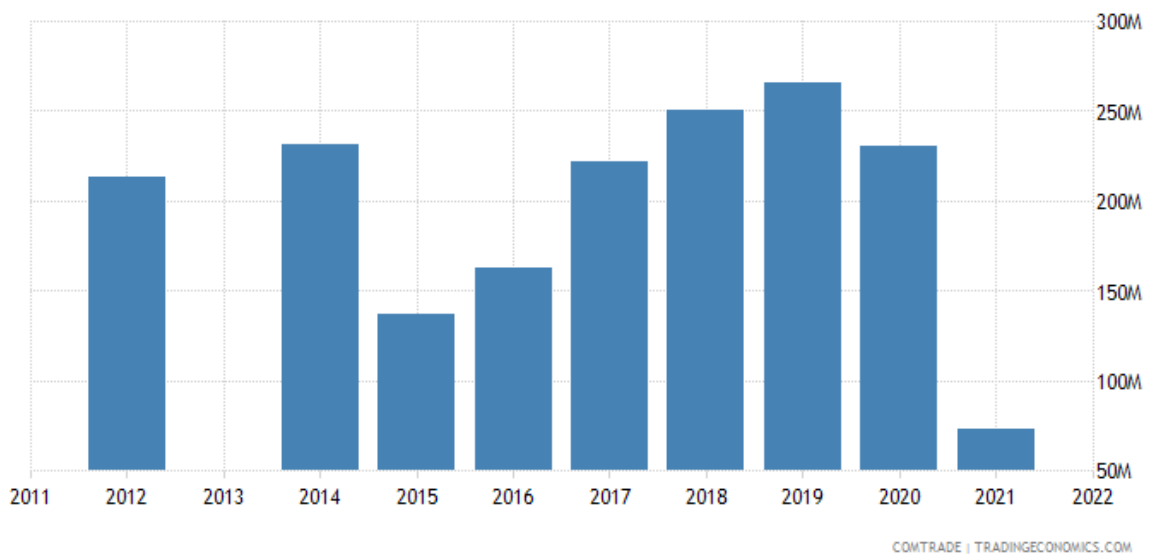
Несмотря на отсутствие прямых дипломатических связей между странами, существовал *экономический интерес*, но с экспортным перевесом Турции. Данная картина проявляется в статистических данных о товарообороте между Турцией и Арменией в 1998-2008 гг., где товарооборот Турции и Армении составил \$618 млн., из которых \$600 млн. – импорт турецких товаров в Армению, а \$18 млн. – экспорт армянских продуктов в Турцию. 2008 – 2014 гг. импорт из Турции составил \$1.5 млрд., экспорт из Армении всего \$9 млн. Импорт турецкой продукции в Армению активно продолжался и после 2015 г.³²⁹ По данным Национальной статистической службы (НСС) Армении, в 2014 г. Турция входила в пятерку стран с наибольшим объемом товарооборота с Арменией, ее доля составляла 3,9% от всего объема внешней торговли Армении. Турция отставала только от Ирана – с долей 4,9%, Германии – 7,5%, Китая – 9,9% и России – 23,7%. Если округлить данные НСС Армении, с обретения независимости до 2014 г. Армения импортировала из Турции товаров на общую сумму в 2,2 млрд долларов, а экспортировала за тот же период товаров всего на 40 млн долларов.

³²⁹ Данные, которые избегают публиковать: как Турция стала одним из крупнейших торговых партнеров Армении [Электронный ресурс] // Русарминфо. 01.12.2015. URL: <https://rusarminfo.ru/2015/12/01/dannye-kotorye-izbegayut-publikovat-kak-turciya-stala-odnim-iz-krupnejshix-torgovux-partnerov-armenii/> (дата обращения: 22.02.2022)

В условиях осуществляемой Турцией и Азербайджаном экономической блокады Армении Грузия приобрела роль «моста» для доставки турецкой продукции в Армению. Турецкий импорт в Армению значительно сократился в 2020 г. (с 220-230 млн в год он упал до 90 млн) и было это связано с запретом правительства Армении на импорт турецких товаров (см. рис. 14) ³³⁰.

Рисунок 14

Импорт Армении из Турции с 2011 по 2021 гг.

После второй Нагорно-карабахской войны сложилась новая геополитическая ситуация на Южном Кавказе. При активной поддержке Турции Азербайджан смог основательно подойти к новой войне в Нагорном Карабахе и добиться победы как на поле битвы, так и на дипломатической арене.

Несмотря на то, что на протяжении всего хода боевых действий, продлившихся 44 дня, руководство Армении обвиняло Турцию в активном вмешательстве в карабахский конфликт³³¹, одним из последствий войны стало обоюдно выраженная заинтересованность Армении и Турции нормализовать

³³⁰ Сколько Армения завезла товаров из Турции в 2020 году? [Электронный ресурс] // Sputnik Армения. 05.02.2021 URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20210205/Skolko-Armeniya-zavezla-tovarov-iz-Turtsii-v-2020-godu-26348917.html> (дата обращения: 22.02.2022)

³³¹ Президент Армении раскрыл причины вмешательства Турции в карабахский конфликт [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 03.10.2020 URL: <https://lenta.ru/news/2020/11/03/prichiny/> (дата обращения: 12.02.2022)

свои отношения. Первые шаги к диалогу Турции и Армении после Второй карабахской войны были предприняты 14 января 2022 г. в Москве, где встретились спецпредставители двух стран³³². Перед запуском диалога Армения с 1 января 2022 г. сняла запрет на импорт турецких товаров, который действовал с 31 декабря 2020 г., и введенный после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе в ответ на поддержку Турции Азербайджану. О нормализации отношений также активно начали говорить и турецкие политики. Представляя процесс активизации связей с Арменией, пресс-секретарь президента Турции Ибрагим Калын на встрече с соотечественниками в Чикаго заявил: «На Кавказе сейчас реализуется совсем иной процесс, и фундамент, на котором эта (армянская) диаспора построила всю свою энергию и аргументы, на грани краха. Другими словами, конфликт между Арменией и Турцией или армяно-тюркский конфликт на Кавказе близится к завершению»³³³.

Одним из основных препятствий на пути нормализации отношений между Турцией и Арменией продолжал оставаться вопрос признания геноцида армян 1915 г. в Османском государстве. Однако, стороны заявили об отсутствии предусловий для диалога. Несмотря на это, процесс нормализации Турция связывала с азербайджано-армянскими переговорами, где поддерживала Баку и также говорила о «суверенных коридорах», связывавших Турцию и Азербайджан, которые Армения отрицала.

Таким образом, в изучаемый нами период можно условно выделить две попытки сторон нормализации отношений: первая – 2008-2010 гг. по инициативе Турции; и вторая, начатая в 2021 г. после Второй карабахской войны по двухсторонней инициативе с активной позицией с армянской стороны. Первая попытка не увенчалась успехом, так-как третья сторона, в

³³² В Москве завершились турецко-армянские переговоры, сообщили СМИ [Электронный ресурс] // РИА Новости. 14.01.2022. URL: <https://ria.ru/20220114/peregovory-1767848338.html> (дата обращения: 12.02.2022)

³³³ Посланник Эрдогана «проговорился» об интересе Анкары в армяно-турецкой нормализации. [Электронный ресурс] // 27.12.2021. EADaily URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/12/27/poslannik-erdogana-progovorilsya-ob-interese-ankary-v-armyano-tureckoy-normalizacii> (дата обращения: 12.02.2022)

лице Азербайджана, сыграла решающую роль в замораживании турецко-армянских протоколов. Также была проявлена незаинтересованность Турции из-за армянского фактора (страна имела небольшие экономические возможности, продолжала воспринимать Турцию как «врага», не отказывалась от процесса международного признания Геноцида армян) ухудшать глубокие связи с Азербайджаном (страны реализовали и были связаны крупными энергетическими и транспортными проектами, а Турцию азербайджанская общественность воспринимала как «большого брата»). Понимая свою региональную и геополитическую слабость, Армения была открыта к нормализации отношений, однако сталкивалась с холодной позицией Турции, для которой она являлась всего лишь региональной недружественной страной с небольшим международным весом.

3.2 Турецкая «мягкая сила» в Армении

В условиях стремительных изменений в регионе перспективным является исследование армяно-турецких отношений с использованием теорий известных специалистов в области международных отношений Роберта Кохейна и Джозефа Найа, который источником силы и влияния в взаимоотношениях государств считал существующую асимметрию взаимосвязей (*asymmetrical interdependence*) между ними, а понятием уязвимости (*vulnerability*), показывают, что она может играть важную роль для осуществления политики давления с целью достижения желаемых результатов и расширения сферы влияния. В это уязвимое состояние Армению втянула экономическая и транспортная блокада, небогатые природные и экономические ресурсы, неуспешная внутренняя и внешняя политика руководителей страны. С другой стороны, Армения не поддавалась нажиму и отвергала турецкое возможное влияние. Таким образом, как отмечает армянский исследователь Р. Сафрастян, «позицию Турции в целом можно интерпретировать с применением понятийного аппарата наступательного

реализма, а Армении – оборонительного реализма»³³⁴. В этом контексте интересным является умозаключение М. Дурмса насчет необходимости переосмысления Арменией политики по отношению Турции: «Мы можем говорить о возможности игнорирования Армении Турцией, но это очевидно, что Армения не может себе позволить игнорировать Турцию»³³⁵.

За последние двадцать лет, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, Турция предприняла различные попытки проведения политики «мягкого взаимодействия» в Армении. Несмотря на то, что данные шаги не привели к нормализации взаимоотношений, но послужили платформами для налаживания минимальных контактов культурно-образовательного характера.

Одним из таких шагов можно назвать *восстановление церкви «Сурб Хач»*³³⁶ на острове Ахтамар на озере Ван (Турция), которая имела большое культурно-религиозное значение для Армении. Данным шагом Турция сделала попытку продвижения своего положительного образа в Армении, и, отреставрировав армянскую церковь, пыталась продемонстрировать международной общественности свое стремление установить с Арменией нормальные отношения.

Реставрационные работы армянской церкви «Сурб Хач» были инициированы турецким руководством, а именно министерством культуры и туризма Турции с 2005 по 2007 гг. и представлялись широкой общественности как культурное сближение в сторону армян. На ее восстановление турецкие

³³⁴ Сафрastian P. Армяно-турецкие отношения: попытка теоретической интерпретации с позиций реалистической школы. Ориентиры внешней политики Армении. Ереван, 2002. С 47.

³³⁵ Durmus M. Why Armenia Must Revise Its Current Policy Against Turkey? // 13.04.2005. Turkish Centre for International Relations&Strategic Analysis/ Institute for Armenian Studies // www.turksam.org/en/a154.html. (дата обращения: 12.02.2022)

³³⁶ Церковь «Сурб Хач» (Святого Креста) - выдающийся памятник армянского средневекового наследия. Храм был возведен по приказу царя Гагика Арцруни во время Васпураканского царства в 915-921 гг. архитектором Манвелом. Церковь, которая не была уничтожена даже во времена массовых разрушений турками церковей на территории Западной Армении, в том числе из-за своей мировой известности спаслась от вандализма. Вопрос сохранения церкви постоянно поднимался армянской стороной, которая также использовала давление международной общественности в вопросе сохранения армянских культурно-исторических памятников на территории Турции.

власти выделили \$1,5 млн³³⁷. В работы, кроме Министерства культуры и туризма Турции, была включена также администрация города Ван, которая понимала туристическое значение армянского религиозного памятника.

После реставрации армянская сторона получила официальное приглашение от Турции принять участие в церемонии открытия церкви «Сурб Хач», а для присутствия армянской делегации был организован специальный авиаперелет. Некоторые общественные организации Армении, положительно оценив жест Турции, также выразили желание присутствовать на открытии церкви. Данный жест культурной дипломатии нашел свой отклик даже в Грузии, где о своем желании присутствовать на открытии выразил министр культуры, охраны памятников и спорта Георгий Габашвили³³⁸.

По случаю открытия церкви председатель Ассоциации турецких историков Юсуф Халачоглу дал интервью газете «The New Anatolian» и отметил, что реставрация церкви – это «мирный жест в сторону армян всего мира»³³⁹.

Турция также успешно использует армянскую общину как инструмент мягкого воздействия на Армению. В качестве примера можно привести послание президента Турции Р.Т. Эрдогана армянскому патриарху Константинополя Сааку Машаляну в связи со 107-й годовщиной Геноцида армян, в котором он попросил поддержки армянской общины в нормализации армяно-турецких отношений: «Сегодня вы собрались под крышей армянского патриархата Стамбула, чтобы почтить память османских армян, погибших в тяжелых условиях Первой мировой войны. Я еще раз с уважением чту память павших армян Османской империи и выражаю искренние соболезнования остальным их родственникам», - говорится в послании Эрдогана. Президент Турции в очередной раз уклонился от того, чтобы назвать данные события

³³⁷ Армения получила приглашение от Турции принять участие в открытии церкви «Сурб Хач» [Электронный ресурс] // REGNUM 15.03.2007. URL: <https://regnum.ru/news/society/796959.html> (дата обращения 25.02.2022).

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же.

геноцидом, но призвал «вместе залечивать раны прошлого, укреплять человеческие связи» и «вместе строить будущее»: «С этой целью мы начали позитивный процесс с нашей соседней Арменией. Я знаю, что придаю большое значение тому, что процесс урегулирования искренне поддерживают наши граждане армянского происхождения, которые выступают за тесное сотрудничество между двумя соседними странами», - сказал Эрдоган, ожидая участия армянской общины Турции в процессе³⁴⁰. Представители армянской общины со своей стороны выразили поддержку процессу нормализации и призвали начать строить новое будущее³⁴¹.

Под турецким культурным и языковым влиянием оказываются также тысячи граждан Армении, которые несмотря на очень сложные взаимоотношения между Арменией и Турцией, пересекая границу через Грузию, становятся трудовыми мигрантами в Турции. Одни через какое-то время возвращаются в Армению, другие остаются в крупных городах, таких, как Стамбул, и устраивают своих детей в местные армянские школы, где последние также изучают турецкий язык.

Ни в Армении, ни в Турции не проводились серьезные исследования по поводу армян, живущих в Турции. Турецкая сторона, в лице пример-министра Реджепа Эрдоган, заявляла по разным поводам, что в стране нелегально проживают до 170 тыс армян³⁴². Однако эти цифры ничем не обоснованы и часто используются как инструмент воздействия на Армению. По итогам проведенного в 2009 г. исследования Фонда содействия Евразия и Центра глобальных политических тенденций, в Турции нелегально проживает 15 тыс. армян³⁴³. По исследованиям Национальной статистической службы Армении

³⁴⁰ В послании от 24 апреля Эрдоган попросил поддержки армянской общины Турции в нормализации армяно-турецких отношений [Электронный ресурс] // 24.04.2022. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1081447/> (дата обращения 25.02.2022)

³⁴¹ Армяне Турции поддерживают идею нормализации связей Анкары и Еревана. 04.12.2021 Анадолу <https://inlnk.ru/oeKxz4> (дата обращения 25.02.2022)

³⁴² Эрдоган пригрозил выслать из Турции до ста тысяч армян [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 17.03.2010. URL: <https://www.dw.com/ru/эрдоган-пригрозил-выслать-из-турции-до-ста-тысяч-армян/a-5363380> (дата обращения 25.02.2022)

³⁴³ Армянские школы Стамбула. Анна Мурадян, Ереван. Ноябрь, 2013г.

ежегодно в Турцию на заработки уезжают малочисленное количество граждан Армении. Из-за этого в списках по статистике миграции Турция отдельно не отображается и включена в группу стран СНГ и Европы³⁴⁴. В мае 2013 г. наместник константинопольского патриарха Армянской апостольской церкви архиепископ Арам Атесян в интервью одному из турецких телеканалов заявил, что в Турции в настоящее время проживают 100 тыс. армян. «А если говорить о тех, чьими бабушками и дедушками являются армяне, то их число может превысить миллион», - сказал Атесян³⁴⁵.

В начале 2000-х гг. для детей граждан Армении, мигрировавших в Турцию, была открыта очередная школа. Но, она не получила государственную аккредитацию. Турецкое правительство осведомлено о ее существовании и не препятствует работе, но ученики не получают аттестат об образовании в Турции³⁴⁶. В последние годы из-за уменьшения количества учеников и непостоянного финансирования Бангалтская начальная школа и начальная школа Нерсесеян-Ермонян были закрыты.

В начале XXI в. также наблюдается активизация турецких *инвестиций* в Армении, а по данным единого государственного регистра 2022 г. в Армении зарегистрировано 72 компаний, учредителями или участниками которых являются граждане Турции. Общая контрактная стоимость недвижимости, принадлежащей гражданам Турции, составляет около 1 млрд 833 млн драм³⁴⁷. Самым активным периодом открытий в Армении компаний с участием турецких граждан и турецкого капитала был период президентства Роберта Кочаряна — 54, а после революции 2018 г. были открыты еще 24 компании.

³⁴⁴ Արտազնա աշխատանքային միգրացիա. գնահատականներ և մտորումներ // Չոյա Թադևոսյան և ուրիշ.; Մամ. խմբ` Ա.Խ. Մարկոսյան. –Եր.: Տնտեսագետ, 2014. 80. Ст. 32.

³⁴⁵ Станет ли Турция «старшим братом» Армении [Электронный ресурс] // REGNUM. 23.01.2022. URL: <https://regnum.ru/news/3484750.html> (дата обращения 25.02.2022)

³⁴⁶ Армянские школы Стамбула. Анна Мурадян, Ереван. Ноябрь 2013 г.

³⁴⁷ С момента обретения независимости в Армении зарегистрировано 139 компаний с турецким участием [Электронный ресурс] // FIP.am. 18.02.2022. URL: <https://fip.am/ru/18287> (дата обращения 08.03.2021)

Армения также является одной из постсоветских стран, где популярны *турецкие сериалы*. Армянские исследователи в достаточной мере не изучили уровень популярности турецких сериалов в Армении. Данный вопрос был проанализирован со стороны армянской газеты «Агос» в Турции, которая в своей статье проследила вопрос высокой популярности турецких сериалов в Армении. Оказывается, что в Армении популярными являются многие турецкие сериалы, в их числе «Любовь напрокат», «Царица ночи», «Великолепный век» и «Черная любовь». Сериалы популярны и среди молодежи, и среди более взрослого населения. Одна из жительниц Армении в разговоре с журналистом «Агос» призналась, что выучила турецкий язык по просмотрам сериалов, а другая гражданка Армении провела опрос среди своих одноклассников, в итоге чего оказалось, что 15 из 40 опрошенных смотрели турецкие сериалы³⁴⁸. Опрошенные, говоря о турецких сериалах, признаются, что смотрят турецкие сериалы, но также отмечают, что не забывают о геноциде армян. Стоит выделить, что со стороны общественности часто поднимается вопрос о необходимом запрета турецких сериалов в Армении, но со стороны государства данный вопрос не регулируется.

Еще одним инструментом мягкого воздействия на Армению является *туризм*. Для армян популярными являются не только направления в историческую западную Армению, но и в пляжные курорты Турции. Туристов из Армении, отправляющихся в Турцию, можно разделить на два противоположных лагеря. В первый входят те жители Армении, которые направляются в Турцию лишь с одной целью – увидеть родину своих предков, то есть Западную Армению. Путешествие по Западной Армении не только не осуждается обществом, но, напротив, очень даже приветствуется. Что касается отдыха на курортах Турции, то в армянском обществе на это смотрят негативно. Из-за отсутствия статистических данных трудно сказать по

³⁴⁸ Ermenistan'da Türkiye yapımı filmlerden daha çok dizilerin izleniyor olduğunu öğrenmek, benim için oldukça şaşırtıcı oldu. Peki, hangi diziler izleniyor? Kimler tarafından izleniyor? Ve neden izleniyor? // Agos. URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/17117/turkiye-dizileri-ermenistanda-zirvede> (дата обращения 08.03.2022)

популярности какое место занимает отдых в Турцию для армян, но с уверенностью можно сказать, что для определенного слоя населения весьма приемлемым является пляжный отдых в Турции. Соблазнительные курорты на Средиземном море, довольно высокий уровень обслуживания, доступные цены и, добавим, достаточно хорошее отношение к армянам – вот причины, побуждавшие многих граждан Армении проводить свой отпуск на побережьях Анталии, забыв на время о трудных политических взаимоотношениях и о историческом прошлом.

В турецкой политике «мягкой силы» важное место занимают также *государственные и негосударственные аналитические центры и фонды*, которые осуществляют свою деятельность не только на территории Турции, но и в соседних государствах. Многие известные и влиятельные ученые аналитических центров пишут и публикуют свои статьи про турецко-армянские взаимоотношения и занимаются образовательными обменами³⁴⁹. Изучением армяно-турецких отношений и потенциалом культурной дипломатии Турции занимаются такие известные аналитические центры как Фонд экономических и социальных исследований Турции (Türkiye Ekonomik ve Sosyal Etüdler Vakfı, TESEV), Фонд исследований экономической политики Турции (Türkiye Ekonomi Politikaları Araştırma Vakfı, TEPAV), Институт внешней политики Турции (Dış Politika Enstitüsü), Институт армянских исследований (Ermeni Araştırmaları Enstitüsü, ERAREN). Последний особое внимание уделял изучению исторического прошлого и культурных связей между Арменией и Турцией. Начиная с 2009 г. Институт был расширен, и на его основе был создан Центр евразийских исследований (AVİM), основная направленностью которой является изучение и анализ политических процессов, происходящих на Кавказе, Балканах, в Восточной Европе и в

³⁴⁹ Ozdogan G.G., Kılıdagi O. «Hearing Turkey's Armenians: Issues, Demands and Policy Recommendations» [Электронный ресурс] // Tesev. 24. 05.2012. URL: <https://www.tesev.org.tr/en/research/hearing-turkeys-armenians-issues-demands-and-policy-recommendations/> (дата обращения 01.03.2022)

России. Центр издает три журнала: «Армянские исследования», «Обзор армянских исследований» и «История и международные преступления»³⁵⁰.

В Турции также действует фонд имени армянского публициста и писателя Гранта Динка, который был убит 2007 г. возле редакции журнала «Агос». Фонд «Гранта Динка» одним из своих приоритетных задач считает создание культурного-образовательного диалога между Турцией и Арменией. Фонд очень активно функционирует и в Армении, и в Турции, где осуществляет разные программы обмена студентов и специалистов между двумя странами, организует образовательные курсы и программы для студентов из обеих стран³⁵¹. Основные направления фонда являются:

- развитие культурных связей между Турцией и Арменией;
- поддержание процесса демократизации;
- исследование истории, борьба против национализма и расизма;
- издание сборников статей, фотографий и документов о деятельности

Гранта Динка³⁵².

В контексте распространения положительного образа Турции и налаживания связей между сторонами успешность Фонда Гранта Динка очевидна. Достаточно отметить то, что в рамках данного фонда некоторые представители армянской политической элиты посещали Турцию в культурно-образовательных целях. Самым ярким примером является специальный посланник Армении по нормализации отношений с Турцией Рубен Рубинян, который в 2017 г. по программе фонда Гранта Динка несколько месяцев находился в Турции. В 2006 – 2010 гг. Рубинян учился на факультете международных отношений Ереванского государственного университета, в 2011 г. окончил Университетский колледж Лондона (UCL), в

³⁵⁰ Сулейманов А. Центры стратегических исследований внешней политики Турции // Россия и мусульманский мир. 2011. №6. С. 116–123.

³⁵¹ Hrant Dink Vakfı. Vizyon ve Misyon [Электронный ресурс] // Hrant Dink Vakfı. URL: <https://hrantdink.org/tr/hakkimizda/vizyon-ve-misyon> (дата обращения 08.03.2021)

³⁵² Там же.

2012 г. завершил магистратуру в Ягеллонском университете в Польше³⁵³. Наиболее интересным является опыт Рубиняна в Турции, который в 2017 – 2018 гг. в рамках проекта Фонда «Грант Динк» по «Обмену опытом между Арменией и Турцией» провел исследование в «Центре политики Стамбула» (IPC), действующим при Университете Сабанджи (Sabancı Üniversitesi)³⁵⁴. Исследования политика были связаны с изучением влияния общественных организаций на процессы демократизации Турции. После революции и изменения политической элиты в Армении начинается стремительно растущая политическая карьера Рубена Рубиняна, кто в 2018 г., не имея опыта работы в дипломатической сфере, был назначен заместителем министра иностранных дел. Такой опыт высокопоставленного чиновника вызвал критику в армянском парламенте, где Рубиняна даже обвинили в шпионаже в пользу Турции. Последний не скрывал свою поездку в Турцию: «Я был в Турции по программе Фонда Гранта Динка и несколько месяцев занимался научными исследованиями. Я никогда не скрывал этого и после «бархатной» революции тоже упоминал об этом»³⁵⁵.

Турецкие фонды реализуют свою деятельность в Армении также через Европейские программы, цель которых – нормализация отношений между Арменией и Турцией. Общая цель европейской программы содействия в нормализации отношений между Турцией и Арменией заключалась в расширении возможностей и вовлечения гражданской общественности Турции и Армении для содействия укреплению регионального мира и стабильности, демократического плюрализма и социальной интеграции в двух

³⁵³ Турция, Армения и спецпредставитель Армении Рубинян – прямо из Стамбула [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 15.02.2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3507773.html>. (дата обращения 08.03.2022).

³⁵⁴ Türkiye-Ermenistan Burs Programı 4. Dönem sonuçları açıklandı. [Электронный ресурс] // Hrant Dink Vakfı. URL: <https://hrantdink.org/tr/faaliyetler/projeler/turkiye-ermenistan-programi/turkiye-ermenistan-burs-programi/1031-turkiye-ermenistan-burs-programi-4-donem-sonuclari-aciklandi> (дата обращения: 05.04.2021).

³⁵⁵ Турция, Армения и спецпредставитель Армении Рубинян – прямо из Стамбула [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 15.02.2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3507773.html>. (дата обращения 08.03.2022).

странах. Это осуществляется путем привлечения новых участников экономической, культурной, образовательной и просветительской деятельности между Арменией и Турцией, а также улучшения информационного потока, обмена сообщениями и создания сетей между СМИ и экспертными сообществами.

Целями программы являются³⁵⁶:

- расширение экономического сотрудничества и деловых возможностей между Арменией и Турцией;
- установление/содействие сотрудничеству между организациями и экспертами/лицами;
- содействие сотрудничеству между Арменией и Турцией по вопросам окружающей среды и изменению климата;
- развитие сотрудничества между организациями и учреждениями, занимающимися вопросами образования, в т.ч. университеты, образовательные центры и аналитические центры;
- изучение вопросов миграции между странами.

В программе наиболее активными являются турецкие фонды и аналитические центры, в их числе Anadolu Kültür, Фонд исследований экономической политики Турции (TEPAV), Хельсинкская гражданская ассамблея (Нса) и Фонд Гранта Динка³⁵⁷.

Однако на данном этапе сотрудничество в сфере образования и культуры между странами развито слабо. Только в одном университете Армении (Ереванском государственном университете, факультет востоковедения) реализуется программа по изучению современного турецкого языка, турецкой и османской истории, литературы и культуры.

³⁵⁶ Türkiye-Ermenistan Burs Programı 4. Dönem sonuçları açıklandı. [Электронный ресурс] // Hrant Dink Vakfı. URL: <https://hrantdink.org/tr/faaliyetler/projeler/turkiye-ermenistan-programi/turkiye-ermenistan-burs-programi/1031-turkiye-ermenistan-burs-programi-4-donem-sonuclari-aciklandi> (дата обращения: 05.04.2021).

³⁵⁷ Support to the Armenia-Turkey Normalisation Process: Stage Two (2016-2018) [Электронный ресурс] // armenia-turkey.net URL: <https://epfarmenia.am/project/ATNP2> (дата обращения 08.03.2022).

В качестве итога можно констатировать, что Турция за последние два десятилетия в отношении стран Южного Кавказа делает акцент на этнической и культурной общности³⁵⁸. Однако, в силу сложного исторического прошлого, наличия нерешенных проблем в двусторонних отношениях, данная политика в полной мере не была реализована. Именно совокупность факторов и отсутствие каких-либо дипломатических связей между Арменией и Турцией вынуждает исследователей в рамках анализа политики «мягкой силы» Турции на Южном Кавказе не рассматривать Армению как область исследования. Однако, даже в реалиях отсутствия отношений, мы видим, что на этом активность Турции в регионе не понижается, а наоборот, становится более глубокой и многоуровневой. Она в полной мере использует «жесткую силу», в последующем укрепляет свои позиции «мягкой силой», не забывая о потенциале культурно-образовательной политики в лице образования, обмена студентов и активизации деятельности фондов и аналитических центров.

3.3 Образ Турции и его состояние в Армении

Как известно, на фоне отсутствия двусторонних отношений и существующих противоречий по вопросам признания геноцида армян и Карабахского конфликта, образ Турции в Армении сохранял свою отрицательную форму, а при попытках нормализации взаимоотношений либо обострялся, либо принимал более примирительную сторону среди общественности и политической элиты. Однако, транспортная и экономическая блокада Армении, разные позиции по отношению к конфликтам в регионе, также создание образа врага как с одной, так и с другой стороны, в течение последних десятилетий исключали возможность взаимопонимания сторон и тормозили развитие региона в целом.

³⁵⁸ Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. Т. 9. С. 145–166.

Несмотря на то, что Анкара одной из первых признала независимость Армении 16 декабря 1991 г., это не привело к установлению дипломатических отношений. Страны в двухстороннем порядке продолжали характеризовать друг друга как недружественные и связывали нормализацию отношений с исполнением разных предусловий. Так, Турция, после закрытия сухопутной границы с Арменией в 1993 г. начала воспринимается ее как угрозу. Тем не менее, для установления дипломатических отношений были выдвинуты следующие условия: 1. прекращение инициатив по международному признанию и осуждению геноцида армянского народа 1915 – 1923 гг.; 2. урегулирование Карабахского конфликта в пользу Азербайджана; 3. отказ от территориальных претензий к Турции³⁵⁹. Территориальные претензии со стороны Армении тоже усугубили его восприятие в Турции, которые, по мнению Анкары, были проявлены в тексте Декларации о независимости Армении 1990 г., где по отношению некоторых регионов современной Турции используется топоним Западная Армения. Например, в пункте 11 Декларации о независимости Армении отмечается: «Республика Армения выступает за международное признание геноцида армян 1915 года в Османской Турции и Западной Армении»³⁶⁰. Но, Армения, несмотря на существующие глубокие противоречия и отрицательный образ Турции, учитывая свое сложное региональное и международное положение, выражала готовность установить дипломатические отношения с Анкарой без предусловий.

Ученые, изучающие турецко-армянские отношения, в большинстве отмечают обоюдно отрицательное восприятие странами друг друга. Из турецких исследователей профессор кафедры международных отношений Университета Фатих (Стамбул, Турция) Бюлент Араз и научный сотрудник

³⁵⁹ Матевосян С.М. Армяно-турецкие отношения в контексте теории конструктивизма и политического реализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. №3. 2009. С. 54.

³⁶⁰ Декларация о независимости Армении от 23.08.1990. [Электронный ресурс] // Национальное Собрание РА. URL: www.parliament.am/hdoc/Laws/ru/9t9w4k.html (дата обращения: 11.04.2022).

Хавва Каракаш-Келеш по этому поводу пишут: «Турция рассматривает Армению как государство, совершившее против нее и турецкого народа неправомерные действия; то же самое можно сказать и о восприятии Арменией Турции»³⁶¹. Характерной чертой исторического наследия обеих стран, согласно Аразу и Каракаш-Келешу, является отсутствие положительного аспекта, который мог бы покончить с исторической ненавистью и сформировать новые положительные отношения между ними: «Правильное решение придет лишь в том случае, если концепция исторического прошлого освободится от ультранационалистической идеологии восприятия и не будет похожа на ту концепцию прошлого, которая, как это происходит в случае с Турцией, по сути, принята официальной властью и дает готовые решения всех проблем»³⁶². Они также отмечают, что «внешнеполитический курс Анкары в отношениях с Ереваном формируется в зависимости от восприятия Турцией Армении. То же относится и к Армении»³⁶³.

Ключевыми проблемами, по мнению турецких исследователей, явились следующие: 1. исторический аспект, 2. давняя вражда между государствами, социальное конструирование, 4. национальная идентичность. Говоря о историческом восприятии друг друга, они подчеркивают, что: «В своих отношениях с Анкарой Ереван ставит во главу угла претензии относительно совершенного Османской империей (по утверждению Еревана) геноцида армян. Турция же выставляет обвинение в жестокостях, содеянных армянами во время Первой мировой войны и в годы карабахского конфликта»³⁶⁴.

³⁶¹ *Цит. по: Матевосян С.М.* Армяно-турецкие отношения в контексте теории конструктивизма и политического реализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. №3. 2009. С. 54.

³⁶² *Араз Б., Каракаш-Келеш Х.* Армяно-турецкие отношения: Критический анализ // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 4 (22) // www.ca-c.org/journal/rus-04-2002/13.bulprimru.shtml (дата обращения: 11.04.2022).

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ *Матевосян С.М.* Армяно-турецкие отношения в контексте теории конструктивизма и политического реализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 3. 2009. С. 54-60.

Армянский историк Эдик Минасян в своем исследовании, говоря о исторической памяти, особо выделяет «политику отрицания» Турции, результатом чего антиармянская политика была воспринята с армянской стороны как враждебная. Говоря о некоторых попытках нормализации отношений, армянский исследователь Е. Минасян отметит: «Проявленные шаги турецкого руководства по отношению к Армении можно объяснить геополитическими проблемами Турции и, в частности, его стремлением вступить в Евросоюз»³⁶⁵.

Недружественное, или даже враждебное, восприятие Турции в Армении, и наоборот, отображается также в общественных опросах, проводимых в обеих странах. За годы независимости в Армении картина почти не изменилась: Турция и Азербайджан традиционно воспринимаются как главные угрозы безопасности республики.

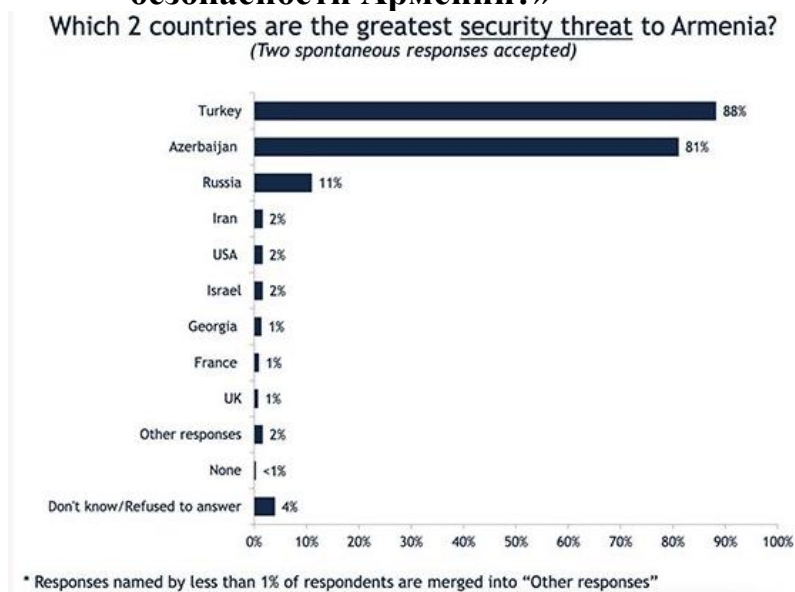
В конце 2021 г. американская организация IRI представила результаты опроса общественного мнения в Армении, где одним из вопросов был: «Какие страны являются главными угрозами безопасности Армении?». Подавляющее большинство опрошенных (88%) воспринимают Турцию как главную политическую угрозу для Армении, 77% респондентов считают основной политической угрозой для Армении - Азербайджан³⁶⁶ (см рис. 15). Последние также воспринимаются как главные политические угрозы (90% и 77% соответственно), и только 5% опрошенных считают, что для развития Армении отношения с Турцией должны развиваться. В итоге, по результатам опроса можно сделать вывод, что Турция воспринимается со стороны армян не только как угроза, но и как основной противник.

³⁶⁵ *Minasyan E.* "Հայ-թուրքական հարաբերությունները ՀՀ անկախության տարիներին." // *History and Culture. Journal of Armenian Studies.* 1 (2). 2021. P. 6-30.

³⁶⁶ *Public Opinion Survey: Residents of Armenia.* 2021. International Republican Institute [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-armenia/> (дата обращения 11.04.2022).

Рисунок 15

Результаты опроса «Какие страны являются главными угрозами безопасности Армении?»³⁶⁷

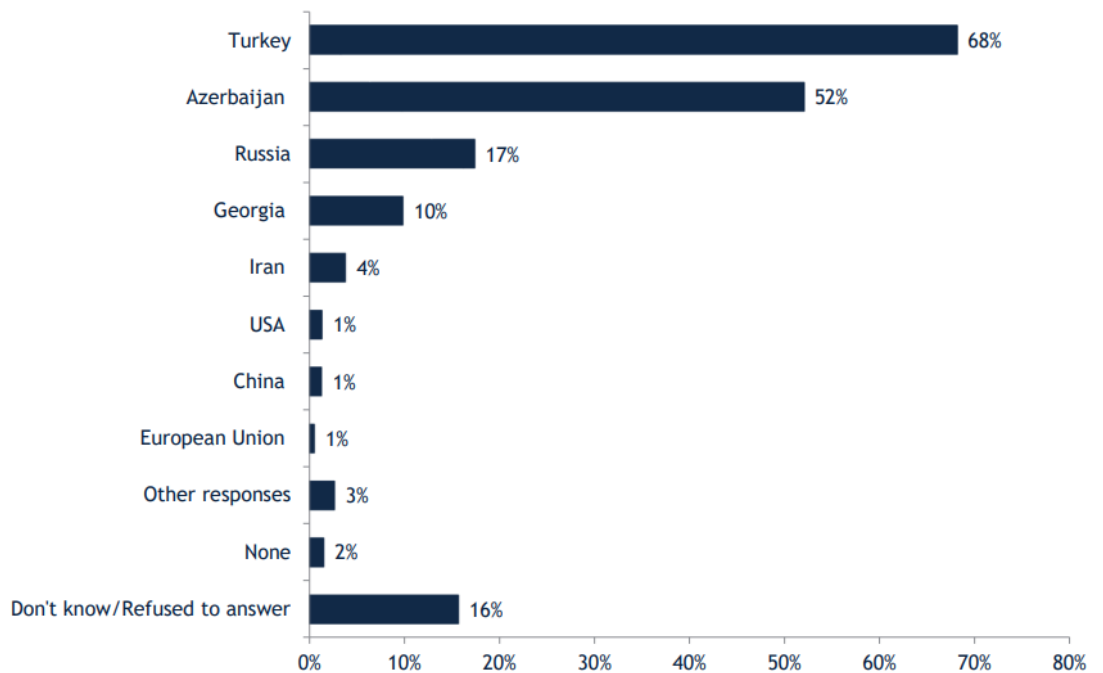
Респонденты также высказали свое мнение насчет возможных экономических связей с Турцией и Азербайджаном, где последние также считаются главными экономическими угрозами (68% и 52% соответственно). Около 59% считают, что открытие транспортных маршрутов с Азербайджаном негативно скажется на экономическом развитии Армении, а 27% - наоборот. Примерно такая же картина и с открытием границы с Турцией, где 53% опрошенных считают этот шаг неуместным.

³⁶⁷ Ինչպես են ՀՀ քաղաքացիները վերաբերվում Թուրքիայի հետ հարաբերություններին. ամերիկյան IRI կազմակերպությունը հարցում է անցկացրել [Электронный ресурс] // 168.am. 03.02.2022. URL: <https://168.am/2022/02/03/1647023.html> (дата обращения 11.04.2022).

Рисунок 16

**Результаты опроса по вопросу:
«Какие страны главные экономические угрозы для Армении?»**

Which 2 countries are the greatest economic threat to Armenia?
(Two spontaneous responses accepted)

* Responses named by less than 1% of respondents are merged into "Other responses"

Интересным является тот факт, что 47% респондентов выступают за диалог и нормализацию отношений с Турцией, при этом продолжая продвигать повестку признания геноцида армян. Около 26% опрошенных «в некоторой степени» выступают за нормализацию отношений с Турцией, 7% - против этого, а 18% - категорически против. 29% опрошенных считают, что Армения ни при каких обстоятельствах не должна стремиться к нормализации

отношений с Турцией. Около 15% частично разделяют этот подход, 25% - частично против этого, 25% - категорически против. 3% респондентов отказались отвечать на вопрос.

Результаты опросов представляет также армянское представительство «GALLUP International Association» (опрос был проведен в Ереване с 24 января по 2 февраля среди 800 граждан), чьи результаты разнятся с предыдущими. Так, 83,1% участников на вопрос «Какие страны вы считаете недружественными Армении?» выделили Турцию, а 81,7% - Азербайджан. В результате общественного опроса также было выявлено, что больше половины респондентов высказались против открытия армяно-турецкой границы. На вопрос «Одобряете ли вы открытие границы между Арменией и Турцией» жители Еревана ответили следующим образом: однозначно одобряют – 6,9%, скорее одобряют – 15,6%, скорее не одобряют – 7,6%, вообще не одобряют – 54,6%³⁶⁸.

Интересным является изучения также образа Армении в Турции, где картина также не менее удручающая. В 2011 г. в Турции Фондом политических, экономических и социальных исследований (SETA) были опубликованы данные соцопроса, которые демонстрировали отношение турков к различным этносам, в том числе к армянам. В этом опросе армяне оказались в группе самых недружественных соседей: армян недружественными считают 74% опрошенных; а как самыми доброжелательными оказались родственные к туркам азербайджанцы: им доверяют 82% опрошенных³⁶⁹.

По результатам проведенного в 2021 г. опроса, на первом месте среди угроз безопасности Турции находится именно Армения. Опрос был проведен

³⁶⁸ «GALLUP International»: 54,6% жителей Еревана против открытия армяно-турецкой границы. [Электронный ресурс] // Armeniatoday. 11. 02. 2022. URL: <https://armeniatoday.news/yerevan-ru/424382/> (дата обращения 11.04.2022).

³⁶⁹ Опрос. 74% турок не любят армян, 71,5% - евреев, 51,7% - русских: соцопрос в Турции. [Электронный ресурс] // REGNUM. 04.03. 2011. URL: <https://regnum.ru/news/1401402.html> (дата обращения 12.14.2022).

стамбульским университетом Кадир Хас. Ответы на вопросы о внешнеполитических вызовах свидетельствуют о том, что большинство респондентов считают Армению угрозой – 61%. Этот показатель по сравнению с предыдущими двумя годами увеличился: в 2019 г. такое мнение высказали 46% опрошенных; а в – 2020 г. 59%. а. Вслед за Арменией в первой пятерке списка представляющих угрозу стран следуют Израиль, США, Ирак и Кипр³⁷⁰.

Последние опросы 2021 г. демонстрируют, что восприятие Армении как угрозы для Турции сохраняется и опрошенные не рассматривают армян даже в качестве соседей³⁷¹. На вопрос: «Считаете ли вы, что Турция должна предпринять попытку восстановить свои отношения с Арменией?» 66,2% выступили против, положительно ответили 14,4%, 19,4% не определились в своем мнении.

Если сопоставить вышеизложенные результаты опроса в Армении, то можно констатировать, что, несмотря на «повестку мира» правящей элиты и деятельность различных групп интересов по нормализации отношений с Турцией, большинство населения Армении продолжает воспринимать Турцию как угрозу, а образ врага остается преобладающим в широких общественных настроениях.

Вопрос о восприятии Турции внутри армянской общественности и политической элиты стал более актуальным с объявлением политики достижения мира в регионе правящей партией «Мой шаг». В апреле 2021 г. в парламенте страны пример-министр Н. Пашинян, которого оппозиция обвиняла в протурецкой политике, на вопрос «являются ли турки врагами армян?» ответил: «То, что турки и азербайджанцы наши враги, даже не является предметом обсуждения. Они тоже считают нас врагами. Вопрос в

³⁷⁰ Опрос в Турции. Армения главная угроза. [Электронный ресурс] // 11.02.2022. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/31699501.html> (дата обращения 20.04.2022).

³⁷¹ Опрос был проведен стамбульским университетом Kadir Has в рамках исследования Turkey Trends – 2021, где был вопрос касающийся, в том числе, отношения жителей Турции к Армении.

другом: что нам делать с этой враждой? Я, например, во время встреч в областях говорю: как мы их считаем врагами, точно так же они нас считают врагом. Вопрос в том, что делать в этой ситуации, сколько можно наращивать вражду, какие действия нам нужно предпринимать»³⁷².

В этой связи, с активной фазой процесса нормализации отношений министр иностранных дел А. Мирзоян заявил, что Армения поддерживает процесс нормализации отношений с Турцией и «в целом население Армении хочет нормализовать отношения». По его словам, несмотря на то, что определенные группы, как в армянском, так и в турецком обществе скептически относятся к нормализации, опросы общественного мнения демонстрируют поддержку сближения между двумя странами³⁷³. Эти высказывания были негативно восприняты армянской оппозицией, которая враждебно относилась к «оттепели» в отношениях двух стран и придерживалась позиции, что Турция, имитируя процесс нормализации отношений, стремится помешать международному признанию геноцида армян и продолжает свою экспансионистскую политику.

Стоит отметить, что, несмотря на отрицательный образ Турции, армяне не отказываются от поездок и даже от трудовой миграции в Стамбул. Одни через какое-то время возвращаются в Армению, другие остаются в крупных городах. Интересным является то, что армяне, переехавшие в Турцию, не воспринимают турок как врагов и даже предпочитают устраиваться к ним на работу.

В Статистическом управлении Армении нет данных об отбывающих в Турцию лицах, но по данным исследования Алин Озинян 2009 г., в Стамбуле работало около 15 тыс. представителей Армении, 94% которых женщины. В

³⁷² Пашинян Н. «То, что турки и азербайджанцы наши враги, даже не является предметом обсуждения». [Электронный ресурс] // 14.04.2021. Hetq. URL: <https://hetq.am/ru/article/129664> (дата обращения 11.04.2022).

³⁷³ Население Армении за нормализацию отношений с Турцией - глава МИД. [Электронный ресурс] // TRTrussian. 15.03.2022. URL: <https://www.trtrussian.com/novosti/ararat-mirzoyan-naselenie-armenii-za-normalizaciyu-otnoshenij-s-turciej-8260569> (дата обращения 20.04.2022).

исследовании также было отмечено, что армянские женщины, многие с высшим образованием, освоив турецкий язык, предпочитают работать у турок гувернантками и домработницами, поскольку хозяева создают благоприятную атмосферу для работника³⁷⁴.

В продвижении положительного образа Турции существенную роль играет местная армянская община, представители которой после Второй карабахской войны объявили, что в регионе сформировались условия для долгосрочного мира и сотрудничества. Глава Союза армянских фондов Турции, председатель фонда больницы «Святой спаситель» (Surp Pirgiç) Б. Шириноглу представил позицию, что после изменения баланса сил на Южном Кавказе и из-за позиции Турции открываются возможности для мира и сотрудничества. «Армяне в Турции очень надеются на нормализацию отношений. Мы надеемся на нормализацию отношений между двумя соседними странами и сближение двух народов. Надеюсь, что позитивная тенденция воплотится в конкретные шаги, и раны войны вскоре канут в Лету. Турция, как ведущая страна региона, доведет этот процесс до желаемой точки. Процесс нормализации отношений с Арменией, отвечает интересам обеих стран»³⁷⁵ - сказал он. Говоря о значимости Турции, Б. Шириноглу подчеркнул: «Ясно одно. Рано или поздно, Турция и Армения наладят дружеские отношения. Ни сегодня, так завтра. Процесс нормализации отношений между Турцией и Арменией внесет позитивный вклад и в отношения Азербайджана и Армении, ускорив региональное сотрудничество и обеспечив мир»³⁷⁶. Однако в армянской общине в Турции нет единой позиции по турецко-армянскому процессу.

³⁷⁴ Женщины из Армении предпочитают работать у турок. [Электронный ресурс] // HETQ. 23.12.2014. URL: <https://hetq.am/ru/article/57906> (дата обращения 20.04.2022).

³⁷⁵ Армяне Турции поддерживают идею нормализации связей Анкары и Еревана [Электронный ресурс] // Анадолю. 04.12.2021. URL: <https://inlnk.ru/3ZJwY0> (дата обращения 20.04.2022).

³⁷⁶ Там же.

Основываясь на представленных статистических данных и исследованиях, можно сделать вывод, что отрицательное восприятие друг друга и трудная историческая память обеих стран настолько глубоки и сильны, что стали определяющими факторами в невозможности скорейшей нормализации взаимоотношений.

Вывод по главе. Таким образом, из всего вышесказанного можно выделить с выделением две стадии попыток нормализации отношений между государствами: первая - 2008-2010 гг. по инициативе Турции; вторая – с 2021 г., начатая после Второй карабахской войны по двухсторонней инициативе с активной позицией армянской стороны. Первая попытка не увенчалась успехом, так-как третья сторона в лице Азербайджана сыграла решающую роль в замораживании турецко-армянских протоколов. Также была проявлена незаинтересованность Турции из-за армянского фактора (страна имела небольшие экономические возможности, продолжала воспринимать Турцию как «врага», не отказывалась от процесса международного признания геноцида армян) ухудшать глубокие связи с Азербайджаном (страны реализовали и были связана крупными энергетическими и транспортными проектами, а Турцию азербайджанская общественность воспринимала как «большого брата»). Понимая свою региональную и геополитическую слабость, Армения была открыта к нормализации отношений, однако сталкивалась с оппозицией Турции, для которой она являлась всего лишь региональной недружественной страной с небольшим международным весом.

Собранные статистические данные дают нам возможность констатировать, что отрицательное восприятие друг друга и неоднозначная историческая память обеих сторон настолько глубоки и сильны, что стали определяющими факторами в невозможности нормализации взаимоотношений. Несмотря на попытки политики «мягкой силы» для возобновления контактов, образ и восприятие Турции среди армянского населения продолжает оставаться негативным с уклоном к вражде. Турция со

своей стороны воспринимает Армению как одну из главных угроз, а в региональной политике после Второй карабахской войны не торопится нормализовать отношения с армянской стороной.

Говоря о турецкой «мягкой силе» в Армении нужно подчеркнуть, что в силу сложного исторического прошлого, наличия нерешенных проблем двусторонних отношений, данная политика в полной мере не была реализована. Именно совокупность факторов и отсутствие каких-либо дипломатических связей между Арменией и Турцией вынуждают ученых в рамках анализа политики «мягкой силы» Турции на Южном Кавказе не рассматривать Армению как область исследования. Однако, даже в реалиях отсутствия отношений видно, что при этом активность Турции в регионе не понижается, а наоборот, становится более глубокой и многоуровневой. Она в полной мере использует «жесткую силу», последовательно укрепляет позиции «мягкой силой», посредством культурно-образовательной политики и активизации деятельности фондов и аналитических центров.

ГЛАВА 4. «МЯГКАЯ СИЛА» ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ ГРУЗИИ

В контексте своей политики на Южном Кавказе Турция особое место уделяет Грузии, которая в связи с трудностями в армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношениях приобрела роль надежного союзника не только к важным партнерам – Азербайджану и тюркоязычным странам, России, странам Центральной Азии, Ближнего Востока, Европе.

На фоне активизации региональной политики после 2002 г. Турция заявила о своих исключительных интересах в Грузии, которые включали в себя экономические, военно-политические и этнокультурные сферы. При анализе турецкого влияния на Грузию наиболее интересным и изученным является фактор турецкой «мягкой силы», которая является примером успешности на постсоветском пространстве. Используя экономические, культурные-образовательные и религиозные инструменты «мягкой силы», Турция обеспечила свое присутствие и добилась ощутимого влияния в Грузии. Однако данный процесс не был столь гладок и часто встречал противодействие со стороны других групп интересов, которые, ссылаясь на «исторический контекст», рассматривали Турцию не как «доброе соседство», а как «угрозу» внутренней безопасности.

4.1. Интересы Турции в Грузии

В регионе Южного Кавказа Грузия всегда находилась в зоне особых интересов Турции, а ее «стратегическое значение можно объяснить сочетанием политических, экономических, культурно-исторических и этнических факторов»³⁷⁷. Турция также отмечала стратегическое значение Грузии во своей внешней политике из-за ее географического положения, «имеющей выход на четыре важнейших геополитических пространства:

³⁷⁷ Areshev A. Turkey's policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms. Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus (4). 2016. P. 7-21.

Россию на севере, Центральную Азию на востоке, Ближний Восток на юге и Европу на западе»³⁷⁸.

С активизацией региональной политики после 2002 г. Грузия с турецкой стороны была определена как жизненно важная артерия и мост между Западом и Востоком, стратегическое расположение которой играет одну из ключевых ролей в реализации региональных и международных транспортно-логистических проектов.

После провозглашения независимости стран Южного Кавказа, свою деятельность активизировали как региональные, так и глобальные акторы международных отношений. Среди них Турция также стала проводить свою политику с целью создания своей зоны влияния. В условиях Карабахского конфликта, непростых армяно-турецких, армяно-азербайджанских взаимоотношений Грузия приобрела особую роль в региональной политике Турции. Проявляя высокий интерес и придавая особое значение логистическому потенциалу, Турция за последние десятилетия успешно развивала двусторонние отношения с Грузией, и достигла высоких успехов во всех сферах.

16 декабря 1991 г. Турция была первой страной, которая признала независимость Грузии. Дипломатические отношения между этими государствами установились 21 мая 1992 г., после того как Э. Шеварднадзе смог вернуться в Грузию и занять пост председателя Государственного совета, фактически главы Грузии. На политические изменения в Грузии Турция отреагировала положительно, после чего последовал визит премьер-министра Турции С. Демиреля в Грузию, а 30 июля 1992 г. состоялось подписание договора о «Дружбе и сотрудничестве»³⁷⁹, который стал основным документом двусторонних взаимоотношений.

³⁷⁸ Мгалоблишвили В.И. Основные направления внешней политики Республики Грузии: дисс. на соискание ученой степени канд. полит.наук: 23.00.04. / Пятигорск. 2016. С. 72.

³⁷⁹ Охрименко И. Турция и кризис на Кавказе. Некоторые политические и экономические аспекты [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2008г. 19 октября. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7652> (дата обращения: 09.09.2022).

Важность Грузии во внешней политике Турции также была отмечена в заявлении бывшего премьер-министра Турции М. Йылмаза, который во время своего официального визита в Грузию в 1998 г. подчеркнул исключительный интерес Турции в соседнем государстве и готовность наращивать сотрудничество во всех сферах³⁸⁰.

Двусторонние отношения между Турцией и Грузией начали стремительно развиваться в начале 2000-х гг. Активизация закавказского направления внешней политики Турции в этот период была связана с концепциями А. Давутоглу по пересмотру региональной политики, а также со сменой власти в Грузии после «Революции роз» в 2003 г.

Важным событием прозападной и протурецкой ориентации Грузии стала так называемая «Революция роз» в октябре 2003 г. и приход к власти М. Саакашвили, после чего в Концепции национальной безопасности Грузии 2005 г. приоритетами внешней политики страны было провозглашено членство в НАТО и ЕС, а также сотрудничество с Турцией³⁸¹. В этот период турецко-грузинские внешнеполитические отношения выражались взаимными визитами высокопоставленных лиц, турецкая поддержка Грузии в военной сфере и роль одного из главных военных доноров этой страны. В 2005 г. Турция предоставила ВС Грузии 1,550 млн долларов, в 2006 г. – 1,8 млн долларов, а в 2008 г. – 2,125 млн долларов³⁸².

Активизация политики Анкары сопровождалась уменьшением роли России, что особо проявилось после вооруженных конфликтов 2008 г. и признания Россией Абхазии и Южной Осетии. Турция, укрепив свои позиции, проявила особый интерес к роли лидера в регионе и сделала попытку

³⁸⁰ *Алексян Л.М.* Турецко-грузинские отношения в контексте региональной политики Турции на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2017. 4(4). С. 307. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320.

³⁸¹ Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г.). [Электронный ресурс] // 15.10.2010. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20100509/213153512.html> (дата обращения: 14.12.2021).

³⁸² *Алексян Л.М.* Турецко-грузинские отношения в контексте региональной политики Турции на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2017. 4(4). С. 308. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320.

заполнить лакуну, которая образовалась после расторжения отношений между Россией и Грузией³⁸³. Для достижения этого лидерства была предложена турецкая инициатива создания «Платформы сотрудничества и безопасности на Кавказе». В состав этой платформы планировалось включить три страны региона, Турцию и Россию³⁸⁴. В силу слабого регионального влияния Турции, существующих противоречий и конфликтов, отсутствия США и ЕС в инициативе данный план не был реализован³⁸⁵. В итоге Платформа продемонстрировала ограниченные возможности Турции³⁸⁶.

Однако с неудачей Платформы Турция не ослабила свою политику в регионе и продолжила продвигать свои интересы через развитие отношений в трехстороннем формате Грузия-Турция-Азербайджан. В итоге, 8 июня 2012 г. стороны подписали Трабзонскую декларацию, согласно которой стороны обязались поддерживать друг друга в международных организациях, сотрудничать в вопросе урегулирования конфликтов в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии, основываясь на международно-признанных границах Азербайджана и Грузии, развивать сотрудничество в вопросах экономики, культуры, инфраструктуры и прямых капиталовложений и т.д.³⁸⁷

Таким образом, при сложных армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношениях, Грузия стала единственным и надежным выходом для Турции в Азербайджан и центральноазиатские тюркоязычные государства.

³⁸³ Алексанян Л.М. Турецко-грузинские отношения в контексте региональной политики Турции на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2017. 4(4). С. 308. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320.

³⁸⁴ Манчхашвили М. Турция и безопасность Южного Кавказа: Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Том 13(4). С. 101.

³⁸⁵ Aras B., Akpınar P. The Relations between Turkey and the Caucasus / B. Aras, P. Akpınar // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. Autumn. Vol. XVI. № 3. P. 64.

³⁸⁶ Balcı B. Strengths and Constrains of Turkish policy in the South Caucasus [Электронный ресурс] // Carnegie. 08.05.2014. URL: <https://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-south-caucasus-pub-55945> (дата обращения: 10.12.2022).

³⁸⁷ Trabzon Declaration Of The Ministers Of Foreign Affairs Of The Republic Of Azerbaijan, Georgia And The Republic Of Turkey [Электронный ресурс] // 08.06.2012. URL: https://www.mfa.gov.tr/trabzon--declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and-the-republic-of-turkey_-08-june-2012_-trabzon.en.mfa (Дата обращения 12.11.2022)

Также, наряду с Азербайджаном, Грузия приобрела роль стратегического союзника в регионе.

Характер турецко-грузинских отношений был переосмыслен грузинской стороной после 2012 г., что было обусловлено внутренними и внешними преобразованиями. В октябре 2012 г. оппозиционная коалиция «Грузинская мечта», одержав победу на парламентских выборах, начала искать пути диверсификации внешней политики страны и объявила о приверженности прагматичной политики в регионе. Новая политическая элита обвинила президента М. Саакашвили в том, что его антироссийская, явно прозападная и, в контексте этого, протурецкая, политика Грузии привела страну к политической, экономической и энергетической зависимости не только от Турции, но и от Азербайджана. Чтобы как-то противодействовать дальнейшему углублению этого влияния, «Грузинская мечта» разработала и приняла в парламенте резолюцию о направлениях внешней политики Грузии, согласно которой Грузия должна проводить курс на сохранение прозападного ориентира и одновременно отказаться от яростной антироссийской риторики в пользу диалога с Россией³⁸⁸. Однако, Грузия, не отказываясь от Турецкого и Азербайджанского экономического влияния, начала искать альтернативу энергетического баланса в сотрудничестве с Ираном и Россией.

Турецко-грузинские отношения с 19 июля 2016 г. развивались на основе нового формата – Совета стратегического сотрудничества высокого уровня. Первая встреча в этом формате прошла в Анкаре на уровне премьер-министров, во время которой был подписан Анкарский договор, который касался всех направлений сотрудничества³⁸⁹. В последующие годы именно в рамках этого совета стороны подтверждали готовность активного

³⁸⁸ Полный текст резолюции «О направлениях внешней политики Грузии» [Электронный ресурс] // Sputnik. 2013. 3 августа. – URL: <https://sputnik-georgia.ru/20130308/215583721.html> (дата обращения: 21.04.2022/)

³⁸⁹ *Иванова И.И.* Динамика развития отношений: Турция и Южный Кавказ в XXI в., Политическая трансформация на мусульманском востоке: опыт Турции и других стран. М.: Труды Института востоковедения РАН, 2019. Вып. 20. С. 240.

сотрудничества и углубления стратегического партнерства, укрепляли межгосударственные связи и развивали торговлю.

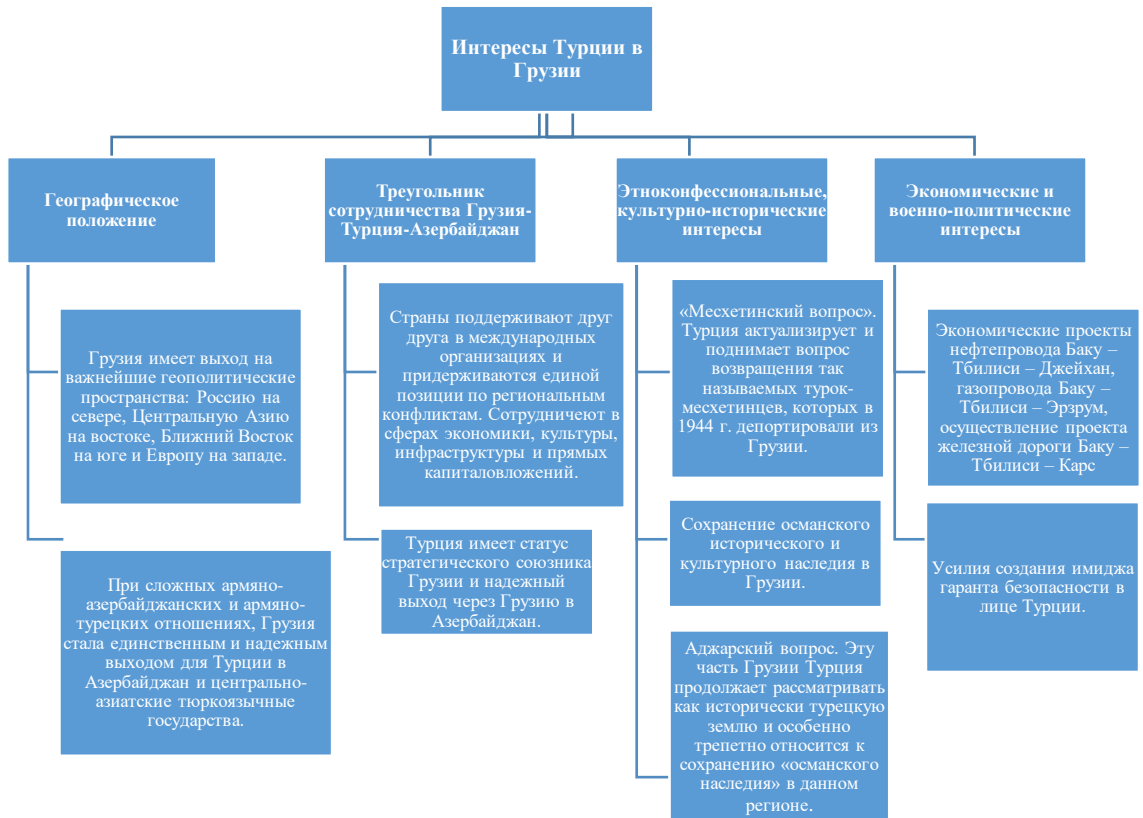
После Второй карабахской войны Баку и Анкара объявили о создании платформы «3+3», в которую, помимо Азербайджана и Турции, должны были войти Россия, Грузия, Иран и Армения. Именно Грузия стала той стороной, которая отказалась участвовать в новом формате. В частности, глава МИД Грузии Д. Залкалиани объявил, что «на данном этапе не видит возможности совместного с Россией участия Грузии в новых региональных форматах»³⁹⁰. Грузия опасалась, что в данном формате у нее будут очень слабые позиции, так как Тбилиси не устраивает не только участие России, но и отсутствие Запада, ключевых партнеров республики - США и ЕС.

Рисунок 17

Интересы Турции в Грузии³⁹¹

³⁹⁰ Платформа «3+3» – вопросов больше, чем ответов [Электронный ресурс] // Спутник Азербайджан. 02.11.2021. URL: <https://az.sputniknews.ru/20211102/platforma-33--voprosov-bolshe-chem-otvetov-434787525.html> (Дата обращения 12.02.2022)

³⁹¹ Рисунок составлен автором

Тем не менее, в турецко-грузинских отношениях существует и множество проблем, среди которых Грузию особо беспокоят *контакты турецкого руководства с Абхазией и Южной Осетией*. Так, 19 февраля 2016 г. глава МИД Турецкой Республики М. Чавушоглу на трехсторонней встрече с Азербайджаном и Грузией заявил, что Абхазия и Южная Осетия являются частью Грузии, а Нагорный Карабах – частью Азербайджана³⁹². Несмотря на такого рода заявления, Турция развивала отношения с Абхазией и не ограничивала антигрузинскую деятельность 700-тысячной абхазской общины Турции³⁹³. В 2014 г. Абхазию посетила официальная делегация парламента Турецкой Республики, также совершались визиты абхазских делегаций в Турцию, чему последовала активизация турецкого бизнеса в

³⁹² Р. Каранетян «Расширяющееся сотрудничество между Турцией, Грузией и Азербайджаном» 21-й век. // № 1 (42), 2017. С. 92.

³⁹³ Çelikpala M. From a failed state to a weak one? Georgia and Turkish-Georgian relations // The Turkish Yearbook. 2005. Vol. 36. P. 180.

Абхазии и создание турецко-абхазских ассоциаций³⁹⁴. Грузия не раз выражала свой протест насчет налаживания таких отношений между Турцией и Абхазией в обход Тбилиси, но решительных успехов не добивалась.

Стоит отметить, что Турция спокойно реагировала на попытки Южной Осетии в отношении налаживания двухсторонних отношений. Во время пребывания в Стамбуле министр иностранных дел Республики Южная Осетия Д. Медоев вручил Р. Канукати удостоверение Полномочного Представителя МИД РЮО и дипломатический паспорт РЮО. Данный шаг подразумевает наличие политических и дипломатических отношений между Анкарой и Цхинвали³⁹⁵. Такими контактами Турция стремится обеспечить свое присутствие и продвигать свои интересы не только в признанных, но и непризнанных государствах Южного Кавказа.

Важным аспектом политики Турецкой Республики по отношению к Грузии также является *«месхетинский вопрос»*. Турция актуализирует и поднимает вопрос возвращения так называемых турок-месхетинцев, которых в 1944 г. депортировали из Грузии. После распада СССР именно под координацией Турции возобновились попытки возвращения турок-месхетинцев на родину, после чего данная проблема стала неотъемлемой частью повестки двусторонних турецко-грузинских отношений. Однако дальнейшая позиция Грузии демонстрировала, что грузинское руководство не заинтересовано в возвращении турок-месхетинцев, так как последние внутри страны смогут создать новую среду, которая будет под контролем Турции.

Такая позиция Грузии вызывает недовольство со стороны Турции, которая добивается компактного переселения турок-месхетинцев в Самцхе-Джавахеги. Этот вопрос имеет для Турции стратегическое значение: Анкара стремится населять своих соплеменников в регионе Самцхе-Джавахеги Грузии, который преимущественно населен армянами, создавая

³⁹⁴ Геворгян А.Г. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века / А.Г. Геворгян А. В. Еномян Л.А. Мелконян // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). С. 80. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037. – EDN GUAXWM.

³⁹⁵ Там же

благоприятные условия для распространения своего влияния в этой части Грузии.

Еще одним аспектом взаимных интересов стран является *безопасность и военное сотрудничество*, в рамках чего Турция стала проводником для Грузии в евроатлантические структуры. Грузия установила первые контакты с НАТО, присоединившись в 1992 г. к Совету североатлантического сотрудничества, а в 1994 г. – к программе «Партнерство ради мира». Одним из важнейших документов в военной сфере стало Соглашение о военном сотрудничестве, подписанное в марте 1999 г. После чего грузинская политическая элита охарактеризовала турецко-грузинские военные взаимоотношения как «стратегическое партнерство»³⁹⁶.

С 2012 г. проходят турецко-грузино-азербайджанские военные учения «Кавказский орел» с участием сил специальных операций трех стран, а в мае 2017 г. в Батуми на очередной встрече министров обороны трех стран была подчеркнута необходимость более глубокого военного сотрудничества Турции-Грузии-Азербайджана. Говоря о значимости Грузии, турецкие исследователи П. Акпынар и Б. Арас утверждают, что «в интересах Турции продолжать позитивные отношения с Грузией, учитывая безопасность границ и энергетические ресурсы»³⁹⁷.

Экономические интересы также имеют ключевое значение в сотрудничестве двух стран, и базируются на договоре «О торговле и экономическом сотрудничестве» (1992 г.) и на «Соглашении о свободной торговле» (2007 г.). Развитие этих взаимоотношений определяется стремлением Грузии максимально успешно реализовать свой транзитный потенциал в новых энергетических и транспортных проектах региона. Торговые связи охватывают такие области экономики, как энергетика, туризм,

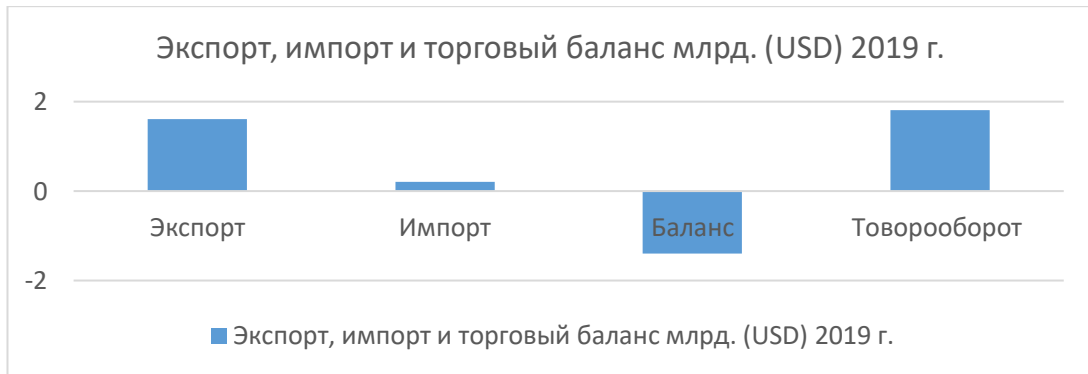
³⁹⁶ Uslu N. The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period // Turkish Journal of International Relations. Ankara, 2003. Vol. 2. № 3&4. P. 172.

³⁹⁷ Aras B., Akpınar P. The relations between Turkey and the Caucasus. Perceptions. 2011; 3(16): P.54.

финансы, транспорт и т.д. Турция является крупнейшим торговым партнером Грузии с объемом двусторонней торговли в 1,8 млрд долларов США в 2019 г. (см. рис. 18).

Рисунок 18

Экспорт, импорт и торговый баланс между Турцией и Грузией. 2019 г.³⁹⁸

Согласно вышеуказанным данным, становится понятно, что дисбаланс турецко-грузинской торговли достаточно высок, что говорит о неспособности грузинской экономики занять достойное место на турецком внутреннем рынке. Похожая ситуация и в области инвестиций. Для улучшения ситуации многие турецкие компании работают в Грузии в сферах строительства, промышленности, услуг, логистики. Также осуществляют деятельность в таких стратегически важных проектах, как железнодорожное строительство, строительство нефтяных трубопроводов и гидроэлектростанций, модернизация и управление аэропортами и службами полетов, банковское дело и т.д.

Тем не менее, *логистическая роль* Грузии в энергетической политике Турции достаточно значима. Например, участие Грузии в каспийских энергетических проектах в качестве страны обеспечивающей транзит, повысило значение Тбилиси во внешней политике Турции и сделало эти страны взаимозависимыми. Турецкие экономические интересы в Грузии обусловлены также тем, что Грузия рассматривается как коридор для выхода

³⁹⁸ საქართველოს სტატისტიკის ეროვნული სამსახური [Электронный ресурс] // Национальное статистическое управление Грузии. URL: <http://ex-trade.geostat.ge/ka>. (Дата обращения 12.02.2022)

на европейские рынки и в Азербайджан. В экономическом аспекте важную роль сыграли успешные проекты нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровода Баку – Тбилиси – Эрзрум, строительство железной дороги Баку – Тбилиси – Карс (БТК), завершившееся в 2017 г.³⁹⁹ Имея протяженность 826 км, БТК соединила Азербайджан, Грузию и Турцию, и связала европейские страны со странами Азии, минуя Россию и Армению. С февраля 2016 г. также начался транзит электроэнергии (около 80 мегаватт мощности) из Азербайджана в Турцию через Грузию. Фактически Грузия приобрела для Турции статус транзитной сервисной страны⁴⁰⁰.

Таким образом, зона интересов Турции распространяется не только на политическую, военно-стратегическую, экономическую, транспортно-логистическую, этноконфессиональную сферы в Грузии, но планомерно реализует свои внешнеполитические цели, особенно в Грузии, основываясь на политике «мягкой силы» с использованием государственных и негосударственных организаций.

Однако, как и в случае с Арменией, историческое прошлое и образ «завоевателя и угрозы» в лице Турции не дают возможность в полной мере реализовать политику «мягкой силы» Турции в Грузии. Главными проблемными вопросами остаются противоречия в религиозной, территориальной и этнической плоскостях, для преодоления которых турецкая «мягкая сила» не имеет необходимых ресурсов. Несмотря на данные факторы, Анкара добилась очень многих побед в военно-политической, экономической, культурной сферах, и, используя весь инструментарий «мягкой силы», смогла позиционировать себя как одного из важных союзников Грузии, без сотрудничества с которой Тбилиси не сможет достичь своих внешнеполитических целей.

³⁹⁹ *Sayin F. M., & Dogan M.* (2017). Political relations between Turkey and Georgia in the post-soviet era. // *Journal of Liberty and International Affairs*. № 3 (2). P. 42–54.

⁴⁰⁰ *Алексамян Л.М.* Турецко-грузинские отношения в контексте региональной политики Турции на современном этапе. // *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(4): С. 307.

4.2. Государственные и негосударственные институты в политике «мягкой силы» Турции в Грузии

Сразу после распада СССР и признания Турцией независимости Грузии (16 декабря 1991 г.) турецкие государственные и негосударственные организации стали активно внедряться в культурную, экономическую, научно-техническую и образовательную среду в Грузии. Грузинская политическая элита со своей стороны, понимая потенциал торгово-экономической и инвестиционной выгоды, не противодействовала проявлениям турецкой «мягкой силы», которая очень деликатно развивала культурное сотрудничество и продвижение турецкого языка, также активизировала сотрудничество в области образования и науки.

Говоря об успешности политики «мягкой силы» Турции в регионе А. Давутоглу, указывая на состояние взаимоотношений с Турцией, подчеркивал, что Грузия является «наиболее ярким примером успеха Турции в регионе»⁴⁰¹. Основными направлениями политики «мягкой силы» Турции в Грузии стали: культурное сотрудничество и развитие турецкого языка; сотрудничество в сфере образования и науки; экономическое сотрудничество; религиозные связи (в определенных регионах).

Турецкая политика «мягкой силы» не отводила на второй план экономическое и военно-политическое сотрудничество, а наоборот, после успешного наращивания своего присутствия в этих сферах «второй волной» обеспечивала продвижение турецкой культуры и языка в Грузии. Помимо министерства иностранных дел, министерства туризма и культуры, министерства общественной дипломатии, в Турции были созданы несколько крупных ведомств для введения данной политики. В Грузии активную деятельность ведут Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТІКА), Фонд Юнуса Эмре и Управление по делам религии Турции

⁴⁰¹ Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: An assessment of 2007. // Insight Turkey. 2008. № 1(10). P. 77-96.

(Diyanet)⁴⁰². Различные виды деятельности и направленности этих организаций подчинены одной идее – продвижению политики Турции в Грузии.

Турецкое агентство ТІКА, образованное в 1994 г., сразу начало активную деятельность в Грузии, осуществляя крупные проекты не только в культурно-образовательной сфере, но и в экономике, здравоохранении, туризме и т.д. На постсоветском пространстве Грузия по числу и масштабам проектов ТІКА занимает второе место после Киргизии⁴⁰³. Благодаря этому проекту в Грузии строились школы и другие образовательные учреждения. Одним из главных достижений организации ТІКА после 2000 г. явился масштабный проект «Тюркология», в рамках которого грузинские университеты стали внедрять в свои учебные программы турецкий язык и основы турецкой культуры. В настоящее время ТІКА продолжает в Грузии свою активную деятельность.

Среди инструментов «мягкого воздействия» особую роль играет *Институт Юнуса Эмре*, созданный в 2007 г. Во время активной фазы турецкой политики «мягкой силы», институт взял в основу своей деятельности продвижение и обучение турецкой культуре, истории, языку и литературе⁴⁰⁴ и продвигает эту идею во всем мире. Институт со дня основания успел открыть по всему миру 58 филиалов. В 2011 г. филиал был открыт также в Тбилисском государственном университете имени И. Джавахишвили⁴⁰⁵. По его данным «жители Грузии проявляют интерес не только к турецкому языку, но и культуре»⁴⁰⁶.

⁴⁰² Енокян А.В., Закарян С.Б., Турава Г.М. Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в // Вопросы истории. 2021. № 8-1. С. 19.

⁴⁰³ Aleksanyan L.M. The “soft power” policy of Turkey towards Georgia // MGIMO Review of International Relations. 2 (47). 2016. P. 72-79.

⁴⁰⁴ Vizyon – Misyon 2023 Vizyonu. [Электронный ресурс] // Yunus Emre Vakfi. URL: <https://www.yee.org.tr/tr/kurumsal/vizyon-misyon> (Дата обращения 12.02.2022)

⁴⁰⁵ Сафонкина Е. А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. Т. 9. С. 145

⁴⁰⁶ Жители Грузии проявляют интерес к курсам турецкого языка. [Электронный ресурс] // Anadolu Agency. 18.02.2020. URL: <https://inlnk.ru/YAjpXp> (Дата обращения 10.03.2022)

Благодаря деятельности Управления по делам религии *Диянет*, Турция ведет активную религиозно-просветительскую деятельность среди исламских верующих Грузии, знакомит их с турецкой интерпретацией ислама, тем самым расширяя свое влияние на мусульманское меньшинство страны. Следует отметить, что *Диянет* имеет тесные связи с муфтиятом – официальным органом, представляющим интересы аджарских мусульман⁴⁰⁷. *Диянет* также осуществляет реставрации и строительства мечетей, активно набирает грузинских студентов в религиозно-просветительские курсы по исламу и т.д.

Продвижением турецкой культуры и изучением «общего османского наследия» напрямую занимается также турецкое правительство, важным успехом которой стал формат «стратегического совета» между Грузией и Турцией, в рамках которого в 2017 г. Турция смогла добиться обязательств со стороны Грузии начать реставрировать памятники османского наследия, создать совместную рабочую группу по вопросам реставрации памятников материальной культуры. Страны также объявили о сотрудничестве в таких сферах искусства, как театр, кино и литература. Турция получила доступ к большому количеству архивных материалов, а Грузия взяла на себя обязательство содействовать турецким представителям в поиске информации и документации, хранящихся в национальных и ведомственных архивах (фотографии, проекты, гравюры, карты и др.)⁴⁰⁸

Особо интересным для исследования турецкой политики «мягкой силы» в Грузии является сфера *образования*. Как показывают статистические данные, турецкое высшее образование является очень популярным для грузинских студентов. В основном обучающиеся получают образование в государственных университетах. По данным 2013-2018 гг., уехавшие из Грузии студенты учатся примерно в 80 турецких вузах, большинство – в

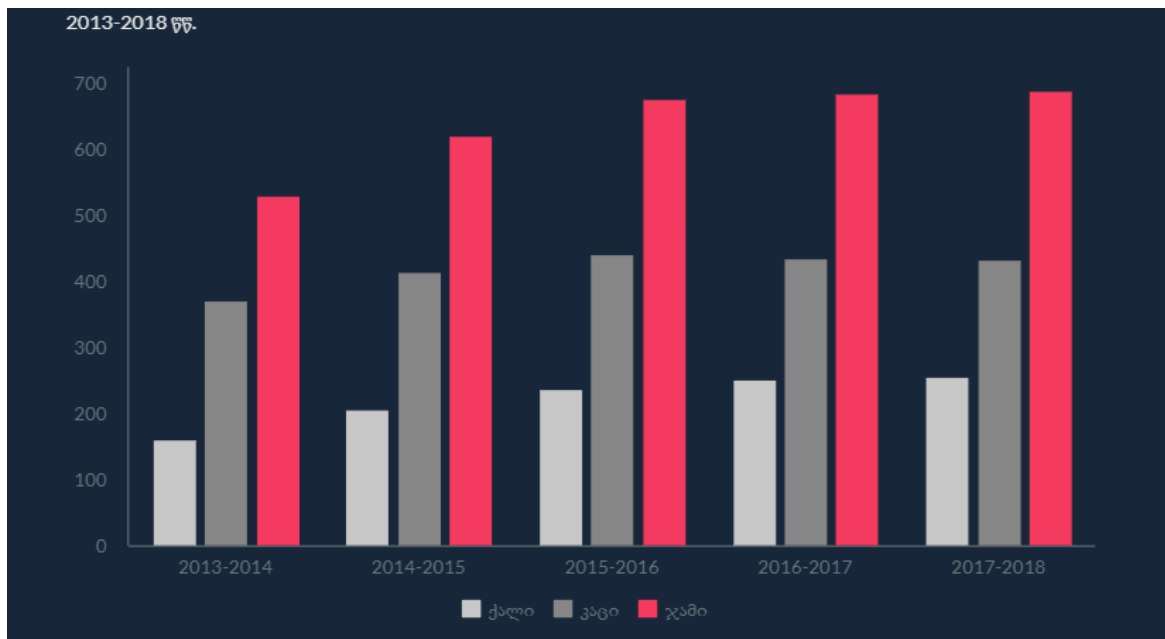
⁴⁰⁷ *Ivanov V. Religious dimension of Turkey's policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church. // Central Asia and the Caucasus. 2011;3(12):79-90.*

⁴⁰⁸ Грузия планирует реставрировать памятники османского наследия [Электронный ресурс] // *EurAsia Daily*. 24.05.2017. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/24/gruziya-planiruet-restavrirovat-pamyatniki-osmanskogo-naslediya> (дата обращения: 11.10.2022).

университете Реджепа Тайипа Эрдогана в Ризе⁴⁰⁹. Согласно статистике Министерства образования Турции, в 2018 г. в турецких университетах обучались 689 студентов из Грузии: 256 женщин и 433 мужчин. Показатель был самым высоким за последние пять лет (см. рис. 19).

Рисунок 19

Количество грузинских студентов в Турции (2013–2018 гг.)⁴¹⁰

первый столбец – женщины, второй – мужчины, третий – всего студентов

⁴⁰⁹ Енокян А.В., Закарян С.Б., Турава Г.М. Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в // Вопросы истории. 2021. №. 8-1. С. 25.

⁴¹⁰ საქართველოდან თურქეთში სასწავლებლად წასული სტუდენტების რაოდენობა [ინფორმაცია] [Электронный ресурс] // URL: <https://batumelebi.netgazeti.ge/news/152038/> (дата обращения: 06.03.2022).

В грузинской образовательной среде особое место занимают турецкие негосударственные учебные заведения и университеты. Самые известные и активные среди них те, которые были основаны организацией «Фетхуллахчылар» (также известна как «Хизмет»), лидером которой является Фетхуллах Гюлен. Деятельность данной организации до 2016 г. полностью поддерживалась турецким руководством. Однако, после неудавшегося государственного переворота 15 июля 2016 г., в организации которого обвинялись гюленисты, государство перестало поддерживать проект и, более того, начало активную борьбу против движения. Представители данной организации появились в Грузии еще в 1980-х гг., но активную и открытую деятельность начали вести после распада СССР и подписания «рамочного договора» в 1992 г. между Турцией и Грузией⁴¹¹. Основной целью движения в Грузии стало приобретение влияния в образовательной среде и образовательной политике страны в целом⁴¹². Гюленовские учебные организации не только занимались преподаванием и образовательными программами, но и явились активными участниками внешнеполитической стратегии Турции. Под покровительством гюленовской организации «Учебно-просветительские заведения в Грузии» (образовательная сеть «Чаглар») в Грузии действовали семь школ-лицеев. После запрещения движения «Хизмет» две из них закрылись.

Национальный центр Грузии по развитию качества образования в августе 2017 г. приостановил авторизацию колледжа имени Демиреля, а в феврале была приостановлена авторизация престижной школы-лицея имени

⁴¹¹ Кудаяров К.А., Балджи Б. Каковы перспективы движения Фетхуллаха Гюлена в странах Центральной Азии после неудавшегося переворота в Турции? — Социальные и гуманитарные науки. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 4.

⁴¹² Ivanov V. Religious dimension of Turkey's policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church. Central Asia and the Caucasus. 2011. Vol. 12. Iss. 3. P. 81.

Реффадина Шахина⁴¹³. Часть общественности и многие грузинские эксперты считают, что причина крылась не в нарушениях, а в выполнении властями Грузии требований Турции закрыть гюленовские учебные организации.

Анкара оказала давление на Тбилиси и в вопросе университетов. Под ударом оказался Международный черноморский университет (IBSU), который функционировал с 1995 г. и стал одним из самых популярных в Грузии. В августе 2018 г. Совет авторизации высших учебных заведений Грузии на год лишил Черноморский университет права принимать новых студентов, объясняя это финансовыми проблемами вуза⁴¹⁴. Министерство образования Грузии отвергало политическую составляющую в вопросах гюленовских учебных заведений в стране, однако бывший министр образования Гия Нодия и эксперты выразили уверенность, что столь жесткие меры в отношении сразу нескольких школ сети Чаглар и Черноморского университета дают лишний повод обвинить грузинские власти в потакании интересам Турции⁴¹⁵.

Таким образом, борьбой против гюленистов Турция нанесла сильный удар и ослабила свою политику «мягкой силы» в регионе Южного Кавказа, а попытки замены гюленовских учреждений на новые турецкие инициативы и организации не увенчались полным успехом.

Последующие годы (2008-2011 гг.) Анкара по отношению к Тбилиси начала реализовывать масштабные инициативы, которые исходили из принципа «доброжелательного соседства» и внесли большой вклад для распространения положительного образа Турции. В этот период для реализации своих целей Турция активно внедрила и использовала весь инструментарий своего потенциала мягкого воздействия. Среди них стоит

⁴¹³ Kasatkin P., Avatkov V. The soft power of migration – a hard task for the European union. Defence & Security Analysis. 2014. P. 3.

⁴¹⁴ Турецкие школы в Грузии – жертвы политического давления? [Электронный ресурс] // Jam-news. 06.11.2017. URL: <https://hromadske.ua/ru/posts/turetskye-shkoly-v-hruzyy-zhertyvy-polytycheskoho-davleniya> (дата обращения: 06.03.2022).

⁴¹⁵ Черноморский университет в Тбилиси лишился первокурсников. Правозащитники считают, что виновата Турция [Электронный ресурс] // Би-би-си, Тбилиси. 28.09.2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45657769> (дата обращения: 06.03.2022).

отметить политические связи; государственные и негосударственные организации; экономическую и инвестиционную деятельность; региональные организации и платформы для позиционирования себя как лидера; этно-религиозные отношения; образование, трудоустройство, туризм.

В итоге, турецкая политика мягкой силы в лице вышеперечисленных институтов, движений и организаций успешно продвигала ценности и положительный имидж Турции в Грузии. Обязательство обеспечения взаимосвязи между государственными и негосударственными учреждениями взяла на себя Министерство общественной дипломатии при премьер-министре Турции, этим демонстрируя заинтересованность государства в координации и развитии публичной дипломатии как инструмента внешней политики. Несмотря на трудности, связанные с деятельностью гюленистов и их запретом, турецкое воздействие активизировалось в сферах культуры и образования, на территориях, населенных преимущественно мусульманами (Аджария, Квемо-Картли), чем, безусловно, вызывало беспокойство грузинского руководства и некоторых слоев общества⁴¹⁶.

4.3. Восприятие и эволюция имиджа Турции в Грузии

Одна из главных целей представленной нами политики «мягкой силы» Турции в Грузии является создание положительного имиджа, распространение которого достаточно успешно реализуется с использованием государственных и негосударственных организаций. Привлекательный имидж турецкой модели развития выражался не только среди общественных кругов, но и среди высокопоставленных политиков. Как пример стоит привести заявление президента Грузии М. Саакашвили 2006 г о роли Турции во внешней политике

⁴¹⁶ Енокян А.В., Закарян С.Б., Турава Г.М. Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в // Вопросы истории. 2021. №. 8-1. С. 30.

Грузии: «Турция – великая страна, близкий друг Грузии и модельная страна для нее»⁴¹⁷.

О трансформации восприятия Турции яркое описание дал директор Кавказского проекта в Центре стратегических и международных исследований Зейно Баран: «В прошлом Грузия обращалась к русским за помощью против османов, но сегодня она получает военную, экономическую и политическую помощь от Турции»⁴¹⁸.

Как уже говорилось выше, основными ведомствами и институтами, реализующими политику Турции в Грузии, стали выступать Министерство иностранных дел, Министерство туризма и культуры, Министерство общественной дипломатии, Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТІКА), Фонд Юнуса Эмре и Управление по делам религии Турции (Diyanet). Также для этих целей в Турции был создан в январе 2010 г. Офис общественной дипломатии, созданный при премьер-министре Турции, который занимался распространением позитивного имиджа в Грузии, а также «для координации работы общественных агентств и неправительственных организаций в сфере общественной дипломатии»⁴¹⁹.

В скором времени активная деятельность турецких государственных и негосударственных организаций, которая усилилась позицией правящей элиты Грузии, дала положительные результаты. Главным показателем стала Концепция национальной безопасности Грузии 2011 г., где Турции была уделена роль регионального лидера и важного военного партнера страны, сотрудничество с которой выделялась как приоритетное направление⁴²⁰. В

⁴¹⁷ *German T.* Regional cooperation in the South Caucasus: Good Neighbors or Distant Relatives? London: Routledge, 2016. P. 54

⁴¹⁸ *Baran Z.* Turkey and the Caucasus. Turkish Foreign Policy in post Cold War Era. Ed. by Bal I. Brown Walker Press, 2004. P. 280.

⁴¹⁹ *Balci B.* Strengths and Constrains of Turkish policy in the South Caucasus [Электронный ресурс] // Carnegie. 2014. June 18. URL: <https://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-south-caucasus-pub-55945> (дата обращения: 14.11.2022).

⁴²⁰ National Security Concept of Georgia [Электронный ресурс] // Civil Georgia. 2011. February 19. URL: https://gfsis.org.ge/media/download/GSAC/resources/National_Security_Concept_Georgia.pdf (дата обращения: 15.11.2022).

данной концепции Россия была определена как угроза и враг, а Турция – напротив получила статус ключевого партнера по безопасности и экономики.

2008-2011 гг. турецкую политику «мягкой силы» и создание положительного образа в Грузии можно оценить, как наиболее успешную. Это подтверждают не только принятые концепции, но и активные политические связи, а также данные официальных визитов Реджепа Тайипа Эрдогана в Грузию как в роли премьер-министра (2003-2014 гг.), а затем – президента (с 2014 г.).

Важным достижением в укреплении межнациональных связей стало упрощение визового режима между странами, в рамках которого 31 мая 2011 г. был подписан договор об упрощенном пересечении турецко-грузинской границы, а с 10 декабря 2011 г. граждане Турции и Грузии получили право пересекать границу по внутренним паспортам. Данные договоры сильно повлияли на дальнейшее сближение двух государств и способствовали увеличению численности грузинских граждан, которые стали искать работу, обучаться, путешествовать и отдыхать в Турции. После данного шага Турция начала восприниматься не только как военно-политический союзник, но и стала страной для заработка, получения качественного образования, культурного обмена и отдыха.

Показателем заинтересованности населения Грузии в турецкой культуре, заработке и туризме стали статистические данные. Из рис. 20 видно, что в 2005 г. число грузинских мигрантов и туристов в Турции составило 367148 человек, в 2010 г. – 1109615, а в 2012 г. – 1346712⁴²¹.

Рисунок 20

Число грузинских мигрантов и туристов в Турции⁴²²

⁴²¹ Georgian Diaspora and Migrant Communities in Germany, Greece and Turkey: Transnational realities and ties with Georgia. Vienna: International Centre for Migration Policy Development, 2014. P. 81.

⁴²² Там же

Таким образом, благодаря инструментам «мягкой силы», Турции удалось укрепить свои позиции, улучшить образ своей страны в Грузии и приобрести не только экономические и военно-политические, но и культурные рычаги для достижения внешнеполитических целей. Говоря о походах Турции к Грузии, А. Давутоглу отмечал, что, если «хотите внести свой вклад в региональный и глобальный мир, вы должны говорить изнутри. Вы не должны навязывать. Вы не должны диктовать»⁴²³.

С 2012 г. турецкая сторона снизила свою активность в Грузии. Это показывала динамика и направления зарубежных визитов Р.Т. Эрдогана, который с 2012 г. ни разу не посетил Грузию, хотя турецкая дипломатия продолжала использовать многосторонние форматы взаимодействия государственных и негосударственных организаций для продвижения своего положительного образа.

Также снизилась заинтересованность с грузинской стороны, так как на парламентских выборах 2012 г. победила оппозиционная коалиция «Грузинская мечта», которая нацелилась корректировать и диверсифицировать внешнеполитические ориентиры Грузии. Переломной

⁴²³ Chkhikvadze I. Zero problems with neighbors: The case of Georgia [Электронный ресурс] // Turkish Foreign Policy. Summer 2011. P. 3. URL: <http://turkishpolicy.com/article/430/zero-problems-with-neighbors-the-case-of-georgia-summer-2011> (дата обращения: 05.11.2022).

стала резолюция «О направлениях внешней политики Грузии» 2013 г.⁴²⁴, в которой Грузия объявила верность европейскому пути развития и европейской интеграции, в то же время отказалась от антироссийской риторики в пользу диалога с Россией. В резолюции также проявлена обеспокоенность грузинской политической элиты по поводу турецкого высокого влияния и даже угрозы, которая особенно сильно проявлялась в населенных мусульманами регионах.

Несмотря на усилия новой политической элиты снизить турецкое влияние, Тбилиси не мог полностью отказаться от турецкой зависимости и, по-прежнему, продолжал активно взаимодействовать с Анкарой. Заинтересованность двух сторон в глубоком сотрудничестве стала поводом для создания Совета грузино-турецкого стратегического сотрудничества высокого уровня, первое заседание которого проходило в Турции в ходе визита премьер-министра Грузии Г. Квирикашвили 18 июля 2016 г.⁴²⁵. После второго заседания 23 мая 2017 г. бывший премьер-министр Грузии Г. Квирикашвили оценил этот формат как «очевидное подтверждение сформировавшегося стратегического партнерства»⁴²⁶.

В этом контексте Турции удалось продвинуть свой образ союзника и жизненно важного партнера, без которого Грузия не может вести сбалансированную и успешную внутреннюю и внешнюю политику. Однако существование множества проблем, связанных с турецким фактором, не позволили Анкаре в полной мере добиться образа несомненного союзника, по крайней мере в определенных политических кругах, обществе и церкви.

⁴²⁴ Полный текст резолюции «О направлениях внешней политики Грузии» [Электронный ресурс] // Sputnik. 2013. 3 августа. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20130308/215583721.html> (дата обращения: 21.14.2022)

⁴²⁵ Türkiye-Gürcistan siyasi ilişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-gurcistan-siyasi-iliskileri.tr.mfa#:~:text=%C3%9C%20Batum'da%2C%20G%C3%BCrcistan',en%20b%C3%BCy%C3%BCk%20ticaret%20orta%C4%9F%C4%B1%20durumundad%C4%B1r.> (дата обращения: 03.11.2022).

⁴²⁶ Премьеры Грузии и Турции договорились углубить сотрудничество [Электронный ресурс] // Грузия Online. 23.25.2017. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/05/23/premery-gruzii-i-turcii-dogovorilis-uglubit-sotrudnichestvo> (дата обращения: 15.04.2022).

Ослаблению положительного имиджа союзника в лице Турции явились такие факторы, как:

- нейтральная позиция Турции в начале грузино-южноосетинской войны⁴²⁷;
- некоторые попытки обострения внутривосточной ситуации в Грузии;
- антигрузинская деятельность осетинской диаспоры при поддержке многочисленной черкесской диаспоры (по разным данным, насчитывает 5 млн. человек) в Турции;
- «Аджарский вопрос» в турецко-грузинских отношениях⁴²⁸;
- исторический контекст.

Грузинская Православная Церковь и некоторые партии очень настороженно относятся к реализации панисламских и неоосманских идей турецкой элиты. Особенно такая осторожность наблюдается в Автономной республике Аджария, где 30% населения исповедует ислам суннитского толка. Эту часть Грузии Турция продолжает рассматривать как исторически турецкую землю и особенно трепетно относится к сохранению «османского наследия» в данном регионе. Турция, ссылаясь на Карский договор 1921 г., согласно которому Аджария получила автономный статус в составе Грузии, а Турция – право защищать интересы мусульманского населения, активно внедряет в регион свои правительственные и неправительственные организации. Для достижения своих внешнеполитических целей и усиления политического контроля в этом регионе, Турция применяет «мягкую силу» и укрепляет религиозные и культурные отношения. В этом контексте со стороны Грузии Турция рассматривается уже не как друг, а как угроза, которая не скрывает свои исключительные интересы в Аджарии.

⁴²⁷ *Aras B. and Akpınar P. The relations between Turkey and the Caucasus // Perceptions. Autumn 2011. Vol. 16. №. 3. P.63*

⁴²⁸ *Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. М., 2017. С.175*

Уже в 2012 г. в Аджарии работали 38 турецких компаний, более 200 предпринимателей, суммарные инвестиции которых достигли 250 млн долл. Для усиления своего присутствия в Аджарии Турция, помимо экономических инструментов, использовала также религиозно-культурный фактор, что особенно не нравилось Грузинской Православной Церкви. С помощью официальных (Дианет (Diyanet)) и неофициальных (движение Фетуллаха Гюлена⁴²⁹) религиозных организаций Турция предприняла активные шаги для распространения турецкой интерпретации ислама в Аджарии, распространяя свой образ гаранта безопасности мусульман Абхазии. В результате турецкое культурное проявление в этом регионе Грузии оказалось наиболее активным.

Образ «угрозы» для Грузии со стороны Турции имеет также исторический контекст⁴³⁰. Непростые турецко-грузинские отношения во времена османского ига стали одной из основ настороженного отношения грузин к Турции, которые ее определяют как историческую угрозу независимости страны и, по-прежнему, с подозрением относятся к ее активной деятельности в западных регионах Грузии⁴³¹.

Общественное недовольство проявилось по вопросам строительства новых мечетей Азизие в Батуми и Ахмедие в Ахалкалаки, о которых стороны договорились в турецко-грузинском договоре, подписанном в январе 2012 г. Отсутствие при подписании официальных представителей ГПЦ стало причиной непростых отношений между грузинскими властями и Церковью,

⁴²⁹ Ф. Гюлен является лидером организации «Феттулафхчылар» (после 2016 года запрошенной в Турции, встречаются также названия «Хизмет», «Нурджулар»). Движение Гюлена является мощным ответвлением турецко-религиозной секты «Нурджулар», основоположником которого является Саид Нурси, исламский богослов и вдохновитель Гюлена.

⁴³⁰ Kuchera, J. Georgians Wary of Turkey's Rising Influence in Batumi [Электронный ресурс] / J. Kuchera // Eurasianet.org. 2017. Mar 9. URL: <http://eurasianet.org/node/82751> (дата обращения: 15.03.2022).

⁴³¹ Jones S., Kakhishvili L. The Interregnum: Georgian Foreign Policy From Independence to the Rose Revolution // Georgian Foreign Policy: The Quest for Sustainable Security. KAS. 2013. P. 21.

Грузинский Патриарх Или II оценил это соглашение, как неприемлемое⁴³². После его огласки начались общественные недовольства, а также массовое движение под лозунгом «Служи Грузии», которое требовало отмены турецко-грузинского договора и выражалось против роста турецкого влияния в Грузии. Движение набрало масштабы перед парламентскими выборами в октябре 2012 г., что помогло партии «Грузинская мечта», которая подчеркивала опасность турецкого «проникновения», использовать данный вопрос в своих предвыборных целях⁴³³. В результате мечети построены не были. Однако, после успеха в выборах, партия отказалась от антитурецкой риторики и поощряла уже существующее серьезное влияние турецких групп интересов в Грузии.

После прихода к власти «Грузинской мечты», общественные организации начали отмечать еще более активную и агрессивную политику Турции в Аджарии, которая желала установить в регионе свою политическую власть. Грузинские националистические движения серьезной провокацией посчитали карты в турецких учебниках, где Аджария была включена в состав Турции, как регион освободившийся от Грузинской оккупации⁴³⁴. Этому последовала реакция МИД Грузии и общественных движений. Турецкая сторона дала объяснение, что произошла «техническая ошибка». Однако, это не успокоило общественное мнение, которое также было возмущено речью министра иностранных дел Турции А. Давутоглу в ходе визита на Кипр, где он заявил о возвращении Аджарии в состав Турции⁴³⁵. Только в 2015 г. посол

⁴³² Грузинская православная церковь осудила власти Грузии за разрешение на строительство турецкой мечети в Батуми. [Электронный ресурс] // 10.02.2012. URL: <https://www.panorama.am/ru/news/2012/02/10/geo-batumi-mosque/814421> (дата обращения: 11.12.2022).

⁴³³ Göksel N. Turkey and Georgia: Zero problems? // GMF. June 2013. P. 3.

⁴³⁴ Турецкий учебник истории: «Грузия осуществила оккупацию Батуми» [Электронный ресурс] // Gruzinform. 03.05.2012. URL: <http://ru.gruzinform.ge/news/13361/tureckij-uCebnik-istorii-gruziA-osuSestvila-okkupaciU-batumi-.html> (дата обращения: 15.11.2022).

⁴³⁵ Тбилиси рискует получить выговор от Анкары [Электронный ресурс] // Независимая. 29.09.2016. URL: https://www.ng.ru/cis/2016-09-29/1_gruzia.html (дата обращения: 11.11.2022).

Турции в Грузии З. Гюмрукчу, говоря этом заявлении, уверял, что «такого не было и не может быть»⁴³⁶.

Крайние протесты с антитурецким контекстом произошли в Грузии 2021 г. Они были связаны со строительством Намахванской ГЭС⁴³⁷. Протестующие на массовых акциях обвиняли правительство в разрушении экологии и антигосударственной деятельности. Движение требовало расторгнуть договор с крупной турецкой компанией «ENKA Riniubels» на строительство каскада Намахвани ГЭС, а саму компанию – покинуть ущелье Риони. Антитурецкие настроения настолько активизировались, что на них ответил посол Турции в Грузии Джерен Язган, заявив, что продолжающаяся кампания против Намахванской ГЭС носит «политический и антитурецкий характер»⁴³⁸. В итоге Турецкая компания расторгла контракт, а правительство Грузии объявило, что «крупные гидроэлектростанции в стране должны строиться государством»⁴³⁹.

Таким образом, исследуя эволюцию и состояние образа Турции в Грузии, можно сделать следующие выводы: 1. Грузинский вектор для турецкой политической элиты сохранял стратегическое значение; 2. Турция, используя государственные и негосударственные организации активно работала над своим имиджем в Грузии, где главной целью обозначила продвижение своего образа как важного союзника и регионального лидера; 3. Созданные рычаги влияния на Грузинскую элиту позволяли продвигать

⁴³⁶ Посол Турции: Заявления о претензиях на Аджарию — бред [Электронный ресурс] // Eadaily. 12.04.2015. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2015/12/06/posol-turcii-zayavleniya-o-pretenziyah-na-adzhariyu-bred> (дата обращения: 11.09.2022).

⁴³⁷ Проект каскада Намахвани ГЭС планировала строительство на реке Риони двух гидроэлектростанций - Твиши ГЭС и Намахвани ГЭС - суммарной установленной мощностью 433 МВт, что позволит покрыть до 12% потребности Грузии в электроэнергии. Инвестиционная стоимость проекта составляет \$730 млн, период строительства - 5 лет. Главной компанией строительства проекта стала турецкая компания ENKA Riniubels.

⁴³⁸ Заявление посла Турции по поводу Намахванской ГЭС вызвало недовольство. [Электронный ресурс] // Civil.ge. 02.04.2021 URL: <https://civil.ge/ru/archives/410299> (дата обращения: 14.03.2022)

⁴³⁹ По словам Ираклия Гарибашвили, крупные ГЭС должны строиться государством [Электронный ресурс] // Civil.ge. 02.05.2022. URL: <https://civil.ge/ru/archives/488393> (дата обращения: 14.03.2022)

положительной образ Турции, однако, существующие противоречия между странами не были преодолены. Главные противоречия были связаны не только с экономической или политической деятельностью стран, но и включали в себя более многогранные и сложные вопросы, касающиеся исторического прошлого, общественного недоверия, этно-религиозных противоречий и т.д.

При этом надо отметить, что эти факторы не стали краеугольными в процессе выстраивания отношений двух стран, а сбалансированная и комплементарная политики Турции, в рамках которой Грузия выделяется на фоне большинства постсоветских стран, привела к тому, что влияние Анкары стало очевидным. Фактически, Грузия, понимая свою зависимость от Анкары, не противодействовала экономической, культурно-языковой и даже политической экспансии со стороны Турции, а Анкара, при помощи политики «мягкой силы» смогла на второй план отвести «исторический контекст» (в рамках которой для христианской Грузии мусульманская Турция исторически была угрозой) и показать, что может успешно работать также и с немусульманскими странами. Надо отметить, что соответствующая работа идет не только по линии государства, но и по неправительственным культурным, образовательным, религиозным и экономическим организациям.

Выводы по главе

В своих внешнеполитических ориентирах Турция особое место уделяет Грузии, которая за последние два десятилетия стала надежным мостом для связи Турции с важными пространствами и стратегическими союзниками. Грузия была объявлена как зона исключительных интересов, которая интересовала Турцию не только транспортно-логистическим потенциалом, но и этноконфессиональным составом, исторической общностью, военно-стратегическими и политическими показателями. Для реализации своих внешнеполитических целей и для преодоления отрицательного «исторического контекста», Турция начала строить свою политику не на «жесткой силе» и принуждении, а на более долгосрочной политике «мягкой

силы», с использованием его инструментария в лице государственных и негосударственных организаций.

В политике мягкого воздействия Турция делала акцент на культурное сотрудничество, изучение турецкого языка, образование и науку, особо использовала религиозные и этнические особенности Грузии, продвигала экономические проекты в населенных мусульманами регионах, усиливала связи для распространения турецкого религиозного влияния среди верующих. Однако турецкая политика «мягкой силы» имела активные и пассивные фазы, которые были связаны с заинтересованностью внешнеполитических ориентиров в грузинской и турецкой политической элите. Политика мягкого воздействия Турции сопровождалась многими проблемами, не позволявшими Анкаре в полной мере реализовать свои интересы и добиться образа несомненного союзника, по крайней мере в определенных кругах общества, церкви и политиков. Перечисленные в главе движения и организации успешно пропагандировали ценности и положительный имидж Турции, одним из главных успехов которой стало выделение ее как союзника, модельного государства и регионального лидера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных международных отношениях изучение «мягкой силы» является одной из самых актуальных направлений. В научной среде продолжается проработка и улучшение концепции, однако присутствует и критика. Основная критика акцентировалась на трудности оценки эффективности инструментов «мягкой силы» в странах – объектах воздействия, разделения власти на «мягкую» и «жесткую» и отсутствие среди научного сообщества единой методологии изучения теории. Тем не менее, критика не ослабила концепцию, а внесла значительный вклад в ее проработку и обоснование. В современной науке концепция «мягкой силы» нашла свое достойное место и дала новый виток развитию исследованиям в сфере международных отношений. После разработки концепции многие страны начали серьезно рассматривать ее как метод успешной реализации внешнеполитических задач. Особо интересным является понимание и формы применения политики «мягкой силы» со стороны разных государств, которые, в зависимости от своих возможностей и специфики использовали разные инструменты «мягкой силы».

При изучении проблематики стала возможным сделать вывод, что политика «мягкой силы» оказалась жизнеспособной для Турции, а турецкие успехи в применении политики мягкого воздействия в скором времени даже стали образцовыми. При этом Турция, взяв на вооружение новую концепцию, скорректировала ее под свои реалии и начала активно использовать в достижении внешнеполитических целей.

В итоге изучения турецкой практики применения «мягкой силы» стало ясно, что она по своему содержанию отличается от западных подходов. Турецкое политическое руководство, не без помощи научного сообщества, определило свои сильные стороны для успешной реализации политики «мягкой силы». Особый акцент был сделан на культурно-историческом потенциале, религиозном факторе, образовании и османском опыте

культурно-этнической общности. Помимо исторического наследия в виде культурных и национальных элементов, в основу турецкой внешнеполитической идеи были включены и географические особенности турецкого государства.

Турецкая специфика по применению «мягкой силы» заключается также в том, что многие инструменты в виде культурной дипломатии, образовательной политики и продвижения идеи общего исторического наследия уже существовали и применялись, но «мягкая сила» концептуально не была проработана во внешнеполитической доктрине страны. Именно в период правления Партии справедливости и развития наблюдаются первые попытки концептуализации политики мягкого воздействия во внешнеполитических доктринах и концепциях. Турецкие ученые и политики, не отрицая значимость «жесткой силы», выделяли важность активизации «мягкой силы», конечной целью которой стало обеспечение регионального лидерства и выдвижение Турции в ряды мировых лидеров.

С 2001 г. политика «мягкой силы» приобретает особую важность во внешней политике Турции, главным архитектором которой являлся бывший премьер-министр страны А. Давутоглу. Именно он в своих фундаментальных трудах выделял основы турецкой внешней политики, одной из которых является концепция «мягкая сила». Однако, начиная с 2011 г., турецкое руководство меняет подходы и отходит от тезиса «ноль проблем с соседями», а автор подхода А. Давутоглу в 2016 г. был отстранен от политической власти. С этими изменениями турецкая политика «мягкой силы» так и не получила итоговую концептуализацию, но и не была свернута, а, основываясь на уникальном фундаменте, продолжала продвигать интересы Турции.

Важнейшей зоной внешнеполитических интересов Турции является Южный Кавказ, который не утратил свое значение как одного из важнейших регионов мира и остается территорией конкурентной борьбы основных игроков международной политики. Из-за своих исключительных интересов не только Турция, но и Россия, США, страны ЕС и Иран проявляют высокую

заинтересованность в южно-кавказских странах. Именно из-за конкурентной борьбы глобальных сил в регионе государства Южного Кавказа оказываются в разных зонах влияния. Столкновение мировых и региональных акторов еще больше усиливает во многом конфликтное взаимодействие внутри и вокруг Южного Кавказа, которое продолжается и в XXI в.

Турецко-азербайджанские отношения в регионе имеют особый характер. Страны воспринимают друг друга как безоговорочных союзников с идентичным языком, религией, похожими традициями и культурой; оказывают поддержку друг другу в политических, военных, экономических сферах, развивают и говорят о культурно-этническом единстве и продвигают взаимодействие в духе лозунга «одна нация – два государства». Используя вышеперечисленные положительные факторы влияния, Турция укрепляет свое присутствие в Азербайджане также с помощью политики «мягкой силы», главными инструментами которой являются государственные и негосударственные организации (Организация тюркских народов «ТЮРКСОЙ», Движение Гюлена, Управление по делам религии «Diyanet», Организация Сулеймани-ямии, «Жизнь Азиза Махмуда Худай / Фонд Худай», Сообщество Мустафа Сунгур, турецкое агентство по координации и сотрудничеству (TİKA)), СМИ и научные сообщества, цель которых дать новый импульс развитию положительного имиджа Турции в Азербайджане. Изучая данный процесс представляется возможным прийти к выводу, что Турция довольно успешно смогла использовать весь потенциал мягкого воздействия и добиться не только статуса союзника, но и «большого брата» Азербайджана.

Иначе складываются исторически турецко-армянские отношения. В начале XXI в. стороны предприняли несколько попыток нормализации взаимоотношений, которые не увенчались успехом. Понимая свою региональную и геополитическую слабость, Армения была открыта к нормализации отношений, однако сталкивалась с оппозицией Турции, для которой она являлась всего лишь региональной недружественной страной с

небольшим международным весом. Для достижения своих внешнеполитических целей в Армении Турция использовала инструменты не только «жесткой», но и «мягкой силы». Однако, по второму направлению у Анкары были ограниченные возможности. Тем не менее Турция не понижала свою активность в регионе, а наоборот, делала ее более широкой и многоуровневой. В Армении использовался потенциал культурно-образовательной политики, студенческих обменов, различных фондов, туризма, армянской диаспоры. Тем не менее, проводимая Турцией политика «мягкой силы» из-за сохраняющихся разногласий между странами не смогла достичь значительных успехов в Армении и добиться преодоления исторически сложившегося здесь восприятия Турции как врага и главной угрозы.

По своей стратегической важности Грузия после обретения независимости для Турции стала безальтернативным мостом не только к братскому Азербайджану, но и к другим тюркоязычным партнерам Центральной Азии. Грузия рассматривается Турцией как зона исключительных интересов, которые затрагивают важные сферы экономики, культуры, политики. Реализация политики «мягкой силы» Турции в Грузии считается образцовой по своей успешности на постсоветском пространстве. Именно Грузия стала тем государством региона, где Турция применила и активно использовала весь инструментарий своего мягкого воздействия, в результате чего Тбилиси не только не сопротивлялся распространению влияния Анкары, но и выделял Турцию как модельное государство для собственного развития. Данная политика осуществлялась институтами, движениями и организациями, которые успешно продвигали ценности и положительный имидж Турции в этно-религиозных, культурных, образовательных сферах.

Как и в случае с Арменией, историческое прошлое и не полностью преодоленный образ «завоевателя и внешней угрозы» создавали трудности для полной реализации политики «мягкой силы» Турции в Грузии.

Проблемными вопросами были нейтральная позиция Турции в начале грузино-южноосетинской войны, некоторые попытки обострения внутривосточной ситуации в Грузии, антигрузинская деятельность осетинской диаспоры в Турции, «Аджарский вопрос», «Месхетинский вопрос», а также исторический образ Турции как угрозы и завоевателя. Сбалансированной политикой Турция смогла продвинуть свои интересы в культурно-языковой, политической, экономической и военной сферах и создать имидж союзника и даже «гаранта» безопасности Грузии. Таким образом, проведенная политика «мягкой силы» Турции в Грузии считается весьма успешной и даже образцовой на постсоветском пространстве. Именно преодоление этих отрицательных факторов и продвижение положительного имиджа Турции в Грузии стало целью государственных и негосударственных институтов, которые своей сбалансированной политикой смогли на второй план отодвинуть «исторический контекст», продвигая турецкие интересы в культурно-языковой, политической, экономической, военной сферах и создавая тем самым имидж союзника и даже «гаранта» безопасности в лице Турции.

Таким образом можно сделать вывод, что Турция, понимая геополитическое значение региона Южного Кавказа, смогла с помощью «мягкой силы» занять сильные региональные позиции, запустить активную деятельность на религиозном и культурно-просветительском направлениях и, что самое главное, не только добиться значительных успехов в регионе, но и стать образцовым для многих акторов, как успешный пример продвижения политики «мягкой силы».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Нормативно-законодательные источники

1. Декларация о независимости Армении от 23.08.1990. [Электронный ресурс] // Национальное Собрание РА. URL: www.parliament.am/hdoc/Laws/ru/9t9w4k.html (дата обращения 11.04.2022).

2. Конституция Грузии. 1995. [Электронный ресурс] // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 23.04.2022).

3. Конституция Республики Армения 5 июля 1995 (с изм. и доп. от 27 ноября 2005 г.) // Сайт президента Армении. 2005. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 14.02.2022).

4. Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г.). [Электронный ресурс] // 15.10.2010. URL: <https://newsgeorgia.ru/spravki/20100509/213153512.html> (дата обращения: 14.02.2022).

5. Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой. [Электронный ресурс] // Агентство «Тренд». 16.05.2021. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3440708.html> (дата обращения 12.01.2022).

6. Trabzon Declaration Of The Ministers Of Foreign Affairs Of The Republic of Azerbaijan, Georgia And The Republic of Turkey, 08 June 2012. Trabzon [Электронный ресурс] // Republic Of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.gov.tr/trabzon--declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-andthe-republic-of-turkey_-08-june-2012_-trabzon.en.mfa (date of access: 16.02.2022).

7. Adalet ve Kalkınma Partisi. 2023 Siyasi Vizyonu: Siyaset, Toplum, Dünya. [Электронный ресурс] // AK parti. URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/2023-siyasi-vizyon/> (дата обращения: 12.12.2021).

8. Çavuşoğlu M. 2015 yılına girerken dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2015.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

9. Çavuşoğlu M. 2016 yılı başında dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2017-yili-basinda-dispolitikamiz.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

10. Davutoğlu A. 2011 yılına girerken dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/data/dispolitika/2011_butce_tasarisi (дата обращения: 08.02.2022).

11. Davutoğlu A. 2013 yılına girerken dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2013 (дата обращения: 08.02.2022);

12. Davutoğlu A. 2014 yılına girerken dış politikamız. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2014.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

13. Davutoğlu A.. 2009. “Principles of Turkish Foreign Policy” Address by H.E. Foreign Minister of Republic of Turkey Ahmet Davutoğlu at the SETA Foundation on December 8. Retrieved from URL: <http://www.setav.org/ups/dosya/14808.pdf> (дата обращения: 08.02.2022).

14. Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013>. (дата обращения: 08.02.2022).

15. Genel Kurul Görüşmeleri. Cilt 10. (11 Ocak 1999-). [Электронный ресурс]. URL: https://www.tbmm.gov.tr/yayinlar/hukumetler/hukumetler_cilt_10.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

16. Hedefler 2023. [Электронный ресурс]. AK Parti. URL: <http://www.akparti.org.tr/site/hedefler> (дата обращения: 08.02.2022)
17. Hükümet Programı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tbmm.gov.tr/hukümetler/HP59.htm> (дата обращения: 22.11.2021).
18. Hükümet Programı. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tbmm.gov.tr/hukümetler/HP60.htm> (дата обращения: 08.02.2022).
19. Hükümetler-programları ve Genel Kurul Görüşmeleri. Cilt 10. (11 Ocak 1999). [Электронный ресурс]. URL: https://www.tbmm.gov.tr/yayinlar/hukümetler/hukümetler_cilt_10.pdf (дата обращения: 08.02.2022).
20. Onuncu Kalkınma planı // 2014-2018 T.C. Kalkınma Bakanlığı. Ankara 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://kkp.tarim.gov.tr/sp/Onuncu%20Kalk%C4%B1nma%20Plan%C4%B1%282014-2018%29.pdf> (дата обращения: 23.04.2022).
21. Sorumluluk ve Vizyon 2014 yılına girerken Türk Dış Politikası. [Электронный ресурс]. URL: <http://sam.gov.tr/tr/wpcontent/uploads/2013/12/sorumlulukvevizyon-2014.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).
22. Stratejik planı 2015-2019 // T.C. Enerji ve Tabii kaynaklar bakanlığı [Электронный ресурс]. – URL: https://sp.enerji.gov.tr/ETKB_2015_2019_Stratejik_Planı.pdf (дата обращения: 23.04.2022).
23. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası [Электронный ресурс] // Türkiye Büyük Millet Meclisi Başkanlığı. URL: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2017.pdf (дата обращения: 04.04.2022).
24. «Հայաստանի Հանրապետության և Թուրքիայի Հանրապետության միջև դիվանագիտական հարաբերությունների հաստատելու մասին». Վերցված է 2012 թ. մարտ. («Об установлении дипломатических отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой». Март, 2012) URL:

https://web.archive.org/web/20160305013329/http://www.mfa.am/u_files/20091013_protocol.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

Делопроизводственные источники

25. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2011 yılı faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2011faaliyetraporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).

26. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2012 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/bakanlik/2012-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022);

27. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2014 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2014-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).

28. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2015 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2015-faaliyet-raporu_.pdf (дата обращения: 12.02.2022);

29. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2016 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2016-yili-idare-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 12.02.2022);

30. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2017 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2017-yili-idare-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 02.05.2022);

31. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı 2018 yılı idare faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2018-yili-idare-faaliyet-raporu.pdf> (дата обращения: 02.05.2022);

32. Yılına Girerken Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dış Politikası 2020 [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2020-yilina-girerken-girisimci-veinsani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения: 12.02.2022)

Статистические источники

33. Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения в странах Южного Кавказа (с 2012 по 2022 г., в долларах США). [Электронный ресурс] IMF. October 12, 2021. Statista. <https://www.statista.com/statistics/980443/gross-domestic-product-gdp-per-capita-in-the-caucasus-countries/> (Дата обращения: 24.02.2022.).

34. Опрос в Турции: Армения главная угроза. [Электронный ресурс] // 11.02.2022. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/31699501.html> (дата обращения 20.04.2022).

35. Регион Южный Кавказ: Общая численность населения по странам с 2012 по 2022 год (млн. жителей). [Электронный ресурс] IMF. October 12, 2021. Statista [Graph]. URL: <https://www.statista.com/statistics/980364/total-population-of-the-caucasus-countries/> (Дата обращения 24.02.2022.).

36. «GALLUP International»: 54.6% жителей Еревана против открытия армяно-турецкой границы. [Электронный ресурс] // Armeniatoday. 11. 02. 2022. URL: <https://armeniatoday.news/yerevan-ru/424382/> (дата обращения: 11.04.2022).

37. Public Opinion Survey: Residents of Armenia. 2021. International Republican Institute [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-surveyresidents-of-armenia/> (дата обращения: 11.04.2022).

38. T.C. Ekonomi Bakanlığı. 2017 yılı faaliyet raporu. [Электронный ресурс]. URL: https://ticaret.gov.tr/data/5b921e6113b87613646656b4/faaliyet_raporu.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

39. Turizm İstatistikleri. TÜİK. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1072 (дата обращения: 08.02.2022).

40. Ülkelere Göre Yıllık İhracat (En Çok İhracat Yapılan 20 ülke) // Türkiye İstatistik Kurumu. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=1545 (дата обращения: 08.02.2022).

41. Ülkelere Göre Yıllık İthalat (En Çok İthalat Yapılan 20 ülke) // Türkiye İstatistik Kurumu. [Электронный ресурс]. URL: www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=1546 (дата обращения: 08.02.2022).

42. Ինչպես են ՀՀ քաղաքացիները վերաբերվում Թուրքիայի հետ հարաբերություններին. ամերիկյան IRI կազմակերպությունը հարցում է անցկացրել [Электронный ресурс] // 168.am. 03.02.2022. URL: <https://168.am/2022/02/03/1647023.html> (дата обращения: 11.04.2022).

43. საქართველოდან თურქეთში სასწავლებლად წასული სტუდენტების რაოდენობა [ინფოგრაფიკა] [Электронный ресурс] // URL: <https://batumelebi.netgazeti.ge/news/152038/> (дата обращения: 06.03.2022). (Количество студентов, уехавших учиться в Турцию из Грузии [Электронный ресурс] // URL: <https://batumelebi.netgazeti.ge/news/152038/> (дата образования: 06.03.2022).

Публицистические источники

44. Никол Пашинян пообещал после прихода к власти сделать отношения Армении с внешним миром «безупречными» // 27.04.2018 URL: <https://novostink.net/today/235669-nikol-pashinyan-poobeschal-posle-prihoda-k-vlasti-sdelat-otnosheniya-armenii-s-vneshnim-mirom-bezuprechnymi.html> (дата обращения: 20.01.2022).

45. Никол Пашинян: «То, что турки и азербайджанцы наши враги, даже не является предметом обсуждения». [Электронный ресурс] // 14.04.2021. Hetq. URL: <https://hetq.am/ru/article/129664> (дата обращения: 11.04.2022).

46. Ответ Кочаряна Эрдогану. [Электронный ресурс] // Mediamax 05.10.2015. URL: <https://mediamax.am/ru/news/5-10-15/37449/> (дата обращение 18.04.2022).

47. Саакашвили о значении тесных отношений с Турцией. [Электронный ресурс] // 14.03.2006 URL: <https://civil.ge/ru/archives/166220> (дата обращения: 12.02.2022).

48. Interview by Mr. Ahmet Davutoğlu published in AUC Cairo Review (Egypt) on 12 March 2012. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.tr/interview-by-mr_-ahmet-davuto%C4%9Flu-published-in-auc-cairo-review-_egypt_-on-12-march-2012.en.mfa (дата обращения: 08.02.2022).

49. Speech of Ahmet Davutoğlu and Ali Babacan. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/devlet-bakani-ve-basabakan-yardimcisi-sayin-alibabacan-ile-disisleri-bakani-sayin-ahmet-davutoglu_nun-devir-teslimvesilesiyle.tr.mfa (дата обращения: 08.02.2022).

50. Gül Abdullah, 2009. “Turkish Foreign Policy in the New Era”, Lecture at USAK, 16 December.

51. Bakü'nün Kurtuluşunun 100. Yıl Dönümü Töreninde Yaptıkları Konuşma (Выступление на 100-летию освобождения Баку). [Электронный ресурс] // 15.09.2018 URL: <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/98629/baku-nun-kurtulusunun-100-yil-donumu-torende-yaptiklari-konusma> (дата обращения 12.02.2022).

52. "Biz bir millət, iki dövlətik". («Мы одна нация, два государства») // [Электронный ресурс] Xalq qəzeti. Anl.az 2010.05.20. <http://anl.az/down/meqale/xalqqazeti/2010/may/120407.htm> (дата обращения 12.10.2022).

53. Թուրքիան, Հայաստանն ու Ադրբեջանն ունեն իրար կարիքը. Նիկոլ Փաշինյան. (52. Турция, Армения и Азербайджан нужны друг другу. Никол Пашинян) [Электронный ресурс] // News.am. 12.12.2022. URL: <https://news.am/arm/news/734560.html> (дата обращения 12.12.2022).

54. Փաշինյանը հույս ունի Թուրքիայի հետ հարաբերությունները կարգավորել Ռուսաստանի օգնությամբ. (Пашинян надеется урегулировать отношения с Турцией с помощью России) [Электронный ресурс] //

Azatutyun.am. 07.09.2022. URL: <https://www.azatutyun.am/a/32022244.html>
(дата обращения 12.10.2022).

II. Литература

на русском языке

55. Абилов И. "Этнический фактор во взаимоотношениях Турции, Азербайджана и Ирана (2001–2013 гг.). // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 145-152.

56. Аватков В.А. Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // Ежегодник ИМИ. 2014. №. 2. 8 с.

57. Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений. Москва 2020. 227 с.

58. Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель. 2013. №6 (281). С. 73- 89; Аватков В.А., Иванова Н.А. Россия и Турция: противостояние идеологий // Свободная мысль. 2012. №9 10(1635). 187 с.

59. Аватков В.А. Неосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. С.71-78.

60. Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика. 2018. № 2. С. 11-25.

61. Агаев Р. Али-заде З. Азербайджан. Конец Второй республики. (1988–1993). М.: Граница, 2006. 591 с.

62. Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации // Санкт-Петербург: СПбГУ, 2016. 40 с.

63. Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991—2019 гг. (историографический обзор) //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 803—821. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-803-821

64. Айвазян А.С. Грузия: внешняя политика малого государства // Современная Европа. 2020. №. 1. С. 80-90.

65. Акташ Э., Ерхов Г.П. Турецко-армянские отношения и Азербайджан // Донецкие чтения. 2019: образование, наука. 2019. 130 с.

66. Алексанян Л.М. Турецко-грузинские отношения в контексте региональной политики Турции на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2017. 4(4). С. 307-320. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320.

67. Алексанян Л.М. Интересы Российской Федерации и Турецкой Республики на Южном Кавказе: вопрос безопасности // Россия и Турция в системе глобальной и региональной безопасности. М. 2017. 46 с.

68. Араз Б. Каракаш-Келеш Х. Армяно-турецкие отношения: Критический анализ // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 4 (22).

69. Арешев А.Г. Закавказский «треугольник» - с четырьмя углами? [Электронный ресурс] // Ноев Ковчег. Июль 2019. № 7 (318). URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2019-07/6635.html> (дата обращения: 25.07.2021).

70. Бадак А.Н., Войнич И.Е., Волчек Н. Начало второй войны Сефевидского Государства с Турцией (1578–1590 гг.). // М., 1999. Т. 11. С. 386–393.

71. Бахревский Е.В. Историческая память и образы русско-турецкой войны // Культурное наследие России. 2017. №. 3. С. 42-51.

72. Бахревский Е.В. Концепции «Единого Кавказа» и проблемы региональной политики. Проблемы национальной стратегии. 2012. С. 90-108.

73. Васильев А.Д. Россиеведение в Турции. Материалы «круглого стола» Российско–турецкие отношения: 2002–2012 гг. М. МГИМО Университет, 2013. С. 35–38.

74. Воскресенский А.Д. «Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях» // Сравнительная политика. 2 (8), 2012, С. 30-58.

75. Гаджиев К.С. «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня, завтра. М. 2010. 344 с.

76. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М. 2003. 464 с.

77. Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М., 2010. 531 с.

78. Гаджиев К.С. О некоторых тенденциях в современном мире в геополитическом измерении // Геополитический журнал. 2015. № 4(11). С. 15-23.

79. Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 130-146.

80. Гаджиев К.С. Геополитика. М. 1997. 382 с.

81. Гаспарян Д. Южный Кавказ как перекресток международных интересов. История, социология, политология. 2017. 62 с.

82. Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). С. 72-84. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037.

83. Гриняев С.Н. Поле битвы — киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Мн.: Харвест, 2004.

84. Давтян Э. Трехстороннее военное сотрудничество Турции, Грузии и Азербайджана (ноябрь 2012 г. – май 2016 г.). ЕГУ. Ер., 2017 г. 39 с.

85. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 1. С. 69–80.

86. Дарабади П.Г. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века. М., 2010. 216 с.
87. Дегоев В. Чтоб не пропасть поодиночке: Кавказ и Большая Европа: реалии против соблазнов // Дружба народов. 2005. №. 3. С. 183-189.
88. Дегоев В.В. Кавказ в XX в. итоги, уроки, намеки истории // Россия XXI. 2017. № 6. С. 6-31.
89. Демоян Г. Внешняя политика Турции и Карабахский конфликт. Ер., 2013. С. 492 с.
90. Дугин А.Г. Основы Геополитики. М., 1997. 243 с.
91. Дьякова Н.А. Пограничные, территориально–этнические проблемы среднеазиатских государств СНГ и европейская стабильность. Ин–т США и Канады РАН. М. 1998. 56 с.
92. Егиазарян А.Г. Грузия: структурные проблемы экономики и турецкая экономическая экспансия (1994-2007 гг.). Е. 2007. 86 с.
93. Енокян А. В, Закарян С. Б., Турава Г. М. Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в // Вопросы истории. 2021. № 8-1. С. 18-30. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi03.
94. Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1971. 274 с.
95. Жильцов С.С., Савичева Е.М. Региональная безопасность на Южном Кавказе: энергетическая составляющая // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8. №. 3. С. 331-340.
96. Захаров В.А., Арешев А.Г. Кавказ после 08.08.08: старые игроки в новой расстановке сил. М., 2010. 272 с.
97. Захаров В.А., Арешев А.Г. Расширение НАТО в государства Закавказья: этапы, намерения, результаты. Хроника События. Монография. М., 2008.
98. Иванова И.И. Динамика развития отношений: Турция и Южный Кавказ в XXI в., Политическая трансформация на мусульманском востоке:

опыт Турции и других стран. М. Труды Института востоковедения РАН, Вып. 20, ИВРАН, 2019. 240 с.

99. Иванова И.И. Турция и республики Средней Азии. Постконфронтационная модель международных отношений и Азия. М. 1992. 120 с.

100. Каширина Т.В., Аватков В.А. Тенденции развития современных международных отношений // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2017. №. 11 (334). С. 5-15.

101. Каширина Т.В., Останин-Головня В.Д., Аватков В.А. Эволюция политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции: сходства и различия // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 167-179. DOI 10.31857/S013038640020806-4. EDN AIMUMW.

102. Каширина Т.В., Аватков В.А. Турция: внутренние и внешние угрозы // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2019. №. 9 (356). С. 69-77.

103. Каплан Р.С. Месть географии. Что могут сказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. // М., 2015. С. 188-189.

104. Киреев Н.Г. История Турции XX в. Н.Г. Киреев. М.: ИВ РАН: Крафт+. 2007. 608 с.

105. Киреев Н.Г. Турция между Европой и Азией. Н.Г. Киреев. М. 2001. 535 с.

106. Киреев Н.Г. Турция: неудачи радикального исламизма и успехи умеренного // Россия и мусульманский мир. 2011. №3. С.108-130 с.

107. Киреев Н.Г. Турция: поиск национальной стратегии евразийского сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2002. №1. С. 20–30.

108. Киреев Н.Г. Турция: что в багаже у партии власти «умеренного ислама» // Россия и мусульманский мир. 2004. №8. С.87-100.

109. Коппитерс Б. Легволд Р. Государственность и Безопасность: Грузия после «революции роз». Интердиалект+. 2005. 476 с.

110. Коэн А. США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений // Центральная Азия и Кавказ. 2000. №2. С. 32-38.

111. Красина О.В. «Мягкая сила» как теоретическая конструкция и властная технология в контексте современной мировой политики. Современная гуманитарная академия М. Изд-во СГУ, 2011. 36 с.

112. Крылов А. Аршев А.Г. Евразийская интеграция: проблемы и потенциал развития // Проблемы постсоветской интеграции. 2014. С. 23-33.

113. Кудяров К.А., Балджи Б. Каковы перспективы движения Фетхуллага Гюлена в странах Центральной Азии после неудавшегося переворота в Турции? // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 88-95.

114. Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. Ю.С. Кудряшова. М. 2010. 363 с.

115. Курылев К. П. Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62.№. 3. С. 108-118.

116. Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 13 (1). 2018. С. 134-156. doi: 10.17323/1996-7845-2018-01-08.

117. Курылев К. П., Мачавариани Г. Г. Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе, 1991-2016 гг. URSS. 2019.

118. Лебедева М.М. "Мягкая сила" в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2. С. 47-55.

119. Лебедева М.М. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском обществе / М.М. Лебедева, М.В. Харкевич // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 10-13.

120. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета, №6 (9). 2009. С. 200-205.

121. Мамедли А., Соловьева Л. Т. Азербайджанцы. М.: Наука. 2017. 33 с.

122. Манчхашвили М. Турция и безопасность Южного Кавказа: Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Том 13(4). С 101-120.

123. Маркаров А.А. «Бархатная» политика Армении в отношении России, США и Китая 2018-2020 гг. // Постсоветский материк. 3 (31), 2021. С. 14-32.

124. Маркедонов С.М. Нелинейное примирение // Россия в глобальной политике. 201. С.182-193.

125. Маркедонов С.М. Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности Кавказского региона [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2016. 30 мая. – URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Rossiisko-turetskieotnosheniya-i-problemy-bezopasnosti-Kavkazskogo-regiona-18188> (дата обращения: 08.02.2022).

126. Маркедонов С.М. Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. Том 1. № 2. С. 132-141.

127. Мартынова О.И., Головин В.Г. Проблематика «мягкой силы» в современной международной политике // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2 (59). С. 84-92.

128. Матевосян С. М. Армяно-турецкие отношения в контексте теории конструктивизма и политического реализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. №3. 2009. С. 54-60.

129. Мгалоблишвили В.И. Основные направления внешней политики Республики Грузии: дисс. на соискание ученой степени канд. полит.наук: 23.00.04. Пятигорск, 2016. 172 с.

130. Мещеряков К.Е. Внешняя политика России на Южном Кавказе: проблемы и тенденция развития, пути модернизации с целью повышения эффективности. СПб, 2012. 242 с.

131. Миграян А. А. Социально-экономическая ситуация в странах Южного Кавказа в период пандемии коронавируса // Постсоветский материк. 3 (31). 2021. С. 68-81.

132. Москаленко В.А. «Мягкая сила» Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. № 4-1. 2021. 129 с.

133. Мурадян И.М. Региональные проблемы турецко-американских отношений. Ер.: Антарес, 2004. 200 с.

134. Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. М., 2017. 175 с.

135. Надеин–Раевский В.А. Турция, Россия и тюркоязычные народы после распада СССР // Мировая экономика и международные отношения. 1994. №4. С. 39–51.

136. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике // предисл. Бажанова Е. П. Дипломатическая академия МИД России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». 2017. С. 23-45.

137. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2016. № 1 (312). С. 31-42.

138. Никитина Ю.А. Российский подход к продвижению "мягкой силы" в сфере внешней политики // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 30-35.

139. Нутфуллина З.Г. «Мягкая сила» по-турецки // Казанский вестник молодых ученых. 2019. № 4 (12). С. 153-157.

140. Новая философская энциклопедия: в 4 томах. 2-е издание, исправленное и дополненное. М., Издательский дом "Мысль", 2010. С. 692.

141. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997. 944 с.

142. Панин В.Н. Система региональной безопасности на Кавказе // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 12. С. 220-225.

143. Панин В.Н. Современное состояние геополитического процесса на Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. Под. ред. Тишкова В.А. М., 2008. С. 53-59.

144. Панин В.Н., Затонский Ю.И. Современная политика США на Кавказе // Вестник ПГЛУ. 2006. №1. С. 58-62.

145. Панков Д.О. Грузия в геополитическом раскладе на Южном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 2. С. 28-35

146. Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2013. Вып. 1 (36). С 17-30.

147. Песцов С.К, Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С 109-120.

148. Письменная Е. Социально-экономическое развитие и демографический потенциал стран Южного Кавказа в новых геополитических условиях / Е. Письменная, С. Рязанцев. О. Пичков, А. Лукьянец // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20. Выпуск 4. С. 61–69.

149. Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М.: Наука.1976. 314 с.

150. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. Вып. 10. 174 с.

151. Савичева Е.М. Израильско-азербайджанские отношения в контексте геополитической ситуации на Южном Кавказе // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность. 022. С. 443–451.

152. Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. Т. 9. С. 145–166.

153. Сафранчук И.А., Синегубов А.Л. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Дипломатическая служба. 2014. № 1. С. 06–10.

154. Сафрастян Р. Армяно-турецкие отношения: попытка теоретической интерпретации с позиций реалистической школы. Ориентиры внешней политики Армении. Ереван, 2002. 47 с.

155. Сафрастян Р. Россия и Турция на Южном Кавказе: геостратегическое перемирие? // 21-ый век. Нораванк. 2005. №4(10). С. 34–46.

156. Свистунова И.И. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4. С. 45–61.

157. Семедов С.А. Основные аспекты современной политики Турции на Кавказе // Вестник МГУ. 2008. №2. С. 39–52.

158. Семедов С.А. Россия в современном международном сотрудничестве // Актуальные вопросы современной инновационной экономики. 2015. № 11. С. 7–14.

159. Семедов С.А. Современная геополитическая ситуация на Кавказе. М., 2008. 236 с.

160. Семедов С.А. Современная геополитическая ситуация на Кавказе. М., 2008. 98 с.

161. Советникова О. В. и др. Инструмент " мягкой силы " во внешней политике России в XXI веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №. 11-1. С. 153–155.

162. Сотниченко А.А. Особенности модернизации Турции. СПб., Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2009. 47 с.

163. Сулейманов А. «Центры стратегических исследований внешней политики Турции» // Россия и мусульманский мир, №6. 2011. С. 116–123.

164. Торкунов А.В. Образование как «мягкая сила» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4. С. 85–93.

165. Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий / Под ред: Н.Ю.Ульченко, Е.И.Уразова. Институт востоковедения РАН. М., 2010. 265 с.

166. Узнародов И.М. Политика Европейского Союза на Южном Кавказе в контексте отношений с Россией // Электронный журнал Кавказология. 2018. №1. С.208-222. URL: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-131-156> (дата обращения: 09.01.2022).

167. Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности / под ред. В. В. Наумкина. М., Институт востоковедения РАН. 2014. 96 с.

168. Ульченко Н.Ю. Турция, июнь 2013 г. Экономическая подоплека протестных выступлений. Азия и Африка сегодня. 2014. № 2. С. 26–29.

169. Ульченко Н.Ю. Экономическая модернизация Турции: общее и особенное // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10. С. 105–114.

170. Уразова Е.И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М., Изд. МБА. 2012. 280 с.

171. Уразова Е.И. Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ. М., 2003. 208 с.

172. Филимонов Г, Ю., Цатурян С.А. «Мягкая сила» как форма непрямой аппликации «Национального интереса» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, №2. 2012. С. 21–30.

173. Фролов Ф.С. Мягкая сила турецкой культурно-лингвистической экспансии. ББК 66.4 (2Рос) Г75. 2020. 96 с.

174. Харитонов Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. 2015. С. 48–58.

175. Харкевич М.М. "Мягкая сила": политическое использование научной концепции // *Вестник МГИМО Университета*. 2014. № 2. С. 22–29.

176. Хачатрян Д.Г. Нагорно-Карабахский конфликт сквозь призму отношений Армении и Турции // *Постсоветские исследования*, №2(1). 2018. С. 224-234. doi:10.24411/2618-7426-2018-00036.

177. Шлыков П.В. Турция: новая роль в современном мире. М., ЦСА РАН. 2012. 76 с.

на иностранных языках

на английском языке

178. Aleksanyan L. M. The “softpower” policy of Turkey towards Georgia // *MGIMO Review of International Relations*. 2 (47). 2016. P. 72-79.

179. Alexander M. The strategic depth doctrine of Turkish foreign policy. *Middle Eastern Studies*. 42:6. 2006. 947 p.

180. Angel R., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey. RAND Corporation. 2008. 75 p.

181. Anholt S. Soft Power // *Internationale Politik* 1, Januar/Februar 2014. 29. P. 48-53.

182. Aras B. Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy. SETA Policy Brief No:32, May 2009. 8 p.

183. Aras B. Akpınar P. The relations between Turkey and the Caucasus // *Perceptions*. Autumn 2011. Vol. 16. No. 3. P 63-70.

184. Areshev A. Turkey’s policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms. *Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus*. 4. 2016. P. 7-21.

185. Astahova M. A. "Turkish model of development" and the reasons for its failure for the post-Soviet countries of the Caspian region (1992–1993)] // *News of Saratov University*. 2011. No. 11 (1).

186. Balçı B. Strengths and Constrains of Turkish policy in the South Caucasus [Электронный ресурс] // Carnegie. 2014. June 18. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-southcaucasus-pub-55945> (дата обращения: 14.05.2021).

187. Baran Z. Turkey and the Caucasus. Turkish Foreign Policy in post Cold War Era. Ed. by Bal I. Brown Walker Press, 2004. 280 p.

188. Barnett M. Power in international politics // International organization 59. 2005. P. 39-75.

189. Brief Chronology of the Armenian-Turkish Relations, 1991-2004, // in Armenia-Turkey: Open Conversation, published by the Center of Public Dialogue and Development. Yerevan. 2005. P. 114-116.

190. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Washington DC. 1997. 25 p.

191. Cecire M. Turkey-Georgia-Azerbaijan: Trilateralism and the Future of Black Sea Regional Geopolitics [Электронный ресурс] // The Central Asia-Caucasus Analyst. 2013. October 16. – URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12837-turkey-georgia-azerbaijan-trilateralism-and-thefuture-of-black-sea-regional-geopolitics.html> (дата обращения: 13.03.2022)

192. Çelikpala M. From a failed state to a weak one? Georgia and Turkish-Georgian relations. The Turkish Yearbook. 2005. Vol. 36. 180 p.

193. Çelikpala M., Veliyev C. Azerbaijan-Georgia-Turkey: An Example of a Successful Regional Cooperation. CIES. Policy Brief. November 2015. 20 p.

194. Cevik B. S. Turkey's Public Diplomacy. B. S. Cevik. London. Palgrave Macmillan. 2015. 264 p.

195. Chkhikvadze I. Zero problems with neighbors: The case of Georgia [Электронный ресурс] // Turkish Foreign Policy. Summer 2011. P. 3. – URL: <http://turkishpolicy.com/Files/ArticlePDF/zero-problems-with-neighbors-the-case-of-georgia-summer-2011-en.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

196. Cohen S. Geopolitics and the world system. New York. 2003. 211 p.

197. Cornell S. Us Engagement in the Caucasus: Changing Gears // Helsinki Monitor, 2005. No2. P. 111-119;
198. Cornell S., Starr F., Tsereteli M. A Western Strategy for the South Caucasus. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2015. 60 p.
199. Cox R.W. Gramsci, Hegemony and International Relations. Millennium: Journal of International Studies, Vol. 12. 1983. P. 162-175.
200. Danforth N. Ideology and Pragmatism in Turkish Foreign Policy: From Atatürk to the AKP. Turkish Policy Quarterly, 7:3. 2008. 91 p.
201. Davutoglu A. Turkey's foreign policy vision // An assessment of 2007. Insight Turkey. 2008. 1:10. P. 77-96.
202. Davutoglu A. (2010). Turkey's zero-problems foreign policy // Foreign Policy. 20(5). 2010.
203. Duval R. Power in global governance. Cambridge University Press. 2005. 368 p.
204. Erşen E. Turkey and Russia: an emerging "strategic axis" in Eurasia?. EurOrient. 2011. № 35-36. 265 p.
205. Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire. London: Penguin books. 2005. 24 p.
206. French J. R., Bertram R., Dorwin C. The bases of social power // Classics of organization theory 7. 1959. P. 311-320.
207. Gadzhiev Sh. T. Azerbaijan on the way to the world community: strategy of foreign economic development. Kiev. 2000. 317 p.
208. Gasanov A. K. Modern international relations and foreign policy of Azerbaijan. Baku. Sherg-GERB. 2007. 1008 p.
209. Georgian Diaspora and Migrant Communities in Germany, Greece and Turkey: Transnational realities and ties with Georgia. Vienna: International Centre for Migration Policy Development, 2014. 81 p.
210. German T. Regional cooperation in the South Caucasus: Good neighbors or distant relatives?. UK: Routledge, 2012. 208 p.

211. Goksel N. "Religiously-Inspired Bonding: Changing Soft Power Elements in Turkey's Relations with Azerbaijan.". *Religion and Conflict*. 2011. 320 p.

212. Hall T. *An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category* // *The Chinese Journal of International Politics*. 2010. Vol. 3. P 193-205.

213. Hunter Sh. *The New Geopolitics of the South Caucasus: Prospects for Regional Cooperation and Conflict Resolution*. Georgetown University. 2017. 304 p.

214. Ivanov V. Religious dimension of Turkey's policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church // *Central Asia and the Caucasus*. 2011. 3(12). P. 79-90.

215. Ivanov V. Religious dimension of Turkey's policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church. *Central Asia and the Caucasus*. 2011. Vol. 12. Iss. 3. P. 79–90.

216. Jödicke A. *Religion and soft power in the South Caucasus*. Abingdon. UK: Routledge. 2017. 44 p.

217. Jones S., Kakhishvili L. *The Interregnum: Georgian Foreign Policy From Independence to the Rose Revolution*. *Georgian Foreign Policy: The Quest for Sustainable Security*. KAS. 2013. 21 p.

218. Kalın İ. *Soft Power and Public Diplomacy in Turkey* // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2011. 16(3). P. 5-23.

219. Kartaş S. and Macit, F., 2015. *Turkey-Azerbaijan Relations: The Economic Dimension* // *Journal of Caspian Affairs*, 1 (1). P. 23-46.

220. Kasatkin P., Avatkov V. *The soft power of migration – a hard task for the European union* // *Defence & Security Analysis*. 2014. P. 311-322.

221. Kaufmann W. *A European Path for Abkhazia: Yesterday's Pipe Dreams?* // *Caucasus Analytical Digest*. 2009. No 7. P. 2-6.

222. Kemal K. *Turkey's Foreign Policy in Turbulent Times*. Chaillot Paper No.92. 2006. 50 p.

223. Keohane R. O., Nye Joseph S. Jr Power and interdependence // *Survival*, 1973. P 158-165. DOI: 10.1080/00396337308441409.

224. Lachiner S. Turkey's New Middle Eastern Approach// *USAK Yearbook of Politics and International Relations*. 3. 2010. P. 431-441.

225. Li J. *Conceptualizing Soft Power of Higher Education Globalization and Universities in China and the World*. Singapore. 2018. 18 p.

226. Lock E. *Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. London: Routledge. 2010. P. 32–50.

227. MacKenzie K. Turkish Soft Power Changes Middle East // Interview with Sedat Laçiner, *The Journal of Turkish Weekly*, 12 November 2009.

228. Markedonov S. Russia's Evolving South Caucasus Policy: Security Concerns amid Ethno-political Conflicts // *DGA Panalyse*. January 2017. No 1. P. 1-11.

229. Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics. *Millennium: Journal of International Studies*, Vol.33 № 3. 2005. 585 p.

230. Murinson A. The strategic depth doctrine of Turkish foreign policy. *Middle Eastern Studies*, 42:6. 2006. 947 p.

231. Musabekov R. Azerbaijan between Turkey and Russia [Электронный ресурс] // 2011. No. 3. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/na-styke-polej-prityazheniya>. (дата обращения: 10.02.2022).

232. Nye Joseph S. *Bound to lead: the changing nature of American power*. Basic Books, 1990. 167 p.

233. Nye Joseph S. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.

234. Nye Joseph S. *The future of power*. 2011. 147 p.

235. Nye Joseph S. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford University Press, 2002. 147 p.

236. Nye Joseph S. *The Powers to Lead*. Oxford University Press. 2008. 241 p.
237. Ozgur U. *EU, Turkey and Neighborhood Policies*. *Turkish Policy Quarterly*. 8:3. 2009. 77 p.
238. Ozturk A. E. *Islam and foreign policy: Turkey's ambivalent religious soft power in the authoritarian turn*. *Religions* 12.1. 2021. 38 p.
239. Petersen A. *Eurasia's Shifting Geopolitical Tectonic Plates // Global, perspective, local theaters*. Lexington Books. 2017. 260 p.
240. Poghosyan B. *Geopolitical future of South Caucasus [Электронный ресурс] // Over the Horizon*. 2018 February 7. URL: <https://othjournal.com/2018/02/07/geopolitical-future-of-the-south-caucasus/> (Дата обращения 12.02.2022)
241. Rabasa A. *The Rise of Political Islam in Turkey*. A. Rabasa, F. S. Larrabee. Santa Monica: RAND Corporation. 2008. 113 p.
242. Raoul Motika. *Islam in Post-Soviet Azerbaijan*. *Archives de sciences sociales des religions*. *Islam et politique dans le monde (ex-)communiste*. Juillet-septembre. 2001. 113 p.
243. Rozoff R. *Confronting Russia? U.S. Marines in the Caucasus [Электронный ресурс] // Global Research*. 2009. September 4. URL: <https://www.globalresearch.ca/confronting-russia-u-s-marines-in-the-caucasus/15056> (date of access: 24.09.2021).
244. Safonkina E. A. *Turkey as a new actor of soft power policy. // International organizations research journal: education, science, new economy*. 2014, no. 2, vol. 9. P 148- 155.
245. Safrastyan R. *Armenian-Turkish Relations: From Interstate Dispute to Neighborliness // Open Society Institute. Central European University Center for Policy Studies*. 2003–2004.
246. Sayin F. M., Dogan M. *Political relations between Turkey and Georgia in the post-soviet era // Journal of Liberty and International Affairs*. № 3 (2). 2017. P. 42–54.

247. Shiriyeв Z. Institutionalizing a Trilateral Strategic Partnership: Azerbaijan, Georgia, Turkey / Z. Shiriyeв, E. Theshelashvili, M. Çelikpala // Konrad Adenauer Stiftung. 2016. P. 7-9.

248. Shiriyeв Z., Davies C. The Turkey Armenia-Azerbaijan Triangle: The Unexpected Outcomes of the Zurich Protocols // Perceptions: Journal of International Affairs. Vol. XVIII, № 1. 2013. P. 191-194.

249. Torbakov I. The Georgia Crisis and Russia-Turkey Relations. The Jamestown Foundation. 2008. 9 p.

250. Uslu N. The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period // Turkish Journal of International Relations. Ankara. 2003. Vol. 2. No 3&4. P. 172.

251. Vuving A. L. How Soft Power Works. Toronto: Soft Power and Smart Power, 2009. 19 p.

252. Waal T. De. The Caucasus: an Introduction. Oxford University Press, 2018. 2nd edition. 312 p.

253. Wojciuk A., Maciej M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations // European Political Science. 2015. Vol. 14. P. 298-317.

254. Zakaria F. Why America scares the world and what to do about it // Newsweek. 2003. T. 24. P. 19-33.

на турецком языке

255. Çomak H. Dünya Jeopolitiğinde Türkiye. Vol. 23. Hiperlink eđit. ilet. yay. san. tic. ve ltd. sti., 2011. 76 p. (Çомак Х. Турция в мировой геополитике. Т. 23. 2011. 76 с.)

256. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 116 p. (Давутоглу А. Стратегическая глубина: международная позиция Турции // Стамбул: Изд. Кюре. 2001. 116 с.)

257. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu: Ciltli. A. Davutoğlu. İstanbul. Küre Yayınları, 2009. 600 p. (Давутоглу А. Стратегическая глубина: Международная позиция Турции. Стамбул. Изд. Кюре. 2009. 600 с.)

258. Hasret Ç. Dünya Jeopolitiğinde Türkiye Hiperlink. Ç. Hasret. İstanbul: Hiperlink Yayınları. 2011. 628 p. (Хасрет С. Гиперссылка на Турцию в мировой геополитике // Стамбул: Hiperlink. 2011. 628 с.)

259. Karadağ H. Kamu Diplomasisi: Uluslararası İlişkilerde Yeni Bir Boyut. H. Karadağ – İstanbul: Nobel, 2012. 294 p. (Каратаг Х. Публичная дипломатия: новое измерение в международных отношениях // Х. Каратаг. Стамбул. Нобель. 2012. 294 с.)

260. Oran B. Türk Dış Politikası Cilt I: 1919-1980 / B. Oran. İstanbul: İletişim Yayınları. 2001. 248 p. (Оран Б. Внешняя политика Турции, т. I: 1919-1980 гг. / Б. Оран. Стамбул. Изд. İletişim Publications. 2001. 248 с.)

261. Oran B. Türk Dış Politikası Cilt II: 1980-2001 / B. Oran. İstanbul: İletişim Yayınları. 2001. 250 p. (Оран Б. Внешняя политика Турции, т. II: 1980-2001 гг. / Б. Оран. Стамбул. Изд. İletişim Publications. 2001. 250 с.)

262. Oran B. Türk Dış Politikası Cilt III: 2001-2012 / B. Oran. İstanbul: İletişim Yayınları, 2001. 885 p. (Оран Б. Внешняя политика Турции, т. I: 2001-2012 гг. / Б. Оран. Стамбул. Изд. İletişim Publications. 2001. 885 с.)

263. Özdal H., Dinçer O. B., Yegin M. Mülakatlarla Türk Dış Politikası Cilt 2. Cilt 2, Ankara: USAK Yayınları. 2010. 271 p. (Оздал Х., Динчер О. Б., Егин М. Внешняя политика Турции с интервью. Том 2, Анкара: Изд. USAK. 2010. 271 с.)

264. Sancak K. Uluslararası ilişkilerde güç kavramı ve yumuşak güç / K. Sancak. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık. 2016. 156 p. (Санджак К. Понятие

силы и «мягкой силы» в международных отношениях / К. Санджак. Анкара. Изд. Nobel Academic. 2016. 156 с.)

265. Таууар А. Yükselen Güç. Türkiye-ABD ilişkileri ve Ortadoğu. А. Таууар. Bursa. МКМ, 2010. 348 р. (Тайяр А. Восходящая сила. Турецко-американские отношения и Ближний Восток // А. Тайяр. Бурса. МКМ. 2010. 348 с.)

на армянском языке

266. Minasyan E. "Հայ-թուրքական հարաբերությունները ՀՀ անկախության տարիներին." // History and Culture. Journal of Armenian Studies 1 (2). 2021. P. 6-30. (Минасян Э. "Армяно-турецкие отношения в годы независимости РА". // История и культура. Арменоведческий журнал. 1 (2). 2021. С. 6-30.)

267. Գրիգոր Արշակյան, Արման Եղիազարյան, Թուրք-ադրբեջանական ռազմաքաղաքական հարաբերությունները 1991-2001թթ. // «21-րդ ԴԱԲ», թիվ 5 (45), 2012թ. (Аршакян Г., Егиазарян А. Турецко-азербайджанские военно-политические отношения 1991-2001 гг., 21 век, № 5 (45), 2012.

268. Գրիգոր Արշակյան, Արման Եղիազարյան, Թուրքիայի քաղաքականությունը Անդրկովկասում և թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունները 2002-2008թթ. // «21-րդ ԴԱԲ», թիվ 6 (46), 2012թ. (Аршакян Г., Егиазарян А. Политика Турции в Закавказье и турецко-азербайджанские отношения 2002-2008 гг., 21 век, № 6 (46), 2012.

Диссертации и авторефераты диссертаций

на русском языке

269. Аватков В. А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: диссертация доктора политических наук: 23.00.04 / Аватков Владимир Алексеевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»]. - Москва, 2021. 387 с.

270. Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития: дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук: 23.00.04 / Аватков Владимир Алексеевич. – М., 2013. 161 с.

271. Алексанян Л. М. Грузия во внешней политике Турции на современном этапе: диссертация ... кандидата Политических наук: 23.00.04 / Алексанян Лариса Мгеровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»], 2019. 180 с.

272. Зубкова А.И. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002-2014: дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук: 23.00.04 / Зубкова Алена Игоревна. М.: РУДН, 2015. 139 с.

273. Маврина Ю.В. Концепция Давутоглу и ее влияние на внешнюю политику Турции (2001-2011): дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.15 / Маврина Юлия Влерьевна. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2014. 213 с.

274. Мгалоблишвили В.И. Основные направления внешней политики Республики Грузии: дисс. на соискание ученой степени канд. полит.наук: 23.00.04. / Пятигорск. 2016. 72 с.

275. Урманов Д. Р. Динамика развития политики "мягкой силы" в Турецкой Республике в XXI веке: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.03 / Урманов Даян Ренатович; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2018. 27 с.

III. Материалы из интернет-ресурсов

на русском языке

276. Аватков В.А. Турция – новый покровитель Грузии? [Электронный ресурс] / В.А. Аватков // Россия-Грузия экспертный диалог. 2013.24.09. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/241733/> (дата обращения: 04.06.2021).

277. Аверьянов А. Турция возвращает Аджарию под свой контроль [Электронный ресурс] / А. Аверьянов. 2012. 18 сентября. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/09/17/turcija-vozvrashaet-adzhariju-pod-svoj-kontrol-16595.html> (дата обращения: 15.06.2021).

278. Араз Б. Турция: некоторые особенности отношений с государствами Закавказья [Электронный ресурс] / Б. Араз // Центральная Азия и Кавказ. URL: http://www.ca-c.org/journal/2001/journal_rus/cac-05/10.bulru.shtml (дата обращения: 9.09.2021).

279. Аршев А.Г. Турция, Иран и Россия в Закавказье [Электронный ресурс] / А.Г. Аршев // Фонд стратегической культуры. – 2010. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2010/11/26/turcija-iran-i-rossija-v-zakavkaze-1104.html> (дата обращения: 12.11.2021).

280. Аршев А.Г. Закавказский «треугольник» - с четырьмя углами? [Электронный ресурс] / А.Г. Аршев // Ноев Ковчег. 2019. № 7 (318). URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2019-07/6635.html> (дата обращения: 25.07.2021).

281. Арунова М. Турция-Грузия: Сотрудничество и проблемы [Электронный ресурс] / М. Арунова // Институт Ближнего Востока. 2008. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10971> (дата обращения: 14.05.2021).

282. Билан В. Об изменении внешнеполитических приоритетов Турции [Электронный ресурс] / В. Билан // Институт Ближнего Востока. 2010. URL: <http://www.iimes.ru/?=10971> (дата обращения: 14.04.2021).

283. В послании от 24 апреля Эрдоган попросил поддержки армянской общины Турции в нормализации армяно-турецких отношений [Электронный

ресурс] // 24.04.2022. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1081447/> (дата обращения: 25.02.2022)

284. Гаджиев А.Г. Главные аспекты энергетической стратегии Турции [Электронный ресурс] / А.Г. Гаджиев // Институт Ближнего Востока. 2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13305> (дата обращения: 24.09.2021).

285. Гогелиани Т. Роль Запада в урегулировании грузино-абхазского конфликта [Электронный ресурс] / Т. Гогелиани // Центральная Азия и Кавказ. 2003. URL: https://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac02/07.gogrus.shtml (дата обращения: 11.05.2021).

286. Гурьев А. «Геополитический ракурс нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан [Электронный ресурс] / А. Гурьев // Институт Ближнего Востока. 2005. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/19-06-05.htm> (дата обращения: 27.08.2021).

287. Давтян А. Железная дорога Баку-Тбилиси-Карс и Международный транспортный коридор «Север-Юг» в контексте стратегических экономических интересов Армении [Электронный ресурс] / А. Давтян // Ассоциация политической науки Армении. 2018. URL: <http://psaa.am/ru/activity/publications/azat-davtyan/231-azat-davtyan-baku-tbilisi-kars-railway-and-north-south-international-transport-corridor-in-the-context-of-strategic-economic-interests-of-armenia> (дата обращения: 26.03.2021).

288. Дегоев В.В. Чтоб не пропасть поодиночке: Кавказ и Большая Европа: реалии против соблазнов [Электронный ресурс] / В.В. Дегоев // «Дружба народов». 2005. №3. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/3/de10.html> (дата обращения: 13.01.2022).

289. Иванов В. Грузино-турецкие отношения: реалии и перспективы (II) [Электронный ресурс] / В. Иванов // Кавказовед. 2013. URL: 173 <http://www.kavkazoved.info/news/2013/02/01/gruzino-tureckie-otnosheniya-realii-i-perspektivy-ii.html> (дата обращения: 15.11.2021).

290. Кайа Ф. Энергетическая стратегия Турции [Электронный ресурс] / Ф. / Ф. Кайа // Inosmi. 2013. 19 февраля. URL: <http://inosmi.ru/world/20130219/206075176.html> (дата обращения: 14.07.2021).

291. Кудряшова Ю.С. Энергетическая политика Турции в постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / Ю.С. Кудряшова // Информационно-аналитический центр МГУ. 2009. 13 февраля. URL: <https://ia-centr.ru/expert/3839/> (дата обращения: 24.09.2021).

292. Кучера Дж. Грузия опасается растущего влияния Турции в Аджарии [Электронный ресурс] / Дж. Кучера // Иносми.ру. 2017. 14 марта. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170314/238869969.html> (дата обращения: 15.07.2021).

293. Леванишвили А.: В Аджарии растет число недовольных политикой Тбилиси и чрезмерным влиянием Турции [Электронный ресурс] // REGNUM. 2013. 24 августа. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1698582.html> (дата обращения: 15.03.2022).

294. Маркедонов С.М. «Контракт века» - фундамент азербайджанской внешней политики [Электронный ресурс] / С.М. Маркедонов // Политком.ру. 2012. 20 сентября. URL: <http://politcom.ru/14546.html> (дата обращения: 11.06.2021).

295. Маркедонов С.М. Кавказские геополитические веса России [Электронный ресурс] / С.М. Маркедонов // Мемориал. 2010. 6 сентября. URL: <http://odl.memo.ru/d/54604.html> (дата обращения: 05.05.2021).

296. Маркедонов С.М. Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности Кавказского региона [Электронный ресурс] / С.М. Маркедонов // Россия в глобальной политике. 2016. 30 мая. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Rossiisko-turetckie-otnosheniya-i-problemy-bezopasnosti-Kavkazskogo-regiona-18188> (дата обращения: 08.07.2021).

297. Маркедонов С.М. Статус-кво в Закавказье сохраняется [Электронный ресурс] / С.М. Маркедонов // REGNUM. 2016. 19 марта. URL: <http://regnum.ru/news/2101139.html> (дата обращения: 05.05.2021).

298. Мосаки Н. Проект железной дороги Баку-Тбилиси-Карс [Электронный ресурс] / Н. Мосаки // Институт Ближнего Востока. 2007. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/22-05-07> (дата обращения: 16.03.2021).

299. Мурадян И. Политика Турции в отношении Грузинских провинций [Электронный ресурс] / И. Мурадян // Lragir. 2013. 22 февраля. URL: <http://www.lragir.am/index/rus/0/politics/home/28642> (дата обращения: 06.12.2021).

300. Осипян А.О. Трансформация политики Турции на Южном Кавказе после прихода к власти ПСР. Часть 2 [Электронный ресурс] / А.О. Осипян // Институт Ближнего Востока. 2017. 14 сентября. URL: <http://www.iimes.ru/?p=37676> (дата обращения: 16.02.2021).

301. Охрименко И., Турция и кризис на Кавказе. Некоторые политические и экономические аспекты [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2008г. 19 октября. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7652> (дата обращения: 09.09.2022).

302. Теймурова А.Б. Инициативы Турции в сфере морской безопасности Черноморского региона в конце XX –Начале XXI в. [Электронный ресурс] / А.Б. Теймурова // Электронный научный журнал «Ахонт». 2017. Вып. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/v/initsiativy-turtsii-v-sfere-morskojbezopasnosti-chernomorskogo-regiona-v-kontse-hh-nachale-xxi-v> (дата обращения: 17.03.2021).

303. Топуридзе Н. Роль Турции в грузино-абхазском конфликте [Электронный ресурс] / Н. Топуридзе // Regional Dialogue. 2015 19 февраля. URL: <http://regional-dialogue.com/ru/rol-turtsii-abkhazia/> (дата обращения: 06.12.2021).

304. Туманишвили В. Грузия в Турецко-азербайджанском кольце [Электронный ресурс] / В. Туманишвили // ИА REGNUM. 20062 октября. URL: <http://www.regnum.ru/news/714092.html> (дата обращения: 24.09.2021).

305. Эвоян Л. Грузия и Турецко-Азербайджанский военно-политический альянс [Электронный ресурс] / Л. Эвоян // Фонд Нораванк. 2013 9 апреля. URL:

www.noravank.am/rus/articles/detail.php?Element_ID=7010 (дата обращения: 16.03.2022).

на английском языке

306. Ahiska Turks demand right of return to Georgia [Электронный ресурс] // Anadolu Agency. 2017. 17 октября. URL: <http://aa.com.tr/en/europe/ahiska-turks-demand-right-of-return-to-georgia/940213> (дата обращения: 06.12.2021).

307. Balçı B. Strengths and Constrains of Turkish policy in the South Caucasus [Электронный ресурс] // Carnegie. 2014. June 18. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-southcaucasus-pub-55945> (дата обращения: 14.05.2021).

308. Balçı B. Strengths and Constrains of Turkish policy in the South Caucasus [Электронный ресурс] / B. Balçı // Carnegie Endowment for International Peace. 2014. June 18. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkishpolicy-in-south-caucasus-pub-55945> (дата обращения: 18.11.2021).

309. Cecire M. Turkey-Georgia-Azerbaijan: Trilateralism and the Future of Black Sea Regional Geopolitics [Электронный ресурс] // The Central Asia-Caucasus Analyst. 2013. October 16. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12837-turkey-georgia-azerbaijan-trilateralism-and-the-future-of-black-sea-regional-geopolitics.html> (дата обращения: 13.03.2022).

310. Cecire M. Turkey-Georgia-Azerbaijan: Trilateralism and the Future of Black Sea Regional Geopolitics [Электронный ресурс] / M. Cecire // The Central Asia-Caucasus Analyst. 2013. October 16. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12837-turkey-georgia-azerbaijan-trilateralism-and-the-future-of-black-sea-regional-geopolitics.html> (дата обращения: 13.03.2022).

311. Chkhikvadze I. Zero problems with neighbors: The case of Georgia [Электронный ресурс] // Turkish Foreign Policy. Summer 2011. P. 3. URL: <http://turkishpolicy.com/Files/ArticlePDF/zero-problems-with-neighbors-the-case-ofgeorgia-summer-2011-en.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

312. Cornell, S. What drives Turkish Foreign Policy [Электронный ресурс] / S. Cornell / S. Cornell // Middle East Quarterly. Winter 2012. Vol. 18. – 176 URL: https://www.meforum.org/articles/2011/what-drives-turkish-foreign-policy#_ftn27 (дата обращения: 21.06.2021).

313. Fischer S. Turkey and Energy transit question [Электронный ресурс] / S. Fischer // Carnegie Europe. 2016. August 23 URL: <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=64382> (дата обращения: 23.08.2021).

314. Ismailov R. Azerbaijan, Georgia and Turkey: Building a Transportation Triumvirate? [Электронный ресурс] / R. Ismailov // Eurasianet.org. 2007. 6 February. URL: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav020707.shtml> (дата обращения: 19.09.2021).

315. Kholadze M. Geopolitics of South Caucasus: Georgia and Oil Prices [Электронный ресурс] / M. Kholadze // Heinrich Böll Stiftung. 2016. April 1. URL: <https://ge.boell.org/en/2016/04/01/geopolitics-south-caucasus-georgia-and-oil-prices> (дата обращения: 24.09.2021).

316. Kuchera J. Georgia, Azerbaijan, Turkey Agree on Joint Military Exercises [Электронный ресурс] / J. Kuchera // Eurasianet.org. 2014. August 21. URL: <http://www.eurasianet.org/node/69646> (дата обращения: 19.03.2022).

317. Kuchera J. Georgians Wary of Turkey's Rising Influence in Batumi [Электронный ресурс] / J. Kuchera // Eurasianet.org. 2017. Mar 9. URL: <http://eurasianet.org/node/82751> (дата обращения: 15.03.2022).

318. Musabekov R. Azerbaijan between Turkey and Russia [Электронный ресурс] // 2011. No. 3. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/na-styke-polej-prityazheniya>. (дата обращения: 10.02.2022).

319. Poghosyan B. Geopolitical future of South Caucasus [Электронный ресурс] / B. Poghosyan // Over the Horizon. 2018. February 7. URL: <https://othjournal.com/2018/02/07/geopolitical-future-of-the-south-caucasus/> (дата обращения: 8.02.2022).

320. Rozoff R. Confronting Russia? U.S. Marines in the Caucasus [Электронный ресурс] / R. Rozoff // Global Research. 2009. September 4. URL: <https://www.globalresearch.ca/confronting-russia-u-s-marines-in-the-caucasus/15056> (дата обращения: 24.09.2021).

321. Rozoff R. Eurasian Crossroads: The Caucasus in US-NATO war [Электронный ресурс] / R. Rozoff // Dandelion Salad. 2009. April 7. URL: <https://dandelionsalad.wordpress.com/2009/04/07/eurasian-crossroads-the-caucasus-in-us-nato-war-plans-by-rick-rozoff/> (дата обращения: 24.09.2021).

322. Szalanska J. Turkey and Georgia: Strategic connections [Электронный ресурс] / J. Szalanska // BILGESAM. 2012. Mart 23. URL: <http://www.bilgesam.org/en/incele/452/-turkey-and-georgia--strategic-connections/#.VT0V6tLtmko> (дата обращения: 18.01.2022).

323. Tanchum M. Trilateral Summit Signals Turkey's Increasing Role in South Caucasus Collective Security [Электронный ресурс] / M. Tanchum // The Turkey Analyst. 2014. May 28. URL: <http://turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/111-trilateral-summit-signals-> (дата обращения: 16.03.2021).

324. Thomas L. Turning East, Turkey Asserts Economic power [Электронный ресурс] / L. Thomas // The New York Times. 2005. July 5. URL: <https://www.nytimes.com/2010/07/06/business/global/06lira.html> (дата обращения: 24.03.2021).

325. Waal de Th. The Karabakh Conflict as "Project Minimum" [Электронный ресурс] / Thomas de Waal // Carnegie Moscow centre. 2018. 20 February. URL: <http://carnegie.ru/commentary/75584> (дата обращения: 20.02.2022).

326. Winrow G. Turkey's relations with the Transcaucasus and the Central Asian Republics [Электронный ресурс] / G. Winrow // Perceptions. March May

1996. P. 128-145. URL: <http://sam.gov.tr/wpcontent/uploads/2012/01/11.-TURKEYS-RELATIONS-WITH-THE-TRANSCAUCASUS.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).

327. Ozdogan G. G., Kılıdagi O., «Hearing Turkey's Armenians: Issues, Demands and Policy Recommendations» [Электронный ресурс] // Tesev. 24.05.2012. URL: <https://www.tesev.org.tr/en/research/hearing-turkeys-armenians-issues-demands-and-policy-recommendations/> (дата обращения 01.03.2022)

на турецком языке

328. Azərbaycanın dostları kimlərdir? – SORĞU. (Кто является другом для Азербайджана?) [Электронный ресурс] // Milli.az. 16.06.2017. URL: <https://news.milli.az/society/555053.html> (дата обращения: 12.02.2022)

329. Başbakan Yıldırım, Gürcistan Başbakanı Kvirikaşvili ile ortak basın toplantısı düzenlendi (Премьер-министр Йылдырым провел совместную пресс-конференцию с премьер-министром Грузии Квирикашвили) [Электронный ресурс] // Ak Parti. 2016. 19 Temmuz. URL: <http://www.akparti.org.tr/site/haberler/basbakan-yildirim-gurcistan-basbakani-kvirikasvili-ile-ortak-basin-toplanti/85048#1> (дата обращения: 23.08.2021).

330. Cumhurbaşkanı Demirel'den 'Kafkas İstikrar Paketi' önerisi [Электронный ресурс] (Предложение президента Демиреля о «Кавказском пакте стабильности») // Hürriyet. 2000. 16 Ocak. URL: <http://hurarsivhurriyet.com.tr/goster/haber.aspx?id=-126399> (дата обращения: 16.12.2021).

331. Davutoğlu A. Türkiye merkez Ülke olmalı (Давутоглу А. Турция должна стать центром страны) [Электронный ресурс] / A. Davutoğlu // Radikal. 2004. 26 Şub. URL: <http://www.radikal.com.tr/yorum/turkiye-merkez-ulke-olmali-702116/> (дата обращения: 07.12.2021).

332. Davutoğlu'ndan Ahıska Türkleri açıklaması [Электронный ресурс] (Заявление Давутоглу о турках-месхетинцах) // Erzurum gazetesi. 2013. Mart 28.

URL: <http://www.erzurumgazetesi.com.tr/haber/Davutoglu-ndan-Ahiska-Turkleri-aciklmasi/71350> (дата обращения: 08.12.2021).

333. Demir İpek Yolu İçin Temel atıldı (Закладка фундамента железного шелкового пути) [Электронный ресурс] // Hürriyet Gazetesi. 2008. 25 Temmuz.

URL: http://www.yapi.com.tr/Haberler/demir-ipek-yolu-icin-temel-atildi_62818.html (дата обращения: 16.03.2022).

334. Kars-Tiflis-Bakü Projesinin Türkiye ayağının temeli atıldı (Заложен фундамент турецкого участка проекта Карс-Тбилиси-Баку) [Электронный ресурс] // T.C. Ulaştırma, Denizcilik ve Haberleşme Bakanlığı, T.C. Devlet Demiryolları. 2012. 9 Nisan. URL: <http://www.tcdd.gov.tr/home/detail/?id=1660> (дата обращения: 25.03.2021).

335. TANAP 12 Haziran'da açılacak (TANAP откроется 12 июня) [Электронный ресурс] // Yeni Mesaj. 2018. 11 Mayıs. URL: <http://www.yenimesaj.com.tr/gundem/tanap-12-haziran-da-acilacak-h13061118.html> (дата обращения: 11.05.2021).

336. Türkiye-Ermenistan Burs Programı 4. Dönem sonuçları açıklandı. (335. Объявлены результаты четвертого семестра стипендиальной программы Турция-Армения.) [Электронный ресурс] // Hrant Dink Vakfı. URL: <https://hrantdink.org/tr/faaliyetler/projeler/turkiye-ermenistan-programi/turkiye-ermenistan-burs-programi/1031-turkiye-ermenistan-burs-programi-4-donem-sonuclari-aciklandi> (дата обращения: 05.04.2022).

337. Türkiye-Gürcistan siyasi ilişkileri (Политические отношения Турции и Грузии) [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri bakanlığı. URL: http://www.mfa.gov.tr/turkiye_gurc'stan-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения: 15.04.2022).